

18+

TRICK OR TREAT

СПЕЦВЫПУСК

OCT
31ST

DOORS OPEN
@ 6PM

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

БЕЛЫЙ
АПЕЛЬСИН

H A L L O W E E N

БУДЕТ УЖАСНО ИНТЕРЕСНО

Белый

**Литературный журнал «Белый
апельсин». Спецвыпуск
«Halloween»**

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Главный редактор Алексей Богомолов
Составитель обложки Людмила Яхина
Технический редактор Андрей Скрыль
Ведущий редактор Ольга Гриценко
Редактор Эрик Поладов
Редактор Надежда Зайдуллина
Рук. сектора АСИТ Роман Скрыль
Рук. сектора реализации Кристина Комиссарова

© Белый, 2023

Дорогой читатель!

Вот и настала ночь, когда пора оглянуться через плечо, проверить на месте ли все кухонные ножи и не крадется ли кто-то за углом. Я не предлагаю отправляться на кладбище в полнолуние, чтобы принести в жертву черного петуха над безымянной могилой и произнести заклинание на латыни. Но я настоятельно рекомендую проверить, на месте ли шило для колки льда...

Желаю, чтобы этот Хэллоуин ты запомнил надолго и не перепутал вино с кровью, а зебру со свитером Фрэдди Крюгера!

ISBN 978-5-0059-1385-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Литературный журнал «Белый апельсин». Спецвыпуск «Halloween»](#)

[От редколлегии литературного журнала «Белый апельсин»](#)

[Олёна Ростова](#)

[Анна Ахматова](#)

[Улана Зорина](#)

[Дмитрий Морфеев](#)

[Эрик Поладов](#)

[Андрей Лоскутов](#)

[Анна Гале](#)

[Надежда Соколова](#)

[Геннадий Край](#)

[Ирина Соляная](#)

[Ирэн Блейк](#)

[Ольга Таир](#)

[Юлиана Еленина](#)

[Светлана-Астра Рожкова](#)

[Наталья Тимошенко](#)

В этом номере опубликованы работы следующих авторов:

Олёна Ростова, Анна Ахматова, Улана Зорина, Дмитрий Морфеев, Эрик Поладов, Андрей Лоскутов, Анна Гале, Надежда Соколова, Геннадий Край, Ирина Соляная, Ирэн Блейк, Ольга Таир, Юлиана Еленина, Светлана-Астра Рожкова, Наталья Тимошенко.

Редколлегия выражает особую благодарность руководителю творческой студии «ЕЛАКРЕЗА3» Лилии Пафомовой за подготовку изображений к выпуску журнала!

Внимание!

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных публикаций. Использование материалов журнала (частичная или полная перепечатка произведений, статей и иллюстраций, а также цитирование) возможно только с письменного разрешения редакции. Мнение редакции не всегда может совпадать с мнением авторов.

Контакты

white-orange.ru

vk.com/wh_orange

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «БЕЛЫЙ АПЕЛЬСИН»

Дорогой читатель!

Пусть в наступивший Хэллоуин — канун международного праздника Дня Всех Святых, тебя окружит волшебство!

В этом выпуске редакция журнала собрала для тебя самые страшные и мистические истории. И мы очень надеемся, что его прочтение доставит тебе лишь одно удовольствие.

Резвись, танцуй, пугай, интригуй, перевоплощайся, завораживай, увлекайся и отрывайся по полной, ведь сегодня самое время погрузиться в мир мистических таинств, нечисти и проделок Темных сил.

Желаю тебе веселого, яркого, страстного и страшного (в хорошем смысле этого слова) Хэллоуина!

Главный редактор журнала

«Белый апельсин» — Алексей Богомолов

Join our coven! — Присоединяйся к нашему шабашу!

Пусть у тебя будет прямо-таки убийственный праздник на этот Хэллоуин! Желаю нереально пугающей силы духа, мертвецкого спокойствия, зверской веры в себя и ледящего душу процветания! С праздником!

Технический редактор — Андрей Скрыль

Zombies love a girl with brains! — Зомби любят девушек с мозгами!

Таинственные тени прячутся за гонимой ветром листвой, ветви деревьев хищно сгибаются и тучи скрывают далекие звезды... Не спи в эту ночь! Не гаси до рассвета пламя свечей! Празднуй Хэллоуин так, чтобы зло и у порога не топталось, а вот веселым друзьям и озябшим добродушным псам-оборотням — добро пожаловать! Пусть все невзгоды растают с рассветом, и останется в славной твоей жизни только хорошее!

Ведущий редактор – Ольга Гриценко (White Night).

I put a spell on you! – Я заколдовываю тебя!

Дорогой читатель!

Вот и настала ночь, когда пора оглянуться через плечо, проверить на месте ли все кухонные ножи и не крадется ли кто-то за углом. Я не предлагаю отправляться на кладбище в полнолуние, чтобы принести в жертву черного петуха над безымянной могилой и произнести заклинание на латыни. Но я настоятельно рекомендую проверить, на месте ли шило для колки льда...

Желаю, чтобы этот Хэллоуин ты запомнил надолго и не перепутал вино с кровью, а зебру со свитером Фрэдди Крюгера!

Редактор – Эрик Поладов

Get scary! And this is so exciting... – Становится страшно! И это так захватывающе...

Желаю страшного, но в то же время веселого Хэллоуина!

Пусть сегодня будет до жути интересно, пусть каждое мгновение таит в себе интригу, страсть, задор и страх. Желаю яркого праздника в отличной компании. И пусть уже завтра все темные силы и такие же мысли покинут тебя и твою жизнь. А пока — БУУ!)) Прячься, нечисть уже здесь...

Редактор – Надежда Зайдуллина

Vampires party all night! – Вампиры тусят всю ночь!

Сегодня канун всех святых, а значит самое время вспомнить о Хэллоуине и поздравить с ним, что сейчас я и сделаю... Желаю мерзкого веселья, отвратительной радости, ужасной вечеринки и жуткого настроения!

Руководитель сектора АСИТ – Роман Скрыль

Abracadabra! – Абракадабра!

Канун Дня всех святых – это не только веселый, но и весьма мистический праздник, поэтому пожелаю, чтобы нечисть никогда не приближалась к вашим домам, а оставалась там, где ей и положено быть. Приготовьте конфеты, это вас спасет!

Счастливого Хэллоуина!

Руководитель сектора по взаимодействию со СМИ и реализации проектов – Кристина Комиссарова

Teamwork makes the scream work... – Вместе мы воплощаем крик в реальность...

Предложения и работы для рецензирования можно высылать по адресу электронной почты editors.who@gmail.com.

www.vk.com/wh_orange

Наши контакты и товары в WhatsApp

ОЛЁНА РОСТОВА

«TRICK-OR-TREAT»?

«Trick-or-treat» — эта фраза уже давно стала популярной и в нашей стране. А переводится она с английского дословно: «Трюк или угощение». В общем, смысл этой фразы таков: «Или неси подарочек, или готовься к розыгрышу». А розыгрыши, кстати сказать, бывают разные, особенно, когда подключается нечистая сила и вся ее многочисленная братия. Готовы ли вы, например, к встрече с вампиром в каком-нибудь темном переулке? А если вас вдруг навестит среди ночи ваш давно ушедший в мир иной родственник, обрадуетесь ли вы такой встрече? Да-да, речь идет о таких вот розыгрышах. Ведь фраза «Trick-or-treat» имеет непосредственное отношение к празднику «Halloween», который отмечается в последний день октября — 31 числа. Празднуется он накануне «Дня всех святых».

«All Hallowed Souls Evening» или в переводе на русский язык — «Вечер накануне Дня всех святых» — это время разгула всякой нечисти, время, когда может произойти все что угодно. Это как ночь накануне святого праздника «Рождества». Вспомните нетленное произведение нашего великого писателя Николая Васильевича Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Особо выделяется эпизод, когда кузнец Вакула верхом на черте летит в Петербург к самой императрице за черевичками для прекрасной Оксаны.

Конечно, в наше время праздник стал более современным. И он не несет негативной окраски. Даже наоборот, это время, когда хочется повеселиться, покуражиться, устроить маскарадную вечеринку, переодевшись в костюм ведьмы, оборотня или какого-

нибудь злого духа. И в таком вот интересном виде потом пойти по друзьям и знакомым с целью получить вожаденное угощение, а в случае отказа, проделать над скарелными хозяевами какой-нибудь трюк. И пусть тогда знают, как иметь дело с потусторонним миром. И кстати, веселье весельем, но кто знает, что там действительно, в этом мире, мире мистическом и непознанном.

И если для нас, современных людей 21 века, не представляющих свою жизнь без интернета, IT-технологий, электронных гаджетов, социальных сетей, мобильных приложений и прочих умных штучек этот мистический потусторонний мир все еще остается под замком за семью печатями, то что уж говорить о людях, живших много-много столетий назад. Можно только представить себе, какой ужас могла наводить на них вся эта мистика.

Давайте же перенесемся в прошлое и погрузимся в древнюю историю этого интересного и овеянного флером несколько пугающей таинственности и загадочности праздника.

Итак, если мы заглянем в прошлое, то мы обнаружим, что «Halloween» берет свое начало в традициях древних кельтов, которые в свое время проживали на территории Ирландии и Шотландии. Сейчас это территория современной Великобритании и Северной Ирландии. История происхождения Хэллоуина связана с кельтским языческим празднеством под названием «Самайн» или «Самхейн». Празднество это было приурочено к окончанию сбора урожая. Оно символизировало переход от одного сельскохозяйственного года к другому. Если касаться самого названия «Самайн» («Samhain»), то это слово со староирландского переводится как «конец лета».

«Самайн» мощно и широко отмечался на территории Британских островов и прочно ассоциировался со сверхъестественными силами и со смертью.

Согласно древнему поверью кельтов именно в ночь с 31 октября на 1 ноября два мира — мир живых и мир мертвых — открывали свои двери. Таким образом, у обитателей потустороннего мира

появлялась возможность проникнуть на землю, в мир живых. Боясь стать жертвами привидений и злых духов, вечером 31 октября кельты гасили в своих домах огонь. А чтобы еще больше себя обезопасить, они переодевались в звериные шкуры, тем самым пытаясь отпугнуть непрошенных гостей. Возле же своих домов они оставляли для духов угощения. После этого люди собирались у костров, которые разжигали жрецы-друиды. Совершался в это время и обряд жертвоприношения. Как правило, в качестве жертвы выступал домашний скот, но случались и человеческие жертвоприношения. Жертвами обряда могли стать преступники, военнопленные, чужестранцы и прочие «лишние» люди. По окончании обряда народ брал священный огонь и нес его по своим домам. Вот такая вот история.

К 8 веку «Самайн» трансформировался в праздник под названием «День всех душ» или иначе — «День всех святых», отмечаемый 1 ноября. А взаимопроникновение языческих традиций и христианских обрядов было положено в основу зачатков Хэллоуина.

Впервые же название «Halloween» появляется в 16 веке. Оно стало сокращенной шотландской формой английского выражения «All-Hallows-Even», в переводе на русский — «Вечер всех святых». Именно так было принято называть ночь накануне «Дня всех святых». Надеемся, вы не запутались во всех этих хитросплетениях.

Примерно в это же время появилась и традиция отправляться вечером 31 октября за сладостями. Происходило это так. И дети, и взрослые надевали на себя маски, которые шились из ткани, и отправлялись бродить по домам в округе. Они пели песни, танцевали, читали стихи, показывали фокусы, в общем, делали то, на что были способны. Хозяева же за это должны были преподнести им угощения.

А вот традиция переодеваться в различные костюмы и носить с собой так называемый «Светильник Джека» — «Jack O'Lantern» появилась только на рубеже 19–20 веков.

Тыквенный фонарик — «Jack O'Lantern» — сейчас является основным символом праздника «Halloween». «Светильник Джека» является своего рода оберегом. Считается, что если оставить его накануне «Дня всех святых» возле дома, то жилище будет защищено от злых духов и всяческой нечисти.

Фонарик делают из поллой тыквы, внутрь которой затем помещают свечу. На самой же тыкве делаются прорезы, которые напоминают рожицу или гримасу.

«Светильник Джека» символизирует собой душу, которая не принята ни в Ад, ни в Рай.

Кстати, вместо тыквы можно использовать и репу. Тыквенные фонарики появились в 1837 году в Америке. А вот в Ирландии и Шотландии были распространены как раз фонарики из репы. Репа была заменена на тыкву прибывшими в Северную Америку иммигрантами, так как на этих землях именно тыква была более доступна, а еще она гораздо лучше поддавалась резке.

А кто же такой Джек? Почему светильник называется именно так? На этот вопрос нам даст ответ весьма интересная легенда. Джек был пьяницей, но при этом слыл хитрецом. Однажды он повстречал на своем пути самого дьявола, которого, что называется, смог обвести вокруг пальца. Джек заманил нечистого на дерево за фруктами, а сам в это время нацарапал на стволе крест. Затем он занялся обычным шантажом и выторговал у дьявола для себя ряд привилегий.

Вся последующая жизнь Джека прошла в грехе и беспробудном пьянстве. Разумеется, в рай ему дорога оказалась закрыта. Но и в ад он не попал. Дьявол поступил честно, ведь он дал Джеку обещание. Он лишь выбросил для Джека тлеющий кусочек угля из адского пламени, чтобы бедолага смог осветить путь домой. Именно этот уголек Джек и поместил в пустую репу. Вот с тех самых пор Джек все скитается и скитается по земле, не находя нигде себе пристанища.

Кроме популярных тыквенных фонариков праздник «Halloween» сопровождается также и украшением домов. Значительную роль

играют символы осени. Можно разместить возле дома кроме тыквенного фонарика еще и чучело, которое будет также охранять дом от нечистой силы.

Традиционными цветами Хэллоуина являются оранжевый и черный. И именно их обязательно стоит использовать в маскарадных костюмах.

Есть у праздника даже свой гимн. Им стала известная песня «Monster Mash». Популярна также и композиция «This is Halloween», вошедшая в саундтрек к анимационному фильму «Кошмар перед Рождеством».

На Хэллоин, как и на Рождество, принято гадать. Эта информация будет весьма интересна для прекрасной половины человечества. Можно гадать, например, на кожуре яблока. Кожуру нужно срезать с плода, при этом она должна быть как можно более длинной. Затем яблочную кожуру нужно бросить через плечо и по ее форме определить букву. Именно с нее и будет начинаться фамилия будущего избранника.

На яблоках можно погадать еще и следующим образом. Нужно нацарапать на плодах буквы, затем поместить яблоки в таз с водой и ртом, не прибегая к помощи рук, вытащить одно яблоко. Какая буква на нем окажется, на ту и будет начинаться фамилия супруга.

Эти гадания довольно простые, но есть и посложнее, и пострашнее. Известно ли вам поверье о Кровавой Мэри? Гадание заключается в следующем. Девушке необходимо подняться в абсолютно темном доме по лестнице. Идти при этом нужно спиной вперед. А после этого стоит зажечь свечу и провести ей перед зеркалом. И если девушка увидит в зеркале череп или не увидит вообще ничего, не быть ей женой никогда. В общем, девушки, хорошенько подумайте. А стоит ли игра свеч?!

Принято на «Halloween» накрывать и праздничный стол. Так как именно на это время приходится время сбора урожая яблок, то яблоки и составляют основу всех сладостей. К столу подают яблочную карамель, яблочные ириски и яблоки в сиропе.

Но не только. Например, в той же Северной Америке среди сладостей весьма популярны конфеты в виде кукурузы, так называемые, кенди-корны. Их готовят из кукурузного сиропа, сахара, связующих веществ и искусственных красителей. Есть еще и кенди-пампкины — это конфеты в виде тыквы. Для приготовления этой сладости нужен мед, особый нежирный крем и большое количество зефира.

Кроме сладостей на праздничном столе должен присутствовать традиционный хлеб — бармбрэк. По аналогии с варениками в тесто для бармбрэка принято класть горох, кусочки ткани, деревянные щепки, монеты и кольца. Каждый из этих предметов, разумеется, предсказывает будущее. Кому что в испеченном хлебе попадется, то и будет ждать. Горох предрекает, что скорой свадьбы не случится, щепки сообщают о неприятностях в семейной жизни, кусочки ткани сулят бедность, а вот монеты обещают богатство, а кольца — скорое замужество или женитьбу.

Такой вот он интересный праздник — этот «Halloween». Возникнув много-много веков назад на территории Британских островов, он сумел завоевать практически весь мир. И нам сейчас остается лишь выбрать: «Trick-or-Treat»?

АННА АХМАТОВА

НАШ ДОМ

Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.
А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.
Между окнами будет дверца.
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым пылает огнем.
Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край.
Но сказал нам монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешников рай».
И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду я с тобой».
Одни теперь мы на воле.
И у ног играет прибой...

УЛАНА ЗОРИНА

ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТЬЕ СКВОЗЬ ВЕКА

Немножко истории от автора

Никитское кладбище, оно же Московское или Офицерское, давно закрыто для захоронений. Повсюду видна удручающая картина запущения и разрухи, начало которой положил вполне официальный советский вандализм. Дореволюционные захоронения дворянства и знати большей частью исковерканы и обезображены. На многих могилах разбиты кресты, разгромлены памятники, стерты лица на пожелтевших фотокарточках. Во времена Союза памятные надписи безжалостно срывались и использовались для новых владельцев. Советская власть не питала особого уважения к праху покойных и родственникам умерших. Само понятие таких мест погребений не соответствовало новой идеологии атеизма и являло собой часть «проклятого прошлого». Несмотря на всю борьбу коммунистов с духовным наследием, остатки кладбища до сих пор уцелели.

Знаменитый погост богат зелеными насаждениями. Когда легкий ветерок проносится сквозь пушистые кроны, вороша шуршащие листочки, по кладбищу разносится скорбный шепот, вызывающих к живым мертвецам. Множество любопытных праздно шатаются по ровным дорожкам Некрополя. Заглядывают за ржавые оградки, напустив на лицо грусть, печально качают головами. Сколько оборванных судеб и поломанных жизней хранится в сплетении тропинок? А сколько пытливых умов, обрели вечный покой в мягкой сырой колыбели!

Нам не сосчитать всех холмов, усеявших землю волнами. Тут дремлют солдаты, отдавшие жизни за нас. Они шли вперед, грудью встав за страну — умирали. За Курск, выполняя последний, но важный приказ.

Если осмелиться и прийти сюда ночью, тихонько бродить по темным аллеям, то можно услышать, как перешептываются между собой неупокоенные солдатские души. Вы мне, конечно, не поверите, что ж, ваше право. Но если вы вдруг окажетесь в городе Воинской Славы, обязательно загляните на старое Никитское кладбище, прогуляйтесь неспешно в паутине уютных аллей и прислушайтесь к шепоту ветра. «Тук-тук», — это стучит ваше сердце, подчиняясь благостному умиротворению, царящему в древнем Некрополе.

На старом кладбище нашли упокоение такие великие люди как Шуклин Григорий Андрианович, художник портретист, иконописец. А также Иеромонах Лаврентий Пронский, Онуфрий (Гагалюк) (1889—1938), архиепископ Курский и Обоянский, священномученик, и его мать-монахиня Наталия (Гагалюк). Она родилась в семье поляков-католиков, а потом приняла православие и стала монахиней с именем Наталия. Скончалась в год гибели сына. В 1846 году на тогда еще Московском кладбище вместо сгоревшей деревянной церкви была возведена новая каменная церковь с приделом в честь великомученика Никиты. Средства на нее пожертвовал почетный гражданин Михаил Воробьев. Храм Успения Божией Матери и Великомученика Никиты возвели в русско-византийском стиле по проекту Константина Тона, того самого, который проектировал Кремлёвский дворец и храм Христа Спасителя. Знаменито кладбище также захоронением А. Максимовой-Рожиной, на чьей могиле установлена известная «плачущая статуя», на лице которой часто видны «следы от слез», появлявшиеся вновь и вновь. Также на Никитском кладбище можно увидеть Памятник на могиле полковника Перекальского С. Н., командира дивизии, Героя Советского Союза. Неподалеку расположено место захоронения

двенадцати подводников АПРК «Курск», затонувшей в 2000 году. И над всем этим возвышается Стела Мемориального комплекса «Памяти павших в Великой Отечественной войне». Во время войны с фашистами, после первой бомбежки Курска, у ограды кладбища появилась братская могила мирных жителей, погибших в августе 1941 года. Имена их можно перечислять до бесконечности.

Так о чем это мы? Именно тут, в глубине старинного некрополя, и находится та самая таинственная могила, на которой в единственную ночь в году, накануне сочельника, появляется маленький призрачный огонек.

*Что в мире есть страшнее Цыганского Проклятья?
Только Проклятье умирающей цыганки!*

Примечание

Все персонажи, места и компании являются вымышленными, все совпадения с реально живущими и жившими людьми, а также существующими либо существовавшими местностями и компаниями случайны.

Пролог

Зима в этом году выдалась суровой. Снежные шубы пышно укутали деревья, устлали дорожки пушистым ковром. Морозный день плавно переходил в студёные сумерки. Город медленно затихал, рабочий люд уныло прятался по домам, редкие экипажи проносились по скользким улочкам, рискуя покалечить усталых рысаков. С приходом ночи жизнь в городе замирала. Но не сегодня.

Величественный особняк сверкал яркими огнями. Громко отыгрывал резвые пляски неугомонный оркестр. Купчиха Анна Филипповна Гладакова давала богатый прием, да и сама дама 74 лет от роду веселилась вовсю. Блистая драгоценными камнями на пышном платье, она посвящала юных девиц в таинственные обряды святочных гаданий. Сморщенное, как печеное яблоко, лицо

благородной старухи светилось неподдельным ликованием: «Вот и еще один год протянула, а ноги не протянула!» — жеманно хвалилась она, выслушивая в ответ лестные комплименты и неискренние восхваления. Все дворянство славной Курской губернии имело честь присутствовать на данном празднестве.

Веселье было в самом разгаре, когда кто-то особо разбитной из золотой молодежи предложил ночное катанье на санях! Гости в азарте радостно поддержали, и прислуга опрометью бросилась исполнять пожелание столь высоких особ. Вот множество саней заполнили Троицкую улицу и половину Сергиевской в ожидании благородных кутил. Разбуженные лошади испуганно фыркали, переступая копытами. Ночной город был пуст, и никто не препятствовал гуляющему дворянству пронестись с ветерком под сияющим ликом полнобокой луны в хрустальной тишине святочной ночи.

— Помилуйте, барыня! Куда же вы? — бежал за Анной Филипповной встревоженный кучер. — Как же можно? — помогая подняться и занять его место на облучке блистательной особе, возжелавшей самой править санями.

— Да темно же, хоть глаз выколи! А коли случится дурное?!

— А ты меньше каркай, Пахом! Я дольше живу, и сама уж с конями управлюсь! Не смей мне перечить, холоп! — горделиво вытянув тощую шею, купчиха уселась на мягкие шубы, что Пахом успел подсунуть под тощий благородный зад, перед тем как, склонившись, попятился. Высокий особняк ярко освещал дорогу, и горячая бравада кипела в крови, не давая и шансу тревожному страху.

— Пошла! — купчиха взмахнула вожжами, и белые рысаки рванули вперед. Сидевшие в санях гости весело кричали, в хмельном угаре с завидной регулярностью бряцали бутылками, разливая шампанское и щедро расплескивая друг на друга.

Шумный кортеж, миновав полгорода, не сбавляя скорости мчался вперед. Гремели тосты, звякали бокалы, визжали облитые

игристым дамы, рассыпались в извинениях сконфуженные кавалеры, заверяя красавиц в самых благородных намерениях. Щеки Анны Филипповны покраснелись, глаза слезились от укусов морозного ветра, трясущиеся руки едва держали жесткие вожжи. Резво вывернув на Цыганский бугор, сани нещадно подпрыгнули, купчиха покачнулась, пальцы ослабли и разжались. Охнув, старуха принялась елозить в ногах, нащупывая грубые поводыя. Сани круто повело на скользкой дороге, рысаки испуганно заржали, вскидываясь на бегу, выворачиваясь из упряжи. Пассажиры завопили, лихорадочно толкая друг друга и вываливаясь из скособоченной повозки. Анна Филипповна, выпучив глаза, истошно орала, изо всех сил хватаясь за устилающие облучок шубы.

Никто не заметил тоненькую девушку, застывшую в страхе на краю дороги. В огромных черных глазах плескалось безумие, бледные губы что-то быстро шептали, а в руках извивался в крике укутанный в хламье чернявый малыш.

Дубовые сани с орущей старухой, переваливаясь набок, неслись прямо на них. Онемевшие ноги не слушались, словно попав в паутину, девушка не могла двинуться с места, незримая сила сковала замерзшее тело. Глядя в глаза своей смерти, в последний момент она все же смогла побороть оцепенение и отбросить в сугроб драгоценную ношу. Выставив перед собой сверкающие браслетами смуглые руки, цыганка закричала:

«Убийца легко не умрет, покоя нигде не найдет, пока рука проклявшей в эту же ночь не прогонит с убийцы проклятие прочь!»

Заглушив последние слова, сани с грохотом смяли хрупкую фигурку, разmozжили и протянули кровавыми ошметками по белоснежной дороге туда, где слабо светился Цыганский бугор. Успевшая спрыгнуть купчиха, плюясь и отряхиваясь, оторопело взирала на влажную черную полосу и изломанное юное тело.

Подоспевшее дворянство, в панике заламывая шапки, уже спешило на помощь своей благодетельнице, кутаясь в шубы и растирая озябшие щеки. До мертвой цыганки никому не было

дела, лишь скуливший ребенок лет так пяти сверкал из сугроба глазенками, боясь шевельнуться и попасться этим расфуфыренным синьорам. До крови кусая бледные губы, девчушка жалобно смотрела на мамочку. На то, что осталось от стройной красивой цыганки, по воле судьбы недошедшей до дома лишь пары шагов, окончившей свою яркую жизнь под полозьями дряхлой, но богатой старухи. Девочка смотрела на мать, а в глазищах разгоралось яростное пламя ненависти.

Глава 1

Всю жизнь, сколько себя помнила, Лию мучали кошмары. Еще в раннем детстве, живя со всей многочисленной семьей на Цыганском бугре, девочка, просыпаясь в слезах, бежала в бабкину спальню, забиралась на высокую кровать и утыкалась мокрым лицом в упругое теплое тело, пытаясь спрятаться от пугающих наваждений. К слову, старая цыганка не чуралась колдовства и была очень уважаема в таборе. А про ужасные сновидения бабушка наутро подробно расспрашивала, что-то карябала в толстой черной тетрадке и подолгу молчала, обдумывая и никого к себе не подпуская. Девочку же успокаивала, ласково поглаживая по спине.

«Ах, Лиана-Велиана. Знать судьба наша такая, проклятая!» — малышка хлюпала носом, прижималась теснее и тихонько засыпала под хриплое бабкино карканье.

Старой цыганки давно уже нет, а кошмары, отступив на несколько лет, вновь вернулись с пугающей силой. Правда, наутро от них оставался лишь тающий след леденящего страха.

Тряхнув головой, девушка поежилась от холода. «Опять экономят на отоплении, долбанная общага», — подумала она. Соседки еще дремали, тихо посапывая в теплых коконах одеял. Шестое января, сочельник и начало святок. На занятия уже не надо, а домой еще не разъехались. После Новогодних праздников Курский медицинский колледж вновь собрал своих студентов третьего

января, чтобы, поучившись пару дней, они снова распрощались на праздники. Скромница Лия была бы рада соскочить до дома хоть сейчас, но упрямые подружки решили в сочельник устроить сеанс традиционных гаданий на суженого. А кто кроме юной цыганки годился на роль толкователя? Девушка печально вздохнула. Разве могла она отказать подругам? Ведь это такая малость, тем более ей без особых усилий удавалось разглядеть крылатого ангела в кофейной гуще или вызов к декану среди веера карт. Соседки дружили с первого курса и, вопреки расовым предрассудкам, не гнобили и не задирали хрупкую цыганочку.

Зима ворожила студеными ветрами. Хлопья мокрого снега слепили прохожих, спешащих под окнами серой общаги. Лия уныло взирала на хмурый мир, и в душе нарастала непонятная тревога. Сегодня ночью они собирались на кладбище, то самое, Никитское, где, по слухам, обитает нечистая сила. Лиана, конечно, не верила, но само путешествие отчего-то пугало.

— Лий, ты чего так рано? Спала б еще. Ааа! — громко зевнула Александра.

— Не спится, — спокойно ответила та.

— Блин, разбудили, — заворочалась третья. Всклокоченные белые пряди колтуном свисали с подушки. Потерев лицо ладонями, Анжела грозно уставилась на Сашу глазами штормового моря. Лиана поспешила встать между ними, и бушующий шторм сменила синева прозрачного неба.

Девочки, ну выходной же, дайте поспать! — взмолилась блондинка и демонстративно отвернулась.

— Да спи, кто тебе не дает, — хмыкнув, Александра пошла умываться, гнусава под нос какой-то веселый мотивчик. Анжела подняла подушку и с психом накрыла ей голову. Лия лишь улыбнулась и, поборов в душе страх, повернулась к окну. Сегодня опять был кошмар. И снова она почти ничего не запомнила, лишь

ощущение морозного ужаса, смешанного со ржанием лошадей, да нависшую над головой гигантскую тень. Как и всегда, Лиана, зябко проведя плечом, стряхнула с себя липкие ошметки ночного кошмара и раскрылась навстречу новому дню, предвкушая приближение чего-то очень важного и судьбоносного.

Глава 2

Ночь выдалась на славу. Белый пух приятно охлаждал лица, мягкими лапами пробираясь под воротники. Морозец слегка поутих, едва раскрасив бледные щеки в приятный розовый румянец. Ярким пятном, прячась за редкими облачками, ночное светило поглядывало свысока.

— Стремно тут как-то! — Анжела крепче укуталась в капюшон бирюзового пуховика.

— А ты думала, в сказку попала? — ухмыльнулась Саша, сдувая с кончика носа особо наглую снежинку. Лиана шла молча, ее продолжали мучать сомнения, а нехорошие предчувствия ледяными щупальцами сдавливали сердце. Светло-коричневая дубленка цыганочки не давала и шанса легкому морозцу, однако по коже все равно бегали мурашки, а волосы на руках предательски топорщились.

— Девочки, может, в комнате погадаем, или за общагой? Зачем сюда идти? Я столько легенд слышала про это кладбище! — жалобно подала она голос, но те лишь отмахнулись.

— Я тоже слышала, думаешь мне гаданье это нужно? Пф! Хочу посмотреть, правда ли в полночь вспыхивает огонек на старой могилке, еще какая-то страшная легенда про это есть. Мм!.. — протянула Анжела.

— Да? Какая? — встрепелась Александра. — Желик, расскажи! Не томи!

— А потанцевать за рассказ?

— Да я тут уже всю дорогу отплясываю, тебе мало, что ли? Могу еще цыганочку, с выходом из-за могилки! — запнулась, виновато

косясь на серьезную черноокую подругу. Распугивая ночную живность, по кладбищу раскатился залиvistый девичий смех.

— Вы что, спятили? — цыкнула Лия. — Мы же на кладбище, уважайте покой мертвецов, а то они придут и затащат вас к себе в могилу!

— У-у-у-у! — с фонариком у лица передразнила блондинка подругу. — Ну ладно, уговорила. Есть городская легенда о купчихе первой гильдии Анне Филипповне Гладаковой, будто именно в эту ночь, раз в году на ее могиле загорается огонек, это ее неупокоенная душа ищет прощение своих грехов.

И повторила трюк с фонариком.

— У-у-у-у!

Коротко взвизгнув, Александра подпрыгнула.

— А еще, число на могиле стоит какое-то странное, и никак его невозможно изменить. Много раз пробовали стачивать, чтоб выгравировать правильную дату смерти, но все бесполезно. Так вот.

Смутно знакомые образы мелькнули перед глазами. Лиана резко остановилась.

— Ты что? — с ходу ткнулась в нее Анжела.

— Нам сюда... — как в трансе цыганочка повернула и смело шагнула на еле заметную узенькую тропку.

— Веди нас Сусанин-герой! — кривляясь, продекларировала неугомонная Анжела. Слова льдинками зависли в воздухе, отражаясь от невидимых стен и увязая где-то между мирами. Над кладбищем нависла гробовая тишина.

— Ого, вы слышите?! — забеспокоилась Александра. Ее темные волнистые волосы так и норовили залезть девушке в рот, занавесить глаза. Приходилось их постоянно поправлять, засовывая под вязаную серую шапочку с большим пушистым помпоном.

— Не, ничего не слышно, — легкомысленно повела плечом белокурая балагурка.

Подростки в нерешительности остановились, настороженно прислушиваясь. Старое Никитское кладбище и впрямь словно

вымерло. Никаких привычных ночных шорохов, ни звуков редких автомобилей притом, что дорога практически рядом, буквально 100 метров в сторону. Будто бы купол безмолвия опустился на юных искательниц приключений. Даже скрип шагов по хрустящей кладбищенской тропке звучал как-то нарочно, искусственно.

Подружки испуганно замялись, пытаясь поймать за рукав гадалку, но Лия их не слышала.

Перед глазами девушки стелилось ровное полотно городской трассы. Ни одного экипажа в непроглядной ночи. Тишина завораживала. Городской шум утих, унося за собой суету, лишь где-то вдали глухо гремел оркестр, перемежаясь со звонкими бубенцами дорогих саней. Согревая в объятиях черноокую малышку, цыганка торопилась домой. Осталось всего ничего, уже слабо виднелись разбавлявшие темень огни обители курских детей ветра. Цыганский бугор славился неудержимым весельем, всевозможными трюками и фокусами. Цыган ценили за их неунывающий нрав, но в работники старались не брать. Кочевой народ отличался беспечностью и природной ленью.

Прижимая и баюкая красавицу дочь, Велиана боязливо семенила по краю заснеженной трассы, торопясь и тревожно оглядываясь. Звон саней и шумный гомон господ неумолимо приближался, и с каждым шагом сердечко цыганки испуганной птишкой рвалось из груди. Вот уже слышится храп рысаков, звон бокалов и жеманный смех благородных девиц. Испуганный женский вскрик, звук падающих на дорогу тел, крики и визги. Не чуя под собой ног, Велиана обернулась. Тяжелый бок дубовых саней, раскидав своих седоков неумолимо летел на нее. Заторможенный взгляд выцепил исковерканное ужасом лицо старухи, раззявленный в крике рот и готовые выскочить из орбит безумно распахнутые глаза. Мгновенье, и сани незыблемой скалой нависли над хрупкой фигуркой. В последнем порыве Велиана прочь отбросила дитя и, выставив перед собой дрожащие ладони, прокричала слова. Непонятные, гортанные, пришедшие, казалось, из глубины

обреченной души. Как гром пронеслись они над искореженным боком летящих саней, запечатанные кровью невинно убиенной, тяжелым роком опустились на дряблые плечи, ввелись под кожу, сплелись с ДНК и с кровью впитались в застывшее сердце обреченной купчихи. Стылая спица пронзила старуху. Студеная кровь больше не грела тщедушное тело. Множество докторов пытались помочь излечить странный недуг, но все напрасно. Отчаявшись, на пороге смерти она приказала доставить цыганскую ведьму, дабы вымолить прощение за невольно загубленную жизнь. Выслушав старую женщину, наслышавшись о доброте щедрой купчихи, что не жалея сорила деньгами, помогая нуждающимся, древняя цыганка пожалела несчастную:

«Дочь моя была сильной ведьмой. Проклятье умирающей невозможно снять. Но я могу чуть изменить его, повернув черные потоки в другое русло. Ты, барыня, все одно помрешь. Но прикажи на камне своем выбить то, что я тебе нашепчу. Это не поможет тебе, не спасет, но задержит душу бесплотную, не даст бесам с проклятой покуражиться. Спасенье твое в прощенье проклявшей!»

Не знала купчиха, что значит сие напутствие, но велела все сделать именно так.

В новом 1851 году в последний день февраля, дожив до 75 лет и 6 дней, купчиха первой гильдии, почетная гражданка города Курска Гладакова Анна Филипповна насмерть замерзла в своей постели под кучей пуховых одеял.

Похоронили ее на знаменитом Никитском кладбище, а на надгробье по указу самой набили: «Здесь погребено тело потомственной Почетной гражданки курской 1 гильдии купчихи Анны Филипповны Гладаковой, скончавшейся 1851 года 31 февраля. Жития ей было 75 лет и 6 дней.».

Глава 3

— Смотрите! — перестав бессмысленно хватать за рукав онемевшую подругу, Саша замерла. Впереди в темноте зависшего

безмолвного киселя ярко мерцал огонек. Как раз там, куда и спешила Лиана. Испуганно переглянувшись, подружки рванули за ней, стараясь перехватить и оттащить цыганочку от пугающей неизвестности. Шаг, еще шаг, и девушки уперлись в кривую оградку.

— Лия, не ходи туда! Стой! — запинаясь и глотая слова, закричала Анжела. Но было уже поздно. Словно загипнотизированная, девушка стояла у самой могилки, замороженно всматриваясь в блуждающий огонь. Как только прошла сквозь оградку? Сорвав с волос капор, порыв ветра упрямо трепал смольные кудри, расплескивая по худеньким плечикам. Тишина затягивала, давила на уши, путала мысли.

«Кто посмел нарушить мой покой?!» — громовым раскатом разорвал тишину голос. Девочки закричали, прижимаясь друг к дружке. Волосы на головах встали дыбом, а в оголенные нервы вонзились тысячи острых иголок: *«Вы поплатитесь за это жизнью!»*

Взвизгнув, девчонки, не помня себя от ужаса, сорвались с места и, дико вращая глазами, помчались к цыганке, ища калитку в ржавой преграде.

Не пройдя и двух шагов, резко запнулись, будто врезавшись в стену. Неизвестно откуда взявшийся ветер закружил мириады колких снежинок в бешеном хороводе, не давая вздохнуть, заслоняя подругу.

— Лия?! — попыталась позвать ее Александра, но поперхнулась. Гневный порыв швырнул в лицо острую взвесь, царапая щеки, забивая рот и глаза. *«Убирайтесь!»* — шумело сквозь ветер. Девочка глухо закашлялась, рядом с ней задышалась Анжела.

— Что это, Саш? — то и дело плюясь, прохрипела блондинка, тщетно пытаясь прикрыться ладошками.

— Не знаю! — стараясь перекричать воющий ветер, ответила та.

Внезапный буран не спешил успокаиваться, беснуясь и атакуя стремительными порывами беззащитных студенток. Александра, нащупав рукав подруги, судорожно подтащила Анжелу к себе и, наперекор необузданной ярости взбунтовавшейся стихии, смело

шагнула вперед, туда, где у могильного камня, замерев, словно в трансе, стояла Лиана. Вьюга, молниеносно накрывшая кладбище, будто бы не касалась цыганки, милостиво обходя стороной, но при этом щедро хлестала колючими иглами мокрого снега продрогших насквозь подруг. *«Еще чуть-чуть!»* — шептала брюнетка с трудом преодолевая напор разбушевавшейся стихии. Ноги словно притягивало к земле, приходилось прикладывать серьезные усилия, чтобы оторвать от поверхности, выдернуть их из стылого капкана. Казалось, вот-вот и пучина выпустит жертв из своих цепких объятий. Раздавшееся позади дикое ржание заставило подруг испуганно дернуться, впечатываясь в оградку. Прижавшись спинами к покореженным прутьям, во все глаза подростки смотрели, как прямо на них неумолимо движется снежная громада.

Три белых коня летели на девушек, играючи преодолевая преграды, грозясь затоптать и подмять под себя стылыми копытами. Сердце Анжелы рухнуло в пятки и, подскочив к горлу, перекрыло дыхание. Вылезшие из орбит глаза светились безумием. Раскрыв широко рот, она дико вопила, не замечая, как тучи колючих снежинок устремились туда, зло впиваясь в язык и царапая небо, комком забивая охрипшую глотку. Александра в испуге вцепилась в оградку, иступлено шатая ее и стараясь прорваться к цыганке, оставляя на ржавом железе клочья заиндевевшей кожи. Кровь смешалась со снегом, закружив, осыпав несчастных гранатовым бисером. Ржание громким набатом прорезало уши. Сотряса копытами снег, кони вздыбились, белою глыбой нависая грозой над несчастными, и рассыпались вмиг ледяными кристаллами брызг, унося за собой и буран. Сверкающей пеленой оседала на девочек пыль, выстужая и замораживая, превращая в гротескные окоченелые статуи.

— Ли-и-и-и-я-я! — крик боли разорвал цепкую паутину, разметав ошметки призрачных оков, растворяя в густых эманациях на границе миров. Лиана встрепенулась и, повернувшись к подругам, в ужасе прикусила губу. Стоя в притык к корявой

оградке, две снежные статуи тянули к ней тонкие руки, открыв в немом крике застывшие рты, а мутные бельма расширенных глаз тусклыми льдинками сияли в глазницах.

— Не-е-ет! — раненой птицей взметнулся беспомощный вопль, ослабшие ноги предательски дрогнули, и Лиана кулем повалилась на холмик, орошая застывшую землю горячими алыми каплями. Губу жгло, казалось, ее дергают калеными щипцами, но девушка, не обращая на это внимания, горько рыдала, растворяя снег солеными брызгами.

«Ты?!» — казалось, клубы мрака сгустились, уплотнились, формируя тень, и над Лианой нависла черная сгорбленная фигура: *«Ты, цыганка, чистая дочь вольных ветров! Молю тебя, помоги мне!»*.

С удивлением девушка подняла лицо и заглянула в кошмарные провалы пустых глазниц.

— Помочь? Тебе? Посмотри, что ты сделала с моими подругами? — терзавший душу страх куда-то улетучился, и девушка, смело вскинув голову, поднялась на ноги.

«Это проклятье!» — прошелестело печально: *«Оно не дает приблизиться смертным. В один-единственный день я могу получить прощение, но люди гибнут, замерзая и превращаясь в холодный, бездушный кусок льда!»*

— Но я? — начала было Лия... *«Но ты другая.»* — черным хлыстом потянулась рука и отпрянула, призрак покачнулся, тьма заколебалась. И из бездонного провала на месте рта раздался душераздирающий вой: *«Прости меня, дочь ветров! Отпусти мою душу! Дай упокоиться в мире, соединиться с любящей семьей. Видит Бог, неволью я стала орудием смерти. Прости, Велиана!»*

Девушка, вздрогнув, попятилась. Такое неподдельное горе волнами боли наполняло густеющее пространство, разламывало, размывало границу миров. Сердечко цыганочки дрогнуло, остановившись на миг, и с новой силой забилося, разливая по венам тепло.

«Помоги ей...» — на грани слышимости родился шепот. Лиана обернулась. Рядом с застывшими ледяными статуями, стояла маленькая смуглая девчушка, кое-как укутанная в куцые лохмотья. «Помоги...» — разлепились бескровные губы. Присев перед девочкой, Лия взглянула в распахнутые смоляные озера, что-то родное, до боли знакомое шевельнулось в душе. Обхватив бледные щечки своими ладонями, Лиана воскликнула.

— Бабушка?!

Девчушка улыбнулась, и озорные искорки оживили смолу, расплескав мириады огней. Да, это были глаза ее бабушки, той самой, к которой малышка так часто прижималась в ночи, скрываясь от жутких кошмаров. Озорно сверкнув глазками, малышка взяла руку девушки своими тонкими ледяными пальчиками и, не по-детски сжав их, повторила: *«Лиана-Велиана, девочка моя, помоги ей, и ты поможешь сама себе. Твое сердечко чисто и светло, оно все знает, все чувствует. Не со зла Анна погубила тебя, матушка! Сполна искупила она грехи свои. Прости, отпусти ее!»* — и взмахнув второй бледной ручонкой, девочка выцепила в клубящемся пространстве пятипалую черноту и ловким движением соединила обе конечности.

— Матушка?.. — промелькнуло в голове, затуманивая разум, переворачивая душу. Жалобный вой черного призрака древней скиталицы жгучей иглой кольнул сердце и устремился дальше, в пучину страданий, туда, где все это началось.

Глава 4

Очнулась Лиана, когда Пахом, усадив барыню на облучок, пошел прочь, горестно тряся головой.

— Куда это ты? А ну стой! — грозный окрик хозяйки остановил кучера. Она стояла у саней, царственным жестом протягивая плетку, стройная, как спица, в свои-то 74!

— Дык вы ж изволили... — затараторил сбиваясь.

— А теперь опять изволю. И не перечь мне, ирод! — Лиана глазами купчихи ясно видела, как под усами мужика расплылась

довольная улыбка.

— Кто угостит даму? — повернувшись к саням, старуха, стянув с облучка меховые подклады, ловко бросила ими в гостей. Те засмеялись, заулюлюкали. Соорудили пушистый престол и, подняв на руки благодетельницу, чинно усадили, с поклоном вручив хрустальный бокал. Игристое шипело и булькало, пузырьки нежно щекотали небо. Поддавшись всеобщему веселью, Анна-Велиана с головой погрузилась в безрассудное празднество! Пахом виртуозно срезал повороты, смеясь и подбадривая шустрых рысаков. Вот показался Цыганский бугор! Сердце купчихи, сделав безумный кульбит, ухнуло в пятки. Выронив звякнувший хрусталь и подскочив, она распихала гостей, а те, хохоча, схватили полоумную, пока не загремела в сугроб.

— Стой! — заорала Гладакова во всю силу потрепанных легких.

— Пахом, остановись, окаянный! — выхватив у кавалера бокал, купчиха метко запустила снаряд прямо в кучера. Тот, вздрогнув, обернулся и, натянув поводья, ловко остановил рысаков. Мотая белыми мордами, те громко храпели, теряя пену и поводя ушами, в нетерпении переступали копытами.

— Чего изволите, барыня, — подобострастно склонился.

— Оглох что ли, окаянный? Изволю! А ну, сними меня отсюда! — выкатив изумленно глаза, тот поспешил выполнять указание. Все разом смолкли. Перешептываясь, гости удивленно взирали на худую купчиху, тянувшую теплую шубу со своего престола. Справившись, наконец, и переведя дух, Анна Филипповна, чинно обойдя сани, повернула к Бугру. Там, на самом краю видимости, испуганно жалась молодая цыганка, пряча в объятиях смуглую девочку. Подойдя ближе, купчиха расправила шубу и аккуратно накинула щедрый подарок на худенькие плечи.

— Посмотри на меня! — ласково обратилась к цыганке, та вздрогнула, не смея поднять взор на важную даму.

— Не бойся, я не обижу тебя. Приходи ко мне завтра. Ты знаешь, кто я? — цыганка робко кивнула, так и не подняв головы.

— Приходи, я накормлю тебя, дам работу и помогу твоему ангелочку, — протянув сморщенную кисть, купчиха слегка коснулась черных кудряшек, выглядывающих из-под пышного меха. Горделивая дочь ветров вскинула голову, готовая защищать ценой жизни родное дитя, но поймав добрый взгляд благородной особы, разом смягчилась и, слабо кивнув, притянула девчушку покрепче, с удовольствием кутаясь в роскошную шубу. Смуглая рука мелькнула сквозь щель распахнувшейся шуб, крепко ловя сухопарую кисть. Анна-Велиана судорожно дернулась, но цепкие пальцы держали крепко. Обернувшись, старуха мгновенно попала в капкан черных смеющихся глаз.

— Я прощаю тебя! — дрогнули губы. И петля разомкнулась, выпуская счастливую душу из липких оков цыганского проклятья. Купчиха попятилась, ощущая легкость и радость, а вслед ей смотрела пара бездонных и все понимающих глаз.

Словно на крыльях Гладакова добралась до саней. Там, замерев в изумлении, не сводив с нее глаз, томилаь в ожидании вся честная компания. Подхватив старушку на руки, вновь усадили на поредевший престол. Колокольчик звякнул, гости зашумели, а кучер, взмахнув плеткой, пустил рысаков в долгожданный галоп.

Ее окружал гомон гостей, смех и веселье, а в душе растекалось тепло. Голова закружилась от счастья. И, выдернув из немощной дамы, Лиану вновь понесло по призрачным волнам междумирья.

Глава 5

— Эй, хорош дрыхнуть! — теплое одеяло безжалостно полетело на пол.

— Лия, ну сколько тебя можно ждать? — другой голос резанул по ушам.

— Девчонки, вы живы? — едва продирая слипшиеся веки, цыганочка спрыгнула с постели и кинулась обнимать соседок по комнате.

— Ты что, спятила? — оттолкнула подругу Анжела, — Я только волосы уложила, блин, опять все сначала! Ну спасибо, подруга! — сверкнуло на Лию штормовым предупреждением.

— Да, что с тобой, заболела?! — выпутываясь из кольца рук ненормальной, прошипела Александра. — Платье помнется. Ты что такая дерзкая сегодня?

— Лиана, ты же с нами собиралась, давай колись, что надевать будешь?

Девушка испуганно вздрогнула. Воспоминания нахлынули, затопив мысли, перехватив горло.

— Девочки? — едва пискнула Лия. — А может ну это кладбище, я вам и тут могу погадать! — умоляюще возилась на подруг.

— Что?! — в изумлении повернулась Анжела.

— Какое еще кладбище, Лийка? Ты что, с дуба рухнула? — словно кувалдой припечатала Саша. — Соскочить хочешь? Мы уже согласились.

— Ты что, забыла? У парней сегодня ночью... Вечеринка-а-а-а! — закричала Анжела, и подружки хором завизжали.

Лиана смотрела на них, а на губах, словно майская роза, расцветала счастливая улыбка. Голова прояснялась, куда-то вдаль ускользала купчиха, теряясь в призрачном розовом мареве.

Эпилог

Анна Филипповна Гладакова прожила долгую и плодотворную жизнь. Помогала бедным, строила храмы и никогда никого не убивала. Скончалась добродетельная старушка в возрасте 90 лет в любящем кругу родных и близких. А где похоронена и что высечено на сером могильном камне, мы проверять не пойдем. Так же, как и потомственная цыганская колдунья Велиана.

ДМИТРИЙ МОРФЕЕВ

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Пускай не наставления, а мой собственный пример покажет вам, какие опасности таит в себе познание и насколько тот, для кого мир ограничен родным городом, счастливее того, кто хочет вознестись выше поставленных природой пределов.

Мэри Шелли, Франкенштейн, или Современный Прометей

Однажды в Городе, в доме на Озёрной улице умирал старый резчик по дереву. Почти все его родные уже покинули этот мир, остался только внук Даниэль — единственная отрада и наследник семейного дела.

Когда Даниэль хотел позвать служителя храма, чтобы тот исповедовал умирающего, дед остановил его.

— Мое время на исходе, мой мальчик. Незачем тратить его на беготню. Чужой человек, пусть даже из храма, не поймет моих душевных терзаний. Сядь Даниэль и выслушай меня. Давно я хотел открыть тебе тайну, да все откладывал. Теперь уж откладывать некуда.

Молодой человек опустился у кровати деда и взял его грубую морщинистую ладонь в свою. Старый мастер сильно закашлялся, а затем начал свой рассказ:

— Тайна, которую я собираюсь тебе открыть, связана с гибелью твоего отца. Я говорил тебе, что он, как и твоя мать, умер во время эпидемии, но видит Бог, это не так. Он погиб из-за инструмента. Из-за самого обычного на вид ножа со скошенным лезвием, какие мы — резчики повсеместно используем в нашем деле. Не думай, что

старик твой на смертном одре вышел из ума. Ты еще сам убедишься в правдивости моих слов. Тот дьявольский нож твой отец украл и жестоко поплатился за свой поступок. Простим ему, когда болезнь унесла твою матушку, он стал сам не свой...

Умирающий вдруг замолк и попросил глоток воды, чтобы продолжить рассказ:

— Не проси меня раскрывать подробности гибели сына... Просто поверь, что это было ужасное зрелище для родительских очей. Много народу полегло во время мора, покойников с каждым днем прибывало, и в какой-то момент их стало больше живых, так что хоронили как придется. В такой суматохе не сложно было скрыть истинную причину смерти одного человека.

После нож перешел ко мне. Зная, на что способен этот страшный предмет, я сперва пытался его выбросить, потом уничтожить, но все было бесполезно. Тогда я запер его и спрятал в тайнике. Там он постоит и по сей день. Когда я умру, ты станешь его хозяином. Прости, что оставляю тебе этот крест. Поклянись... поклянись могилой своей матушки, что никогда ни при каких обстоятельствах ты не станешь его использовать!

Растерянный Даниэль поклялся, желая успокоить деда.

— Он будет звать тебя. Попытается искусить, запутать... — старый мастер уже почти не видел лица внука, перед глазами всплывало все больше темных пятен. — Не поддавайся! Помни, тебе не нужен никакой особый инструмент, чтобы быть мастером. Я хорошо тебя обучил...

— Дедушка! — позвал Даниэль. — Прошу, не засыпай!

Старик вздрогнул, услышав голос внука, и вновь открыл глаза.

— Если встретишь людей с немигающим взглядом, держись от них подальше, — прошептал дед тревожно, но затем вдруг посмотрел внуку прямо в глаза, улыбнувшись чисто и безмятежно. — Я верю, что ты со всем справишься...

После похорон Даниэль все не мог выбросить рассказ деда из головы. Бредил ли старик или в их доме действительно спрятан какой-то артефакт? Что за люди с немигающим взглядом, о которых предупреждал дедушка? И что толкнуло отца на преступление?

Размышления размышлениями, а нужно было работать, чтобы прокормиться и содержать мастерскую. Даниэль делал манекенов для всех портняжных лавок Города. Работа ему нравилась, но монотонность порой навевала тоску. Каждый манекен был похож один на другого. А молодому мастеру иногда так хотелось придать своим творениям индивидуальности, вырезать более мелкие детали. Резные скульптуры его деда когда-то любила вся округа. Сам Губернатор однажды заказал у старика белку, грызущую золотой орех. Но времена меняются, а вместе с ними и сам Город: нынче детализированные деревянные фигуры никому были не нужны.

Закончив очередную партию безликих созданий, молодой человек снова припомнил слова деда. Где именно находился тайник старик так и не успел рассказать, но Даниэлю не потребовалось много времени, чтобы найти сокровище. Все важные вещи старый резчик хранил в массивном секретере, который сам когда-то сделал. В одном из многочисленных ящиков обнаружилось скрытое дно, а за ним деревянная шкатулка с заржавевшим замком.

Даниэль потряс шкатулку. У него не возникло сомнений, что внутри таился тот самый инструмент, о котором говорил дед. Ключа не осталось, но это ничуть не заботило молодого мастера. Он не собирался идти против воли покойного, а всего лишь хотел убедиться, что предмет существует. Даниэль спрятал шкатулку на место и несколько недель даже не вспоминал о ней.

Как-то вернувшись поздно вечером домой, Даниэль обнаружил шкатулку на своем рабочем столе. Молодой человек насторожился: в доме кроме него больше никого не было, а историю деда он никому не рассказывал. Неужели зло, скрытое внутри шкатулки, и правда пытается вырваться наружу? Мастер поспешил снова убрать предмет в тайник. От греха подальше. Но с тех пор, стоило

Даниэлю вернуться домой с наступлением темноты, шкатулка неизменно ждала его на столе. Чего он только не делал, чтобы прекратить эту чертовщину: закрывал шкатулку в разных местах на тяжелые замки, обвязывал заговоренной кудесниками нитью, окроплял святой водой, один раз со злости даже выбросил в озеро! В конце концов, Даниэль стал редко отлучаться из дома, а если и приходилось, то возвращался до захода солнца.

В тот день свидание затянулось допоздна. Молодой человек явился домой грустный и раздосадованный из-за ссоры с прекрасной Лукрецией. Пара была почти помолвлена и это «почти» сыграло свою роль.

Лукреция Пикок была дочерью известного на весь Город художника-портретиста. Даниэль знал, что отец девушки не слишком одобрял их союз, так как считал резьбу по дереву грубым ремеслом, далеким от искусства. Сама Лукреция прежде всегда утверждала, что мнение отца не мешает ее сердечной привязанности, но в тот вечер речи ее вдруг резко переменились.

«К чему упрямиться? Разве не проще признать, что батюшка в сущности прав? Конечно, твое дело не менее достойное, чем его. Но никаким резным фигурам никогда не сравниться с живописными полотнами или мраморными статуями», — с досадой вспоминал Даниэль слова девушки.

Молодой человек схватил одну из заготовок для своих манекенов.

— Я еще докажу не только городу, но и всему свету, что я тоже творец, а не простой ремесленник! — процедил Даниэль сквозь зубы, беря в руку инструмент.

Молодой мастер принялся за работу со всем усердием, отдавая делу всего себя. Творение выходило на редкость детальным, а инструмент будто слился с рукой: так легко удавалось придавать дереву желаемую форму. В безумном упоении и в предвкушении

успеха Даниэль проработал не покладая рук до самого утра. И вот произведение искусства было готово! Фигура получилась настолько реалистичной, что когда мастер закрепил на деревянной голове парик, то охнул. Перед Даниэлем стоял его деревянный двойник!

Но что такое? Вглядевшись в лицо своего детища, творцу стало не по себе. Он посмотрел на инструмент, которым выполнил бóльшую часть работы. Обычный нож-косяк со скошенным лезвием. Только с какой-то невнятной закорючкой на рукоятке. Даниэль напряженно окинул взглядом свой стол. На краю стояла распахнутая пустая шкатулка, завещанная дедом.

Молодой мастер услышал скрип, а затем почувствовал, как деревянная рука сжала его шею. Нож с грохотом упал на пол. Даниэля охватил ужас: перед собой он увидел немигающие глаза двойника!

ЭРИК ПОЛАДОВ

СЛУЧАЙНЫЙ ПАЦИЕНТ

Порой даже после смерти пациенты не покидают больницу в надежде, что их все еще вылечат.

— Итак, я решил пропустить некоторые отделения в здании, чтобы начать с того места, где происходили основные события. Я направляюсь в блок «З» — сказал австрийский журналист Ганс Вальтер, продолжая исследовать психиатрическую клинику недалеко от границы с Чехией.

Все здание изнутри пребывало в полуразрушенном состоянии. Штукатурка и плитка осыпались. Повсюду лежали куски битого стекла. На металлическом инвентаре просматривались обильные следы ржавчины. Вокруг все было пропитано огромными скоплениями пыли и запахом сырости.

Он продолжал говорить, стараясь не отдалять диктофон от губ.

— Если верить словам гера Штуцбера, чей отец проработал здесь врачом девять лет, именно в этой части здания, где я сейчас нахожусь, ученые Третьего рейха проводили опыты над пациентами с 1938 по 1943 гг. В одном из помещений возле меня находятся медицинские инструменты. Среди них стеклянные шприцы, скальпели, молотки, нечто похожее на пилу для вскрытия черепной коробки. Возможно, это применялось для трепанации черепа и лоботомии. Также мною обнаружены осколки тонкого закругленного стекла; вероятно, фрагменты ампул для инъекций. Не исключено, что данное помещение служило складом препаратов и инструментов.

Ганс нажал на паузу и отложил диктофон. Его руки обхватили свисающий на шее фотоаппарат. Он приступил к запечатлению на пленку всего того, что было им обнаружено и направился в коридор, после чего переступил порог следующего помещения.

В соседней комнате расположен стол для проведения неких процедур над подопытными. Стол снабжен необходимыми ремнями для фиксации конечностей, головы и туловища. Рядом расположен некий прибор, который, судя по внешнему виду, подключался к электросети. Скорее всего данный аппарат был предназначен для проведения электрического тока к мозгу пациента через провода, на которых, как я вижу, закреплены электроды.

Закончив с этим помещением, Ганс нажал на паузу, опустил диктофон в сумку, свисающую с плеча, сфотографировал все вокруг и вышел в коридор. Он достал пачку «Мальборо», закурил и подошел ко входу в следующее помещение.

Он включил запись и продолжил:

— Помещение номер три. У разбитого окна находится инвалидное кресло, в центре кресло для проведения неких работ над пациентами, также оборудованное ремнями для фиксации конечностей и головы. Ах, да. Чуть не упустил из виду. Над креслом подвешен осветительный прибор с шестью лампами по кругу и одной в центре. У стены расположены шкафы стеллажного типа. Дверцы с разбитыми стеклянными окнами лежат на полу, очевидно из-за проржавевших дверных петель. Внутри на полках каких-либо предметов не наблюдается.

Вновь Ганс нажал на паузу, сделал несколько фотографий и вернулся в коридор.

Он стоял перед порогом очередного помещения на противоположной стороне коридора. Дверь покосилась и держалась на одной петле. Стекло в дверном окошке было разбито. Ганс заметил, как осколки этого стекла хрустнули у него под ногами. Он аккуратно переступил через порог.

Комната оказалась относительно небольшой. Внутри были письменный стол, один стул с рабочей стороны и два с противоположной. В углу лежала опрокинутая вешалка. В метре от нее на стене висело зеркало. На потолке с прогнившего провода свисал пустой патрон.

Ганс подошел к столу и отодвинул стул. Он вернул сигарету в рот, зажав губами и принялся шарить по ящикам, выдвигая их один за другим. Во втором ящике он обнаружил картонную папку и без промедлений достал ее. Положив ее на стол, Ганс прочитал на лицевой стороне: «Проект А. Р. Программа № 129. Отчет № 3». Журналист не верил своим глазам. Как на столь секретном и тщательно охраняемом объекте в годы войны могли что-то оставить. С небывалой жадой он развязал нитки и начал знакомиться с тем, что скрывалось внутри.

На поверхности лежали негативы фотографий. По силуэтам было трудно разобрать, что именно запечатлено на негативах. Следом шла стопка фотографий. Ганс взял первую и подставил рядом первый негатив. Содержание оказалось идентичным. Это был вскрытый череп во время операции с воткнутыми в мозг электродами. На голове отсутствовала часть костной ткани от лобной доли до теменной, включая верхушку затылочной кости. Отбросив обратно за ненужностью негатив, Ганс стал пересматривать фотографии. На следующей были запечатлены два санитаря, поддерживающие за подмышки подопытного, который, судя по швам на бритой голове, уже был прооперирован. Далее был операционный стол. На нем лежал пациент. Его веки были подняты при помощи инструментов. Рядом с глазными яблоками через орбиты проходили тонкие электроды. На остальных фотографиях был один и тот же человек. С каждой последующей фотографией Ганс делал все более сильную затяжку от сигареты, выпуская густые клубы табачного дыма и не разжимая губ.

Ганс удовлетворенно покивал головой и отложил фотографии в сторону.

Дальше пошли документы. Он взял первый лист, текст которого содержал следующее:

«Объект исследований — мужчина, 39 лет, 172 см, 75 кг. На момент начала исследований отклонений в нервной системе не выявлено. Наследственные заболевания отсутствуют. Зрение соответствует норме. Умственные способности соответствуют минимальным стандартам для зрелого возраста. Уровень психического развития удовлетворительный».

Под текстом были указаны имя и фамилия врача с подписью: «Доктор Вернер Шварц». Ниже дата: «12.08.1940».

На этом содержание первого листа завершилось. Ганс перевернул его лицевой стороной вниз рядом с папкой и взял следующую страницу.

«Проведена первая операция. В ходе работы было совершено хирургическое вмешательство с целью отключения некоторых областей левого полушария, прописанных в пункте 35-S устава стратегического исследования. В результате операции получены следующие результаты: объект потерял контроль над 19 группами лицевых мышц; при попытке сжать пальцы одной руки, подобное действие непроизвольно повторяется на другой руке; двигательные функции нижних конечностей утрачены; правый глаз обездвижен, но функции визуального восприятия сохранены; за счет статичности правого глаза спектр зрительного охвата расширен (объект способен наблюдать за двумя разными точками, ощутимо удаленных друг от друга, что делает невозможным одновременное восприятие обычными органами зрения), при этом сознательное восприятие физических параметров окружающих предметов сохранено».

Далее имя все того же врача и дата — «01.09.1940».

Ганс начал стремительно перелистывать страницы. Результаты исследований были зафиксированы на 52 листах. Он небрежно сложил их рядом с папкой и принялся осматривать остальное. Под бумагами лежал конверт с надписью: «Лично в руки Фюреру». Ганс поспешно развернул бумажный сверток и обнаружил, что конверт

запечатан. Его лицо остолбенело, а глаза не верили находке. Он не заметил, как его челюсти тесно сжались и фильтр сигареты уже был перекусан зубами. Ощувив болтающийся во рту кусок фильтра, Ганс выплюнул его вместе с сигаретой.

Конверт показался ему слишком ценным для того, чтобы вот так сразу легкомысленно открывать. Это могло стать веским основанием для роста по карьерной лестнице, или можно было бы опубликовать свою книгу-расследование в другом более авторитетном издательстве. Вместе с этим, многие будут готовы отдать круглые суммы ради того, чтобы ознакомиться с самыми интимными секретами Третьего рейха, в которые так и не был посвящен даже Гитлер. Почти четыре года Ганс усердно искал информацию о месте нахождения клиники, а затем восемь километров на своем джипе преодолевал бездорожье в глухом поле, пытаясь дотошно соблюдать направление движения и не сбиться с курса. Слишком много усилий он потратил, чтобы добраться до этого места, которое так тщательно спрятано, что никому и в голову не придет отправляться сюда, где даже спустя 60 лет в радиусе восьми километров до сих пор нет никаких признаков цивилизации.

Знакомство с содержимым конверта Ганс отложил на потом.

На остальных бумагах были записаны какие-то химические формулы и наименования препаратов.

Ганс решил не терять времени и начал складывать все обратно, после чего завязал папку и опустил ее в свою сумку.

Вдруг у Ганса возникло чувство, что кто-то дует ему в шею. Он резко обернулся, но никого не увидел.

Наверное, сквозняк — подумал Ганс.

Он закончил с этой комнатой, сделал ее снимки, взял в руку диктофон и направился к выходу, поправляя свою рабочую сумку на плече. Он прошел мимо покрытого пылью зеркала. В зеркале мелькнула размытая полупрозрачная фигура. Ганс резко остановился и медленно приблизился к зеркалу. В нем равномерно появлялось отражение. Это было отражение Ганса. Все как в обычном зеркале.

Кроме глаз. Его зрачки... их будто не было. Он смотрел на свое отражение, но отражение, лишенное глаз, его не видело. Вместо радужной оболочки пятна насыщенного багрового оттенка. Ганс тщательно всматривался, моргнул несколько раз, протер веки, но картина не менялась. Через пару секунд он обратил внимание, как в отражении что-то вырисовывается под нижним веком на левой стороне. Это что-то росло, или растягивалось. Вдруг из этого места резко потекла кровавая струйка. Диктофон выпал из рук Ганса и разбился, ударившись о грязную плитку. Он ощутил невыносимую колющую боль в глазах, словно кто-то вытягивает их из орбит. Он убрал руки и, преодолевая дискомфорт, снова встретился с зеркалом и заметил, что отражение немного заполнилось. А именно заполнились пустоты в орбитах черепа. Там были глаза. Глаза Ганса, покрытые многочисленными капиллярами. Боль усилилась, и он снова спохватился вытирать веки. Он развернулся и проделал шаг в обратном направлении. После Ганс ощутил необычный холод, который соприкоснулся не только с кожей. Прохлада добралась до самых глубин его тела. Легкие, желудок, сердце, мозг — все было охвачено легким холодом.

Испытав это чувство, Ганс по инерции отпрыгнул назад и отвел ладони от лица. Перед ним предстал силуэт. У этого существа с человеческими очертаниями был вскрытый череп и... оно заговорило:

— Доктор, меня вылечили?

АНДРЕЙ ЛОСКУТОВ

ЁКА-НАТЬ

Странный дед, живший внизу под нами, всегда меня беспокоил. Он то и дело говорил, что живет на первом этаже для того, чтобы быть поближе к земле. И постоянно приговаривал «ёка-нать» (почти через каждое слово). Однако родителям он казался вполне безобидным.

Дед этот любил в свое время возиться в саду за домом вблизи гаражей, он постоянно рыл какие-то ямы. А когда его спрашивали, чем занимается он отвечал, что делает клумбы и будет сажать цветы. И действительно, зарытые им ямы превращались через какое-то время в довольные приличные цветочные насаждения. Помню, как он вечно собирал дворовых детишек и рассказывал всякие свои страшные байки, но когда дед волновался, то через каждое слово вставлял свое любимое «ёка-нать». И естественно, когда это добавлялось в самый кульминационный момент рассказа, он заставлял детей смеяться.

Кажется, только одному мне казалось, что с этим дедом что-то не так. И все мои опасения оправдались, когда однажды вечером с прогулки не вернулся наш кот. Обычно родители велели мне не пускать его по вечерам, но в тот день они были в гостях, а котейка уж очень просился на улицу. Скребся у входной двери как безумный. Ну и я, недолго думая, выпустил его, надеясь, что этот пушистый шалопай скоро вернется.

Но он не вернулся, ни через час, ни через два. Родители, очевидно, тоже домой не собирались: позвонив в одиннадцать, они велели мне покормить кота и ложиться спать без них. Но чтобы

покормить этого балбеса, его вначале придется найти. Первым делом я подумал, что пушистый шалопай опять заблудился или замурлыкался в очередной раз с одной из соседских кошек. Ведь он у нас еще тот ловелас, пистолет видит дальше глаз...

В общем, одевшись, я решил поискать кота возле дома. Взяв ключи и фонарик и натянув куртку, я вышел на улицу. Кыскал я это пушистое чудовище. Кыскал, пока не услышал жалобное мяуканье в ответ. Доносилось оно из-за дома, где рядом с гаражами возвышались уже довольно размашистые дедовские клумбы. Наверное, бедолага запутался в них и застрял, — подумалось мне. Но, когда луч фонаря осветил одну из ям рядом с клумбой, то я увидел как старик сидит у края на корточках и жадно высасывает кровь из отчаянно барахтающегося кота. Заорав, я выронил фонарик и хотел побежать, но ноги не слушались. Как будто вросший в землю, я наблюдал как дед перегрыз коту горло и бросив его в яму повернулся, с удивленным видом уставившись на меня. Казалось, он был взволнован не меньше: его руки тряслись, маленькие желтые глазки бегали в разные стороны, а потрескавшиеся от напряжения губы обнажили клыки.

Ёка-нать, ёка-нать
Придется мне
Тебя сожрать...

АННА ГАЛЕ

ТЁТЯ СОФА

«10 августа покончила с собой известная пианистка Софья Кардашевич. Ее тело было обнаружено лишь два дня спустя. Причины самоубийства выяснит следствие. Из достоверных источников нам известно, что уже найден дневник великой пианистки. В последней записи, сделанной 10 августа, есть такие строки: «Я слишком устала, я не могу больше жить в напряженном ритме, растворяясь в звуках. Я хочу сделать паузу. Может быть, вечную».

Софье Кардашевич было пятьдесят семь лет. Ее знали и ждали с концертами в двадцати семи странах, ее искусством восхищались...».

Андрей закрыл ленту новостей и выключил компьютер. Несколько месяцев назад он нашел между книгами в шкафу дневник своей именитой тетки. Тетя Софа депрессовала всю жизнь — погружалась в унылое настроение часто, но ненадолго. Нужно было лишь дождаться, когда она напишет в своей заветной тетрадке что-нибудь подходящее. И тогда можно просто кое-что добавить ей в кофе и уйти.

Андрей умел ждать. До этого он годами ходил к одинокой тетке. Приносил ей вкусняшки и лекарства, когда она болела, слушал ее бредни о музыке, которая «может исцелять или убивать», о ритмах, от которых устает тетя Софа, о том, что ему нужно, наконец, найти нормальную работу и остепениться... Тетка подбрасывала денег — не так много, как могла бы. Потом, когда Андрей обмолвился, что

мог бы подрабатывать таксистом, купила ему машину — всего-навсего «Киа».

Дождлся он лишь через шесть лет: тетка написала завещание, где единственным наследником числился он, Андрей Крепнёв. Дорогуший рояль, правда, отписала какому-то концертному залу. Зато весь теткин двухэтажный музей с картинами, статуэтками, коврами и хрен знает чем еще — достается любимому заботливому племяннику.

Все прошло, как было задумано. Тетя Софа даже облегчила ему задачу. В начале лета она пожаловалась:

— Так одиноко в этом доме, Андрюш. Приезжаю с гастролей — и остаюсь наедине с роялем. Может переселишься ко мне? Прописку тебе здесь сделаем. Если вдруг что со мной случится — ты здесь и останешься.

— Что ты, тетя Софа, живи до ста лет! — отмахнулся Андрей.

Но от прописки, конечно, не отказался.

Угостить тетку кофе с коньяком и подходящим случаю препаратом, вызывающим в больших дозах остановку сердца, не составило труда. Андрей тут же уехал — шумно, прощаясь со всеми соседями. Все наблюдали, как тетя Софа с улыбкой машет ему из окна.

— Через два дня вернусь! — кричал он на всю улицу.

А когда вернулся, давно остывшее тело тетки лежало в зале у открытого рояля.

— Не исцелила, значит, музыка? — пробормотал Андрей.

Хоронили тетю Софу через неделю, и скорбящий племянник, как положено, не отходил от гроба. Он где-то читал или слышал, что если к убитому подойдет убийца — из глаза покойника может выкатиться слеза. Чушь собачья! Тетя Софа и в гробу улыбалась этой своей умильной улыбочкой, которая так бесила Андрея.

— Как же она так? — причитала рядом мать. — Ни записки теперь в церковь подать, ни отпеть...

Андрей печально кивал:

— Недоглядел я. Надо ж было мне именно в тот день на море уехать! А она стояла, махала мне, а потом — такое...

Он честно отыграл свою роль перед толпой народа на похоронах и поминках. Всю ночь после похорон ему снились звуки рояля. Покойники являются во сне убийцам? Неотпетые души бродят по земле? Ерунда! Андрей не видел тетю Софу — ни во сне, ни наяву.

Он снял со стены огромный теткин портрет работы какого-то модного художника и отнес в зал, к роялю. Видеть и то, и другое было неприятно. А если кто заглянет и спросит «где картина?», всегда можно сказать, как ему тяжело смотреть на тетю Софу и вспоминать случившееся.

Да, тетю Софу он не видел, но музыка являлась в его сны каждую ночь. Сначала — гармоничные мелодии Шопена, Чайковского, Рахманинова. Потом — сложная тягомотина Скрябина и шумные, напрягающие пьесы двадцатого века, словно передающие ритм работы гигантского механизма. Далее — медленные, ползучие мелодии с въедающимися в мозг аккордами. Они сменялись вихревыми, оглушающими арпеджио и глиссандо под аккордовые удары, такие, словно кто-то колотил по клавишам кулаком.

На четвертую ночь после похорон Андрей проснулся и понял, что музыка из сна не смолкает. Через стену грохотал всеми клавишами рояль. Андрей чувствовал, как сердце колотится все быстрее, ускоряясь вместе с ритмом дикой, потусторонней музыки.

В полусонном мозгу промелькнуло: «Музыка может убивать и исцелять...» Одна из любимых фраз тети Софы. Андрей схватился за сердце. Впервые в жизни он ощутил усиливающуюся боль в груди. Воздуха не хватало, Андрей жадно хватал его ртом. Пришло осознание: если он ничего не сделает и останется на месте, то музыка его убьет. Окна зарешечены, чтобы выйти из дома — надо пройти по коридору мимо зала. Там звучит рояль.

Андрей сел и нащупал под кроватью гантели. Только бы хватило сил...

Он выбрался из комнаты, хватаясь за стены. Дрожащая рука включила свет в коридоре, другая изо всех сил сжимала гантели, ставшие вдруг невыносимо тяжелыми. Впереди коридор, лестница, еще коридор до входной двери... Не дойдет, он просто не дойдет, а упадет по дороге. И тогда конец.

Андрей рванул дверь зала. Крышка рояля была открыта. В полумраке лунного света поблескивали желтоватые клавиши, поднимаясь и опускаясь под чьими-то невидимыми пальцами.

Андрей двинулся на рояль, как полуоглушенный боксер на сильного противника. От двери до рояля пять шагов. Каждый шаг отдавался все усиливающейся болью.

Андрей взмахнул гантелями и тяжело опустил их на клавиатуру. Удар и крик ломающихся клавиш слился с кошмарной пляской смерти — музыка зазвучала еще громче, еще быстрее, еще мучительнее. Снова удар, и снова... Темп ускорился настолько, что вместо мелодии мелькали какие-то обрывки, отдельные ноты.

«Я не могу больше жить в напряженном ритме...». Откуда эти слова? Андрей уже не помнил. Он лишь раз за разом наносил удары по роялю. Все слабее и слабее...

Его тело нашли на следующий день. Окостеневшие пальцы крепко сжимали гантели. У входной двери мягко улыбалась с портрета великая пианистка Софья Кардашевич. В центре зала скалился в щербатой усмешке ее разбитый бесценный рояль.

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ОДЕРЖИМАЯ

Она сосредоточенно наносила удары снова и снова, целясь ножом в еще нетронутые места, давая выход накопившейся горечи и лютой злобе. Тело ее обидчика давно превратилось в кровавое месиво, а она продолжала бить. Опять и опять. Сверкнувший в районе груди золотой крест отвлек внимание, и она наконец вспомнила, где находится и кто именно сейчас лежит перед ней. А вспомнив, закричала, громко, не боясь разбудить соседей и детей. Закричала от ужаса и страха перед будущим.

— Милая, проснись. Это всего лишь сон, родная.

Глаза распахнулись сами собой. Она в изумлении уставилась на свою уже искромсанную жертву и закричала снова. И кто знает, что было в этом, втором крике: горечь или облегчение...

Вера с детства отличалась от сверстников немотивированной агрессией и непонятным ей самой желанием убивать, калечить всех, кто попадется под руку, постоянно причинять боль неповинным существам, окружавшим ее. Сначала доставалось случайным животным, потом — детям, пытавшимся наладить с ней контакт. Объяснения и наказания матери не помогали: ребенок искренне не понимал, почему нельзя дернуть за волосы Ирку или пнуть котенка Васьки. Ведь хочется же! Детские психиатры и психологи разводили руками и в голос утверждали, что, кроме агрессивного поведения, девочка полностью здорова. Причину проявления такого поведения ни один специалист назвать не мог. Все они советовали родителям Веры дать малышке время, уверяли, что, став старше, она

изменится в лучшую сторону. Алла Викторовна тяжело вздыхала и в очередной раз заставляла дочь выпить назначенное врачом лекарство, молясь про себя об улучшении характера своей ненаглядной кровиночки.

Пубертатный период ознаменовался сломанной в двух местах рукой, кровоподтеками на лице и многочисленными синяками на теле: Вера столкнула в деревенский уличный туалет одну из местных красавиц, Веронику Громову. Братья и друзья Вероники подкараулили ее обидчицу тем же вечером, неподалеку от деревенского клуба. Дралась девочка умело, сил в ней было достаточно, но пятеро на одну — слишком много даже для «одержимой», как прозвали Веру в деревне.

С тех пор она затаилась, стала тихоней и скромницей, научилась подавлять свои порочные желания, но не избавилась от них. Чтобы как-то сбросить бурлившую в ней энергию, девушка занялась спортом, без просьб и напоминаний помогала матери в саду и огороде, приползала домой еле живая. А по ночам ее мучили кошмары. Темные извилистые улицы, подвалы и чердаки полуразрушенных домов, лабиринты из коридоров и чернота вокруг — эти картины сопровождали ее каждую ночь, давили на психику, изматывали душу, не позволяли хоть на миг забыться нормальным, крепким сном. Родителям Вера ничего не рассказывала. Зачем? Снова посещать различных «мозгоправов» и ловить косые взгляды родных и знакомых? Нет, проще замкнуться в себе и постараться вырваться из ненавистной деревни, сбежать подальше, в город, райцентр, все равно, куда, оставив за спиной и прошлое, и сны.

Школу девушка закончила с «золотом», удивив и учителей, и одноклассников, затем, не спрашивая родителей, поступила в колледж в райцентре, потом — в институт в небольшом городке в пятидесяти километрах от дома.

Отговариваясь вечной занятостью и немаленьким расстоянием, все реже бывала дома, да и по телефону с родней общалась все

меньше. А сны между тем трансформировались из обычных картинок в полнометражные фильмы: триллеры, детективы, ужасы. Конечно же, главной героиней была везде она сама: убегала от жестокого насильника и убийцы, бесшумно кралась по ночному городу, наполненному зомби, тщетно пыталась ожить после очередной смерти. Соседки по комнате в институтском общежитии привычно будили ее по ночам и требовали дать списать очередную прогулянную лекцию взамен постоянного недосыпа. В одном из снов внезапно появился высокий широкоплечий мужчина. Он то ли охранял ее, то ли преследовал, навевая ужас на несчастную одним своим присутствием. Прежде чем проснуться, она услышала, как незнакомец тоскливо признался кому-то: «Не могу без нее. Люблю». Весь день Вера ходила, пытаясь понять, о ком шла речь, и если о ней, то кто был тот мужчина? И почему она услышала это признание?

Когда ей приснились сначала крылатый демон в роли защитника, а затем и импозантный черный колдун — в роли любимого мужа, Вера даже не удивилась. Видимо, правы были односельчане, однажды приклеившие девушке ярлык «одержимая». С каждым днем становилось все тяжелее сдерживать свои разрушительные желания. Хотелось крови, хлещущей из тел тех, кто ходил рядом, хотелось слышать их мольбы о пощаде и видеть ужас в угасающих глазах случайных жертв. Хотелось... Она сама боялась до конца признаться себе в том, что именно ей хотелось. Хуже всего приходилось перед полнолунием и в дни полной луны. Чтобы не сойти с ума, девушка тайком от соседок по комнате пила чуть ли не пузырьками Ново-Пассит, Пустырник и Валерьянку. Нервная система от подобных «коктейлей» вставала на дыбы и успокаиваться никак не хотела, но переходить на медикаменты Вера не желала. По крайней мере, пока.

Сны уводили все дальше, не скупясь на сюжеты и раз за разом показывая то подземелья с ритуальными жертвоприношениями, частями тел и литрами крови, то лабиринты, заполненные

чудовищами, то круги Ада и кипящие котлы с грешниками. Фильмы и книги наяву совершенно перестали интересовать, особенно так любимая молодежью фантастика. Для чего читать чужие выдумки, когда стоит дожждаться ночи, и она насладится цветными и подробными сновидениями, а заодно и выучит анатомию? Самое забавное заключалось в том, что никакая субкультура, связанная с ужасами и страхами, девушку не привлекала. Вера старалась одеваться как можно более скромно и неброско. На стипендию особо не пошikuешь, и пусть родители присылали изредка продукты и деньги из дома, деревенская студентка пользовалась их щедростью по минимуму. Особенно деньгами. Девушка носила балахонистые наряды немарких цветов, предпочитала кроссы или кеды и коротко стриглась, чтобы как можно меньше заморачиваться с волосами. Никакой косметики. Собственная неяркая внешность ее вполне устраивала: среднего роста, полноватая брюнетка с вечно рассеянным и задумчивым взглядом, она не стремилась поддерживать дружеские отношения с одноклассниками и отказывалась пытавшимся пригласить ее на свидание парням. Реальная жизнь казалась пресной и скучной.

На четвертом курсе, впервые за три с половиной года, Вера решила поехать домой, повидаться с родными. Именно тогда, сидя за праздничным столом и покорно выслушивая рассказы соскучившейся матери о различных деревенских знакомых, студентка вдруг к своему удивлению обнаружила, что видит непонятное движение: боковым зрением, правда, не в упор, но видит. словно кто-то постоянно пытался проскользнуть мимо незамеченным. И силуэт странный: мелкий, низенький, будто кошка, только прямоходящая. Судя по нулевой реакции родни, никто больше таких движений не замечал. Не удивительно. Из всей многочисленной семьи со странностями всегда была только Вера. И, похоже, ко множеству ее «странныхностей» добавилась еще одна. Понять бы теперь, что или кого она видит. Домового, в которого

верила женская половина семьи? Демона, часто появляющегося в ее снах? Или тут что-то третье?

Приехала Вера в субботу. В воскресенье вся семья по привычке направилась в церковь. Девушка религию принципиально не признавала, тем более — Христиан, отрицающих природных духов и прочую нечисть, но в тот день гостя решила пойти со всеми. Наверное, хотела самой себе доказать, что на службе ей все же станет плохо, а значит... Что именно «значит», девушка не хотела додумывать. Тем более что плохо, вопреки ожиданию, так и не стало. Даже голова от ладана не кружилась, не то что в детстве. Священник, подошедший поговорить с матерью, отделался мимолетным взглядом и замечанием, что, мол, выросла уже, выше него теперь. И все. Никто бесов в ней не разглядел. Что же получается? Просто неграмотный слугитель? Или Вера не одержима? А что тогда постоянно подзуживает ее изнутри сделать очередную гадость любому существу, находящемуся с ней рядом?

Ночью, во сне, снова пришел уже знакомый демон, сел рядом на кровать, долго смотрел на нее, как будто видел впервые. Молчал. Потом покачал головой:

— Не сопротивляйся, будет только хуже.

Проснулась девушка сразу же после непонятных слов и практически до утра лежала, бездумно уставившись в темный потолок. Не сопротивляться чему? Разрушительным наклонностям? Так запросто можно в тюрьму угодить. Или ее личная «белочка» говорила о чем-то другом? Хотя «белочкой» высокого широкоплечего мужчину с черными, словно первоначальная Тьма, глазами и такого же цвета кучерявыми волосами назвать было сложно. Опять движение сбоку. Опять кто-то низенький. Значит, не демон. По размерам не подходит. Тогда, получается, домовой? Может, не стоило Вере сюда приезжать? В общаге таких «откровений» не было...

Как же она устала... Как же ей все надоело... Терпеть с отрочества, сдерживать себя, стараться быть как все... Может,

проще веревку на шею или ножом по запястью? Голова, реагирую на пораженческие мысли, заболела мгновенно, заломило в висках, потяжелел лоб. Студентка чуть слышно выругалась. Не дадут ведь помереть спокойно, уроды. Играют, словно с марионеткой, мучают, издеваются, наслаждаются ее беззащитностью. Сволочи.

Перед глазами поплыло. Где-то на грани сознания она слышала чужие голоса, обсуждавшие ее. «Да чтоб вас перевернуло и прихлопнуло», — от злости пожелала девушка. В ответ пришел смешок:

— Потерпи, маленькая. Не время еще.

Возвращение в общагу делу не помогло: Вера и там, в своей комнате, видела боковым зрением все ту же тень. Причем та значительно увеличилась в размерах и теперь приходилась девушке примерно по пояс. Бессильно ругаясь, студентка пообещала тени выпить кучу таблеток, чтобы уж наверняка... За спиной раздалось недовольное шипение, а затем — хлопанье крыльев. Уточнять, чьих именно, девушка не стала. Какая разница, нетопырь это или ворона? Ничего хорошего от новой сущности, внезапно «прицепившейся» к ней, Вера не ждала.

Вовка появился на горизонте внезапно: пришел провести сестру, в очередной раз поругавшуюся с родителями и тщетно пытавшуюся наладить быт в общежитии, заинтересовался скромной пухлой брюнеткой и пригласил ее на свидание. Вера, хоть и не любила людское общество, а парней вообще старалась сторониться, почему-то согласилась и, поддавшись внезапному порыву, пригрозила тем, кто за ней якобы присматривал, найти способ покончить с собой, если «они» будут вмешиваться в ее личную жизнь. В тот момент несчастная студентка уже дошла до ручки: тень выросла до нормальных, человеческих размеров, не отставала от своей подопечной ни на шаг и часто хлопала крыльями. А еще девушка могла поклясться, что у ее «спутника» существовали клыки и когти. По крайней мере, непонятное

царапанье по полу можно было объяснить только наличием когтей. «Тварь» обрела независимость и жестоко наказывала всех, кто, по ее мнению, был недостаточно почтителен с Верой: у одnogруппников и случайных прохожих ломались руки, разбивались носы, срезались кошельки... Девушка чувствовала себя виноватой, но помочь ничем не могла. Сны между тем становились все мрачнее и жестче: ритуальные убийства и пытки перемежались с «одушевленными» замками, не выпускавшими Веру из своих коридоров, часто по ночам девушка слышала стоны и ор жертв этих зданий-убийц, видела их искаженные мукой лица. И просыпалась от собственных криков.

Так что встречу с Вовкой девушка восприняла, как дар Небес, и была настроена вполне серьезно: либо общение с ним, любое, по их обоюдному желанию, либо постоянные попытки суицида. «Тварь», видимо, прониклась и в кои-то веки мешать ей не стала. А вот демон, на этот раз появившийся во сне с чертами лица темного мага, недобро усмехнулся и предупредил, что свое все равно возьмет. Пусть она пока поиграет в любовь и свободу. Он все равно рядом. Он ждет и помнит.

Проснувшись, Вера выпила пустырник. Не помогло: нервы упорно не желали успокаиваться.

Тем же утром случайно налетевший на девушку в коридоре ВУЗа первокурсник через несколько секунд свалился с лестницы. Раздались перепуганные крики других студентов. Что на этот раз сломано? Руки? Ноги? Шея? Может, Вере в ближайшую церковь сходить и батюшке покаяться? На экзорцизм напроситься? «Тварь» сзади мгновенно угрожающе зашипела. Да, эта не пустит, не позволит... Как же все надоело... И агрессия постоянная... Последние дни душу буквально затопило желание убивать и калечить, причем каждого, кому не повезло попасть под руку. Полнолуние скоро... И без лунного календаря ясно... Вот в ней бесы и играют... Не обращая внимания на продолжавшееся недовольное

шипение, девушка отправилась на пары. Хоть там ненадолго забыться от всего ужаса, постоянно творившегося вокруг нее...

Свидание, первое в ее жизни, прошло на удивление гладко. Вовка пришел с розами кремового цвета, вел себя галантно и сразу признался, что рассчитывает на длительные отношения. С ней? С одержимой? Да кто им позволит эти длительные отношения... Демон ясно дал понять, что недоволен. Впрочем, пусть его. Хоть немного, хоть пару-тройку лет, она будет счастлива. А там... Какая разница, что там будет... Память у нее точно останется.

Ночью вновь появился демон. Первый раз за все время Вера видела его в ярости: глаза огромные, стеклянные, наполненные Тьмой, лицо больше похоже на звериную морду с удлинившимися клыками, на голове что-то, напоминающее рога.

— Память, говоришь? Дам я тебе эти годы. Но вы оба пожалеете. А сейчас...

Он сжал ее, не позволяя пошевелиться, и впился в губы злым поцелуем, буквально раздирая кожу клыками.

Утром в зеркале Вера увидела прокушенные и подранные губы. Всем любопытствующим она рассказывала о ночном кошмаре, ее жалели, предлагали пить успокоительное. Девушка кивала и лишь горько улыбалась про себя. Не поможет ей никакое успокоительное. При необходимости ее достанут в любом случае. Страх перерос в ужас, и на следующую ночь девушка просто не легла спать. Если был поцелуй, кто знает, до чего «он» додумается в следующий раз? Черный колдун, представлявший во снах ее мужем, почему-то исчез, или же его черты проглядывали в преследовавшем Веру демоне. Разбираться в этом ребусе ей не хотелось. Ничего не хотелось... Даже жить... Измученная студентка устала постоянно бояться за себя и окружающих ее существ, устала сдерживать свою агрессию и с ужасом ждать ночи с кошмарами. Если бы не «тень», Вера давно бы покончила с собой. Ну или попыталась бы так сделать...

Весь следующий день для девушки прошел, как в густом плотном тумане. Она плохо воспринимала речь преподавателей и однокурсников, с трудом переставляла ноги и пару раз точно упала бы с лестницы, если бы не вездесущая «тень». Да, ее спасало именно это «чудовище», Вера была стопроцентно уверена в этом. Оба раза во время своих несостоявшихся полетов девушка чувствовала что-то мягкое сбоку или внизу. Наверное, надо было бы испугаться, что «тень» обрастает плотью, пусть и невидимой другим, но очень хотелось спать. Все другие чувства и эмоции временно отошли на второй план.

Она ожидаемо уснула, едва добравшись до кровати. Демон зло улыбнулся:

— Хорошая попытка, маленькая. Жаль, неудачная. Попробуешь еще раз — ему будет плохо. Очень плохо.

Утром у нее снова были подраны губы. И снова хотелось спать. Не так сильно, как за день до этого, но информация на парах все равно усваивалась плохо.

Вовка пришел вечером в общагу, обнял, не стесняясь никого, начал шептать на ухо всякие глупости, а девушка стояла, прижимаясь к нему, и думала, что так просто демон ее не отдаст.

Родителям Вовки Вера, как и следовало ожидать, не понравилась. Встреча длилась недолго и прошла скомкано. Увиделись в кафе, на нейтральной территории. Девушка пришла в своем простеньком наряде — свитшоте, который был на два размера больше, джинсах и кроссовках. Мать жениха, одетая явно в дорогое платье и выглядевшая с претензией на роскошь и элегантность, откровенно сморщила нос, увидев будущую невестку. После десяти минут разговора ни о чем Вера «вспомнила» о парах, извинилась и ушла. «Тень» рядом выказывала недовольство ситуацией громким хлопаньем крыльев.

Ночью появился демон. Злорадно ухмыльнувшись, поинтересовался, не передумала ли она, получил отрицательный

ответ, разозлился и снова стал целовать, раздирая клыками губы.

Свадьба должна была состояться через месяц. Еще месяц жизни в общежитии, и потом она переедет в квартиру свекров, станет девочкой на побегушках. Возможно, и ей, так же как и их родной дочери, захочется сбежать от постоянных придирок свекрови...

Через неделю после неудачного знакомства будущие родственники погибли в автокатастрофе, все трое: родители и сестра. Вовка как будто постарел мгновенно на двадцать лет, сгорбился, замкнулся в себе, стал заговариваться. Жалея жениха, Вера старалась как можно чаще бывать с ним рядом. После поминок на девять дней девушка осталась на ночь в его (да, теперь уже его, личной) квартире. В ту ночь она рассталась с девственностью. Не сказать, что ей понравилось, но жених хоть немного пришел в себя, а это того стоило. Наверное... Жених с невестой не спали до утра, и оба в тот день решили побыть дома, забыв об окружающем их мире. Дома... Неужели эта квартира теперь станет ее домом? Хочет ли она? Нужна ли ей такая жизнь? «Дам я тебе эти годы», — снова и снова неприятным воспоминанием звучал в голове наполненный ехидством голос демона. Годы... Сколько лет Вера будет счастлива? Или нужно спрашивать иначе? Сколько лет она сможет прожить с ним, с ее будущим мужем, с ее личным выбором?

Странно, но «Тень» эти сутки не показывалась. Исчезла насовсем? Вряд ли... Настолько сильно Вере не повезет...

Демон, а вместе с ним и «Тень», опять появились только через несколько дней. Потусторонняя сущность в очередной раз поцеловала Веру во сне, но уже без прежней злобы. Наоборот, теперь в этом поцелуе чувствовалась нежность.

— Кто ты?

Она не ждала ответа и удивилась, услышав:

— Твоя душа, маленькая. Не спрашивай пока. Позже ты поймешь. И не привязывайся серьезно ни к кому здесь. У тебя осталось не так уж много времени.

Свадьбы как таковой не было. Вера с детства терпеть не могла различные пышные празднества, а в этот раз и обязательный траур помог, освободив от необходимости примерять многочисленные платья, общаться с гостями, слушать их пошлые сальные шуточки, сидеть за праздничным столом. Расписались в ЗАГСе, поехали в такси в новое жилище, вот и весь праздник.

Трехкомнатная квартира, как и наряды свекрови, с первого взгляда пугала роскошью. Евроремонт, натяжные потолки, мебель с загнутыми ножками. Музей, а не жилое помещение.

Вера подавила вздох: может, она ошиблась, давая согласие на брак? Может, не нужно было переезжать сюда? Может...

— Родная, тебе помочь?

Что? Девушка вздрогнула, приходя в себя. Оказывается, куртку все же надо снимать полностью, а не только с одного плеча...

К вечеру начались неожиданные головные боли. Череп словно раскалывался изнутри, трудно было дышать и говорить. Болеутоляющее не помогло. Выпив тройную дозу сильного лекарства, девушка напрасно пыталась уснуть.

Под утро, в полусне-полуяви, все еще страдая от боли, почувствовала чье-то присутствие. Тень? Демон? Появившаяся из пустоты фигура, с ног до головы закутанная в черную ткань, не походила на этих двоих. Теплые руки обняли ее, прижали к себе.

— Девочка моя... Ч-ш-ш-ш... Сейчас будет легче... Глупая... Гордая...

Вся сущность Веры будто растворилась в этих нежных объятиях. Как же хорошо... Как спокойно... Словно она с ним — одно целое...

— Так и есть... Потерпи... Скоро уже все закончится... Маленькая моя...

Боль исчезла, незнакомец — тоже. И Вера ощутила горечь от расставания со своим спасителем.

Старая... Какая же она старая... Даже древняя... Это ощущение старости не покидало Веру уже несколько лет, но только в последний месяц буквально расцвело в душе девушки. Ей всего двадцать, а ощущает она себя на все сто... Старая, дряхлая, уставшая... Как же не хочется жить... Умереть, уснуть, уйти за грань, туда, к демону и фигуре в черном...

Семейная жизнь не складывалась. Нет, внешне все было великолепно: и Вовка, и окружающие видели в замученной студентке примерную супругу, умудрявшуюся совмещать работу с учебой (девушка наконец-то нашла тихое и спокойное место помощника редактора в одном из не особо известных гляцевых журналов), кроме того, занимавшуюся домашним хозяйством, ублажавшую по ночам мужа и планировавшую в скором времени родить ребенка. Но... Каждую ночь ей обязательно снился демон, ставший, после ее брака, нежным и ласковым, и встреч с ним она теперь ждала, как глотка чистой родниковой воды. Ночь уже не пугала, как раньше, своей темнотой и отчужденностью. Ночь дарила радость и покой, позволяла наслаждаться счастьем, которого так не хватало днем. И даже Тень, как и прежде защищавшая хозяйку от дурных мыслей и действий многочисленных людей вокруг, перестала казаться чудовищем.

Темные переходы огромного серого замка с высокими башнями и шпилями манили и пугали одновременно. Казалось, Вера уже жила здесь когда-то, множество столетий назад, задумчиво бродила по холодным каменным ступеням витых лестниц, медленно, с трудом открывала многочисленные оббитые железом деревянные двери, которые не могли не таиться в синильной черноте длинных, часто извилистых коридоров.

- Вспоминай... — шептал воздух.
- Прикоснись... — манили стены.
- Зайди... — предлагали комнаты.

Вспомнить, прикоснуться, зайти? А что, если в этом случае она больше не сможет вернуться в тот, другой мир? Останется здесь бестелесным духом? Обретет разум, память и тело? Надо ли ей так рисковать? Стоит ли скрытое воспоминание уже сложившегося, пусть и не совсем удачного, семейного быта?

— Боишься? — Демон соткался из воздуха и остановился в двух шагах от гостьи. Протяни руку — сможешь прикоснуться к нему... — Я обещал: твои годы с этим ничтожеством останутся твоими. Открой дверь. Любую. Я верну тебя обратно. Если захочешь.

Глубоко вдохнув, Вера повиновалась: первая попавшаяся дверь открылась на удивление легко. Полутемный зал, заполненный зеркалами. Что отображается в них?

— Входи, — усмешка в голосе демона. — Полюбуйся на свой выбор.

Сердце колотилось о ребра, как сумасшедшее, Вера заставила себя сделать шаг... и закружилась в водовороте бесчисленных картин:

дети, много детей; они обступили обнаженную фигуру, висевшую на столбе, и с интересом изучали анатомию жертвы — казалось, еще немного, и они всей толпой набросятся на «игрушку», чтобы разорвать ее на мельчайшие части;

маленькая худенькая девочка в розовом платье с большими белыми бантами перед зеркалом: красные, в чем-то вымазанные губы, довольная улыбка — откуда-то пришло понимание: это она, Вера, и она первый раз попробовала кровь... человеческую кровь;

угловатый подросток и высокий молодой мужчина, как две капли воды похожий на демона, каким его изображают в земных книгах, рогатый, хвостатый, сильный, зловещий, сейчас рядом; они сидят вдвоем за столом, что-то обсуждают, мужчина довольно улыбается;

высокая красивая девушка в подвенечном платье желтого цвета стоит у алтаря рядом с уже заматеревшим демоном и с жадностью пьет красную жидкость из золотого бокала;

Вера в охотничьем костюме верхом на обыкновенной лошади, лениво помахивая кожаным хлыстом, неторопливо загоняет очередную жертву — обнаженного человека...

— Хватит!!! — она не узнала свой голос, таким тонким и ломким он стал. — Хватит!!! Я не хочу!!! Пожалуйста!!!

— Как скажешь, милая, — неприкрытое ехидство со стороны собеседника.

Зеркала мутнеют, картины прошлого исчезают. Только в одной из рам остается изображение: девочка лет пяти-шести, невероятно бледная, изможденная, с заостренными чертами лица и небольшими рожками, выглядывающими из пепельно-серых волос, еле шевелит обескровленными губами. Звуки прорываются с трудом, будто сквозь толщу воды. Вера прислушивается, ей почему-то кажется важным понять, что именно говорит ребенок. Вот еще секунду, вот она услышит... Вот...

— Мама, — зовет малютка, и женщина покрывается мурашками от этого голоса, кажущегося ей таким знакомым, таким родным. — Мама, зачем ты меня убила?

— Снова кошмары, родная? — Вовка. Теплый, понимающий взгляд. Вот только нельзя ему рассказать всего, творящегося с ней с рождения. Не поймет, не поверит.

— Скоро отпуск. Будет полегче, — она лгала, не веря своим словам. Не будет. Никогда. После увиденного — тем более. Неужели ребенок в последней раме и правда ее дочь из той, прошлой, забытой жизни? Нет, она не могла! Не могла поднять руку на ребенка, каким бы он ни был, тем более — своего! Или могла? Чем опоил ее тот демон? Что подсыпал? А нужно ли было что-то подсыпать? Если она и правда с наслаждением убивала и мучала живых существ, кто мешал ей забрать жизнь у родного дитя? От подобного предположения становилось страшно. И Вера еще хочет родить от мужа? Чтобы и этого ребенка убить в приступе... чего? Сумасшествия? Психоза? Ох, Господи, за что ей все это???

Беременность захватила студентку врасплох. Пополнение семьи молодожены пока не планировали, но избавляться от плода не стали. Девочка. Узнав впервые о поле ребенка, Вера с трудом сдержала крик — забыть о малютке из зеркала при всем желании не получалось, а провести аналогии, представить их с Вовкой дочь на месте той, убитой... Отсутствием фантазии молодая женщина не страдала и за те несколько дней, что прошли с начала беременности, успела представить в красках все ужасы, что могут случиться с младенцем и их семьей, от банальной простуды до мучительной смерти всей троицы.

Тень и демон вновь начали активно участвовать в жизни Веры. Ночи снова превратились в пытку. Ее личный мучитель раз за разом демонстрировал своей жертве разнообразные воспоминания, доказывавшие, что тогда, в той жизни, Вера вела себя хуже зверя: пытки, издевательства, кровь в бокалах, садистские развлечения... И постоянно на заднем плане упрямо мелькала девочка из зеркала. Теперь уже ребенок выглядел вполне живым и довольным происходившим.

Измученная картинами похуже, чем у Босха, женщина пыталась задавать вопросы, выяснить, где именно она жила, кем приходился ей ночной страж, как именно погибла малютка из зеркала. Ответов, естественно, не было. Вместо них — лишь гадкие улыбки и полунамеки, медленно сводившие Веру с ума.

Выйдя в декретный отпуск, будущая мать стала больше бывать на свежем воздухе, ходила по дорожкам парка, находившегося не так далеко от квартиры, изредка присаживалась отдохнуть на лавочку. Там, среди деревьев, Вера чувствовала умиротворение. Там же, на тридцать восьмой неделе, ее настигли схватки. Случайные прохожие вызвали скорую, и через три часа студентка стала мамой. Взяв на руки пищавший сверток, девушка с трудом сдержала слезы. Девочка. Какая судьба ожидает этого ребенка с такой матерью?

Пока лежала в больнице, демон не появлялся, но как только вернулась домой, сны возобновились.

— Поздравляю, маленькая, ты и в том мире оставила частицу себя.

И, видя, что его не понимают, мягко улыбнулся:

— Теперь уже можно, срок подошел к концу. Ты чужая там, Вирая, возвращайся домой. Здесь тебе не нужно будет прятать свою сущность. Смири гордыню, малышка, и возвращайся.

— Куда? Кто я?

— Нефилим. Маленькая. Мы — нефилимы.

Мужчина протянул руку, и, ведомая непонятным чувством, Вера подала свою...

Вовка так повторно и не женился. До конца дней своих мужчина воспитывал дочь от любимой женщины, умершей во сне от сердечного приступа.

ГЕННАДИЙ КРАЙ

ПРЕЕМНИЦА МАХАЛЛАТ

Небольшая справка:

Махаллат (Махалат, Махлат, Махла) — демоница в иудейской мифологии; одна из четырех матерей демонов, жен Сатаны.

Глава 1

Загородный дом.

Свой.

Личный.

О таком счастье Андрей долго мечтал. Вся семья грезилась приобрести эту великолепную недвижимость на берегу роскошнейшего озера, где в летние каникулы три его очаровательные дочурки и красавица жена могли наслаждаться теплыми солнечными деньками.

Бросив на какое-то время утомительный город, Андрей позволил себе вместе с супругой Марией и непоседливыми детьми, отправиться в это увлекательное место. И пусть комары стаями преследовали незваных гостей, но в жизни семьи Дорожниковых лучшей радости в этот прекрасный июнь не было. Впервые за столько времени родители вместе с детьми покинули душный город, и всем скопом выехали в это чудесное место.

Полтора года назад Мария даже не мечтала получить в пользование это маленькое сокровище. До сих пор в памяти сохранилась картина, где они с Андреем подписывали громоздкую кипу бумаг, оформляя за небольшой кредит в свое ведение этот лесной домик. И пусть завистливые подруги за спиной бормотали,

что это обычная, ничем не привлекательная дача — для нее это был настоящий загородный дом.

Двухэтажный, с большими окнами и великолепным, пока недостроенным камином. Все, о чем она только могла мечтать! Естественно, за ту цену, которую ее муж предложил бывшим хозяевам, невозможно купить царские хоромы. Но и такого загородного жилья им вполне оказалось достаточно. Даже их неугомонные тройняшки, рожденные восемь лет назад, были на высоте от счастья.

А то, что вокруг их маленькой территории не было ни души, больше являлось достоинством, нежели недостатком. Будущие соседи еще не успели прознать об этом волшебном месте, давая возможность самой счастливой семье на свете отдохнуть от серых привычных будней.

Андрей вышел на крыльцо дома и хлебнул горячий кофе, поднимая голову от удовольствия и получая то ли от крепкого напитка, то ли от теплого вечернего воздуха неизгладимое впечатление. Увидев, как одна из его дочерей ползет под сваленную кучу старых веток, он решил ее остановить.

Но на пути располагалось одно препятствие, которое он никак не мог преодолеть. А именно — когда нужно было обратиться к кому-то из дочерей — Андрей пытался угадать ее имя. И в большинстве случаев ошибался.

Девочки были на одно лицо.

И только Мария, всегда безошибочно определяла имена дочерей, даже если они надевали одинаковую одежду.

Вот и сейчас, отец стоял, стараясь угадать имя девочки, как бы нелепо это не звучало. И времени у него оставалось все меньше и меньше. Ровно до того момента, пока его чадо не заползет под деревянные обрубленные ветви, и они не упадут на восьмилетнее создание.

— Лера! А ну немедленно вылезай оттуда!

Голос прозвучал громко.

Он заставил маму выглянуть в окно на первом этаже.

— Я не Лера! Я Ева! — слышался тоненький голосок.

«Опять не угадал!».

— Вижу Еву! Вижу Еву! Ты под ветками! — второй тоненький голосок выпорхнул из-за угла дома.

Видимо, девочки играли в прятки.

— Ну, папа! Так не честно!

Его дочь стала по-детски возмущаться, из-за того, что отец выдал ее тайное убежище.

— Ура! Мы тебя нашли! — третий ребенок точь-в-точь похожий на своих родных сестер, вынырнул из сгущающейся темноты, отчего их папа неожиданно вздрогнул.

Кружка с горячим кофе едва не выскочила из рук, обливая кипятком незадачливого хозяина.

— Господи! Так и до инфаркта недалеко!

Отец оглянулся вокруг.

Тьма сгущалась все быстрее и быстрее. Скоро она скроет от его глаз всех дочерей.

— Давайте-ка закругляться, девочки! — голос Андрея командой прозвучал в наступающей темноте.

Девочки остались недовольными:

— Ну, папа! Еще чуть-чуть.

Андрею было все равно: хороший он, или плохой для них сейчас. Но в данный момент он принимал единственное верное решение. Мария бы с ним несомненно согласилась. Не хватало еще, чтобы дети заблудились где-нибудь в близлежащем лесу. А в такой темноте их и с собаками не сыщешь.

— Отставить разговоры! — голос отца прогремел еще настойчивее.

Недовольные девочки медленно стали выбираться из своих укрытий и не спеша потянулись к дому.

— Андрей, тебе звонят.

На крыльцо вышла супруга и протянула «мобильник» мужу.

— Кто это?

— Номер незнакомый. Надеюсь, это не с работы. Иначе весь отдых пойдет насмарку.

Вся семья находилась в запланированном отпуске и посторонние звонки с места работы никак не входили в планы Дорожниковых.

Отец семейства взял из рук жены телефон и присмотрелся к цифрам на дисплее. Комбинация загадочных чисел не похожа была ни на один номер его клиента.

По крайней мере, ему хотелось так думать.

— Слушаю!

Голос в трубке не сразу ответил:

— Добрый вечер! Меня зовут Юлий. Мне хотелось бы с вами кое о чем поговорить...

«Снова какая-нибудь реклама», — подумал Андрей, но вслух сказал совершенно другое:

— Вы знаете, я сейчас не в городе. А здесь очень плохая связь, и потому...

— Это касается в первую очередь вас, — перебил собеседник. — Поэтому я настоятельно рекомендую выслушать меня.

Андрей отстранил «сотовый» от уха, еще раз посмотрел на набор цифр, и нажал на дисплее кнопку «Завершить звонок».

Глава семьи не любил, когда ему навязывали ненужный разговор. А если принять во внимание то, что он находился в отпуске — всякое общение по телефону (тем более с незнакомыми людьми) откладывалось в долгий ящик.

— Кто это, дорогой? — Мария снова вышла на крыльцо, принимая из рук мужа кружку с недопитым кофе.

— Какой-то навязчивый работник банка. Опять пытается повесить лапшу на уши: «Возьмите кредит на выгодных для вас условиях». Ну или что-то в этом роде.

Андрей не успел убрать телефон в карман, как снова раздался назойливый звонок. И опять с того же номера.

Мужчина поднял трубку:

— Я же вас предупредил — здесь ужасная связь. И вообще меня не интересует ваше предложение...

— Это не предложение! — повысил голос Юлий. — Это беспокойство в первую очередь за ваших детей. Если вам не безразлична их судьба, то вы обязаны меня выслушать!

Мужчина застыл на месте.

— Кто вы такой? — первое, что пришло в голову.

— Это не важно! Единственное, что вы сейчас должны знать — за вами наблюдают. А потому, советую немедленно вернуться в дом и запереть двери на замок. Там вы будете в безопасности. И чтобы не произошло, не пытайтесь покинуть убежище. Я постараюсь приехать к вам, как только управлюсь с делами, и все объясню.

После чего незнакомец повесил трубку.

Сказанные слова настолько ошарашили мужчину, что он не сразу понял их смысл.

«Кто-то наблюдает за домом? С чего бы это?»

Но от греха подальше проводил дочерей в помещение и задвинул дверной засов.

— Что-то случилось? — Мария видела озадаченное лицо мужа, а потому утаить детали разговора ему не удастся.

— Станный звонок. Позвонил какой-то Юлий и предупредил, что за домом следят. И если нам не безразлична судьба дочерей, то посоветовал укрыться в доме и ни при каких обстоятельствах не выходить на улицу. Ты не заметила во дворе ничего подозрительного?

Женщина замерла в нелепой позе, широко раскрыв глаза.

— Андрей, ты меня пугаешь.

Муж, немного подумав над ситуацией, успокоил жену:

— Да ладно тебе! Может, ошиблись номером. Буду я еще переживать из-за какого-то сумасшедшего.

— Будешь, Андрюша, будешь! За наших дочерей будешь переживать! Ведь это хотел сказать твой сумасшедший?

— Маш, успокойся пожалуйста. Ничего с ними не случится. Я тебе обещаю. В этом лесу никого нет, и бояться им нечего.

— Конечно! Нечего бояться! — вскрикнула взволнованная женщина. — А почему ты тогда запер двери на засов? Ты чего-то недоговариваешь?

Андрей не нашел ответа на ее вопрос.

С другой стороны, он всегда интуитивно закрывал изнутри входную дверь. И ничего в этом удивительного не было. До сегодняшнего дня.

А через несколько мгновений, из комнаты раздался голос то ли Евы, то ли Даши, то ли Леры:

— Мама, там стоит чья-то бабушка.

Родители переглянулись.

Андрей подошел к входной двери и взглянул в смотровое окошко.

Действительно, в нескольких шагах от их дома стояла старушка с изогнутой клюкой. В темном длинном одеянии была она похожа на саму смерть. И для полного сходства ей не хватало только косы.

— Откуда она здесь? Может заблудилась?

Рука интуитивно дернулась в направлении дверного засова.

— Не открывай! — закричала Мария так громко, что мужчина быстро отдернул руку назад.

— Ты чего? Боишься какую-то старуху?

— Ты же сам говорил, что звонивший строго-настрого предупредил ни в коем случае не открывать дверь.

— Да ладно тебе! Ты же не думаешь...

— Думаю! — перебила его жена. — Думаю нам стоит послушать его совета. А еще я думаю, нам стоит позвонить в полицию.

Мария схватила телефон и попыталась набрать номер.

Ничего не получилось.

Иконка в правом верхнем углу сигнализировала об отсутствии сотовой связи.

Такое уже бывало и не раз. Во дворе дома еще мало-мальски показывалось одно-два деления, но в помещении зачастую связь отсутствовала.

— Господи, ну что мы им скажем? — с недовольством спросил глава семейства. — На нас напала смерть?

— Мне сейчас не до шуток, Андрюша. Думаешь это совпадение? Сначала звонит незнакомец, предупреждая о том, что за домом следят. А потом мы видим эту старуху, бог весть как оказавшуюся здесь за много километров от города. И не говори мне, что это кто-то из соседей. Я точно знаю — кроме нас тут никого нет... А-а!!!

Сумасшедший вопль Марии заставил тело Андрея выбросить огромную дозу адреналина в кровь. Его жена упала, пятась назад и опрокидывая деревянный стул.

В ее глазах мужчина увидел неподдельный страх.

А судорожно трясущаяся рука указывала в сторону входной двери, запертой на засов.

Андрей повернулся и чуть было сам от неожиданности не распластался на полу.

Теперь старуха стояла вплотную у двери.

Ее потрепанное морщинами лицо воспроизвело угрожающую гримасу, а глубоко впалые глаза сверлили, казалось, саму душу.

Никогда в своей жизни Андрей не встречался взглядом с таким мерзким чудовищем.

Похоже, человек этот был не из нашего мира.

Старуха медленно подняла правую руку и костлявыми пальцами постучала по смотровому окошку.

Три раза.

Издевательски, словно запрашивая у хозяев разрешения войти.

Мужчина был уверен, если она захочет проникнуть сюда, то несомненно это сделает. И никто не будет в силах ее остановить.

— Ну, уж нет! — возмутился Андрей. — В дом я тебя не пущу.

Он собрал всю свою волю в кулак и схватил со стола кухонный нож.

— Вон отсюда! — рука с «оружием» вытянулась в сторону незваной гостьи. — Или я за себя не отвечаю!

Старуха даже не вздрогнула.

Она так и осталась стоять у входной двери, пристально глядя ему прямо в глаза.

— Я не шучу! — повторил мужчина.

Голос громко звучал в просторном помещении. Казалось, даже отголоски эха не на шутку разволновались, боясь грозного главу семейства.

И то ли от его угрожающего крика, то ли по своим каким-то причинам, старуха все же повернулась к дому спиной и медленно зашагала в сторону леса.

Андрей и Мария с облегчением выдохнули.

Они долго провожали ее взглядом.

Женщина (или что там приходило вместо нее?) скрылась в тени ночной лесополосы.

А через мгновение с верхнего этажа спустились девочки, напуганные шумом на первом этаже.

— Мама, зачем вы так кричите?

— Все в порядке, дочка, мама случайно уронила стул.

Тройняшки посмотрели на бледного отца, держащего в руках кухонный нож.

— Кому бутерброды? — выкрутился Андрей и подошел к холодильнику.

Он достал палку вареной колбасы и дрожащей рукой нарезал неровные ломтики. Все это время его глаза косили на входную дверь, мимоходом проверяя, на месте ли засов и не появилась ли старуха снова.

Девочки быстро поужинали, подгоняемые нервными родителями, и снова поднялись на верхний этаж в свою спальню.

Когда сестры легли спать, Мария наконец заговорила:

— Я не хочу здесь больше оставаться.

Андрей ее понимал.

Старуха могла в любой момент появиться снова, и в этом доме не было ни одной преграды, которая существенно смогла бы ее остановить.

— Не ты ли мне недавно говорила, что стоит послушать звонившего незнакомца? Юлий сказал, что пока мы в доме, нам нечего бояться.

— Нечего бояться?! — почти «взорвалась» жена. — Ты видел ее лицо? На мгновение мне показалось, что за нами пришла сама смерть.

— Скажешь тоже...

— А что?! Что ты мне предлагаешь сказать? Эта старуха напугала меня до смерти. Кто она вообще такая? И самое главное — что ей от нас нужно?!

Андрей не знал.

Да и Юлий не упоминал о старухе. Он лишь сказал, что за домом кто-то наблюдает. И если оставаться внутри, то беспокоиться не о чем. Что сегодня и подтвердилось. Старуха простояла у входной двери, но так и не посмела пересечь порог дома.

— Да, вспомнил! Юлий обещал утром приехать и все объяснить.

— Утром? — Мария безуспешно пыталась «поймать» связь, передвигаясь из угла в угол с сотовым телефоном. — Знаешь что, Андрюша? Боюсь до утра мы можем не дотянуть.

— Ну хватит уже преувеличивать! Подумаешь, какая-то старуха бродит здесь по лесу! Может быть в поисках помощи? А мы ее прогнали. Нехорошо получается.

— А пугать живых людей хорошо?! Я чуть в обморок не свалилась.

— Ты так говоришь, будто она мертвая.

— По крайней мере она была похожа на мертвеца.

Андрей встал из-за стола:

— Ну, все! Я больше не могу это слушать. Какой-то придурок позвонил по телефону, посмеялся над нами, а мы придумали себе бог весть что!

— Не придумали, Андрей. А увидели воочию. Это не то же самое.

— Ну что? Что мы увидели? Армию мертвецов, следовавших за древней старушкой? Или смерть с косой? Не смеши меня, Маша. А лучше иди-ка ты спать. Старуха ушла. Все. Ее больше нет. Слышишь? Она заблудилась в лесу и ее сожрали серые волки.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

Андрей махнул рукой и направился в смежную комнату на первом этаже. Родители девочек приготовили ее для себя в качестве спальни.

Как только мужчина скрылся из вида, Мария тут же последовала вслед за ним. Она не хотела ни на минуту оставаться одна. И по пути подхватила кухонный нож, сама не зная зачем.

«А вдруг пригодится? Чем черт не шутит!».

Глава 2

Утра дожидались с нетерпением.

Родители девочек долго не могли уснуть, перематывая в памяти историю прошлого вечера. Уже ближе к утру усталые глаза закрылись и Мария с Андреем провалились в глубокий сон.

А когда жгучее солнце поднялось над лесом, сновидения закончились и Дорожниковы вернулись в реальный мир.

Еще отдаленно в памяти временами всплывало лицо старой женщины, что так неожиданно заплутала в чужом дворе.

«А вдруг она действительно просила помощи?»

От этой мысли Андрею стало как-то не по себе.

Душа никак не хотела успокаиваться, когда мужчина вспоминал, как грубо и нагло он прогнал старуху со своих владений.

Но с другой стороны — она напугала их до смерти! И, если бы не звонок незнакомца перед ее появлением, на такой внезапный визит они бы уже реагировали по-другому.

В любом случае нужно дождаться Юлия. Если он действительно в курсе дела, то сможет объяснить неприятную ситуацию.

Хотя, предчувствие, что это розыгрыш, или чья-то злая шутка — не покидало его до полудня. И в обратное — Андрею верилось слабо. Юлий обещал навестить их утром, а стрелки часов неумолимо приближались к одиннадцати. Скорее всего, никто к ним так и не пожалует. Так что, про старуху лучше забыть.

Мужчина вышел из комнаты и направился на кухню.

Ощущение чего-то необычного внезапно появилось в воздухе. Интуиция так и рвала его разум обратить внимание на...

«На что?» — сам себе задал вопрос Андрей.

И ответ не заставил себя долго ждать.

— Что здесь происходит? — обратился к жене глава семьи.

— Это я хотела бы у тебя спросить!

Кухня оставалась такой, как и прежде, когда они въехали сюда впервые. Но с одним исключением — все вещи здесь были переставлены. Деревянный стол располагался теперь у противоположной стены. Совсем не в том месте, где они его изначально поставили.

Стулья были перевернуты ножками кверху.

«Кому вообще понадобилось сложить их у входной двери, загораживая выход во двор?»

Будто этот кто-то хотел забаррикадировать вход от нежелательного гостя. И этот гость (вернее, гостя) тут же неприятными воспоминаниями всплыл в уголках памяти.

— Ты здесь все переставила... — прокомментировал Андрей.

— Да неужели! Может я и вот это сделала?

И Мария показала на дверной косяк, где крест-накрест торчали два больших ножа.

— Кто-то был в доме? — мужчина не на шутку испугался.

Мария взглянула ему в глаза, еще раз убеждаясь в искреннем удивлении.

Она давно знала своего мужа.

И когда удостоверилась, что он не имеет к этому ни малейшего отношения, ей по-настоящему стало страшно:

— Сюда точно кто-то входил. Хотя окна всю ночь оставались закрытыми и дверь заперта на засов.

Андрей обернулся, подтверждая правдивость ее слов.

— А где девочки?

— С ними все в порядке. Они наверху собирают вещи. И через секунду я тоже к ним присоединюсь. Я больше не собираюсь оставаться в этом доме.

— Маша... — улыбнулся Андрей.

— Здесь нет ничего смешного! В доме происходят странные вещи. И представь себе, мне страшно. В первую очередь за детей.

Мужчина снова огляделся, пытаясь найти здравое объяснение всему происходящему.

Он вынул ножи из дверного косяка и спросил:

— А девочки не спускались вниз?

Но Мария не успела ответить на его вопрос.

Внезапно зазвонил телефон мужа. А высветившийся номер уже был в списке его звонков.

Не далее, как вчера.

— Я слушаю!

Голос в трубке он сразу узнал.

— Доброе утро, Андрей! Это Юлий.

— Доброе утро!

— Я наконец нашел ваш загородный дом и прибыл, как только смог. Можете выглянуть в окно и убедиться в этом.

Глава семейства разобрал стулья, сваленные у порога, и протиснулся ближе к двери.

В смотровом окошке он увидел незнакомца, одетого в черный строгий костюм с ярко-красным галстуком. Темные, как смоль волосы развевались на ветру, подбрасываемые порывами легкого утреннего ветерка. К правому уху он рукой прижимал сотовый телефон.

Юлий стоял шагах в десяти от входной двери. Не так близко, как недавним вечером морщинистая старуха. А увидев, что Андрей

выглянул в окошко, помахал в знак приветствия рукой.

— Можете выйти из дома, — сказал незнакомец в телефонную трубку.

Глава семейства сбросил вызов и положил «сотовый» в карман штанов. После чего отодвинул засов и вышел из дома.

Мария последовала за ним.

Мужчина на мгновение задумался — не оставить ли женщину внутри? Но потом представив грозный и укоряющий взгляд жены, быстро отбросил эту идею.

Он тоже знал свою жену очень давно и прекрасно понимал — если ей захочется быть в центре внимания, то убедить в обратном ее не удастся.

Дети оставались на верхнем этаже, и по словам Марии собирали вещи. А если верить Юлию, то в доме им ничего не угрожало.

Можно немного перевести дух и успокоиться.

Человек в черном костюме при красном галстуке находился в нескольких шагах и почему-то не спешил идти им навстречу. Вместо этого, он с интересом разглядывал Дорожниковых, их новый дом и прилегающую территорию.

Андрей и Марией двинулись ему навстречу.

— Ни шагу дальше! — Юлий остановил их, едва они сделали несколько шагов.

Между ними еще было почтительное расстояние, разговаривать на котором было верхом неприличия.

Тем не менее родители остановились.

Незнакомец сам подошел ближе и встал метрах в двух от них:

— Еще раз, здравствуйте! Меня зовут Юлий.

Андрей протянул руку, но человек в костюме не принял ее.

— Не лучшая идея, — внезапно сказал он. — Если вы посмотрите под ноги, то увидите черту, которая нас разделяет. И на вашем месте, я бы не стал ее переступать. А уж тем более мы не должны соприкоснуться друг с другом, пока находимся по разные стороны.

«Что за бред?» — мелькнула недоверчивая мысль в голове.

Андрей и Мария взглянули под ноги.

Сначала они ничего не заметили.

Но потом острый взгляд жены уловил едва различимый след. Своего рода узкая дорожка была вытоптана копытами какого-то животного. И эти следы, судя по всему, опоясывали их дачный участок.

— Вокруг нашего дома кто-то ходил? — не на шутку забеспокоилась Мария.

— Совершенно верно! Вы очень наблюдательны. Вот поэтому я и просил вас остановиться. Это Стигийский круг. Другими словами — замок. Тот, кто его создал, преследовал цель не выпустить вас с этого участка.

— Чушь какая-то! — усмехнулся Андрей. — По вашим словам, если я переступлю линию копыт, то тут же умру?

При упоминании слова «смерть», Марии стало по-настоящему страшно.

— Нет, — успокоил его незнакомец. — Ничего такого с вами не произойдет. Единственное, что вы сделаете — разрушите замок. А это может привести к необратимым последствиям. Замок сделан быстро, но безупречно. Тот, кто приходил к вам ночью, имел свои планы на вашу семью.

Родители девочек переглянулись.

— Извините, — вмешалась в разговор Мария. — Но мы не понимаем, о чем вы говорите.

— Ничего страшного! Вначале всем непонятно. Но когда дело принимает совсем другой оборот — ваша задача принять неизбежность. И все зависит от того, как быстро вы ее примете! Некоторые люди считают, что ничего не произошло, но это их глубокое заблуждение. Вы ведь видели этой ночью что-то странное? То, чего не можете объяснить?

Андрей выдержал небольшую паузу.

— Старуха. Она топталась у нашего дома!

Юлий усмехнулся:

— Старуха, значит... Да-а, с прошлого раза ничего не изменилось.

— Что значит — «с прошлого раза»? Вы уже видели такое? — спросила хозяйка дома.

— Множество раз! Вот поэтому я здесь. Я пришел вам помочь.

— С чего бы это?! — недоверчиво произнес Андрей.

Юлий пожал плечами:

— Скажем так, у меня с ней свои счеты. Я вам расскажу одну историю, а потом вы уже будете решать — переступить черту или нет. Ваша судьба, а особенно судьба одной из девочек, зависит сейчас только от вашего решения.

— Послушайте, Юлий! — перебил его муж Марии. — Больше всего на свете я не люблю шарлатанов. Они вымогают деньги у честных людей. Но, даже если вы не из их числа, у меня нет ни одной причины вам доверять. Только лишь потому, что я вижу вас впервые в жизни.

— Андрей! — не сдержалась Мария.

— А что, я не прав? — как-то не по-доброму посмотрел на нее муж.

— Давайте так, — разрядил обстановку Юлий. — Для начала, я вам расскажу, что здесь происходит. Ну а вы в свою очередь будете решать, верить мне или нет. За свою услугу, я не попрошу и копейки! Если вы откажетесь от моей помощи — я тут же уйду, и больше вы меня не увидите. А если позволите помочь — я сделаю все, что в моих силах, а потом исчезну из вашей жизни. В любом случае, вы ничего не теряете.

Предложение было заманчивым.

— Мы согласны, — После недолгой паузы заявила Мария.

— Вот и славненько. Я постараюсь занять как можно меньше вашего драгоценного времени. Для начала скажу, что пока вы находитесь в кругу — вы в безопасности. Главная причина, по которой он, так сказать, сконструирован — это не пустить меня в дом.

— Вот как? Для чего же старуха сама нас заточила в безопасное место? Как-то нелогично получается!

— Вы не правы, Андрей! — не согласился Юлий. — Старуха, она же Колхидская ведьма, в любой момент разрушит замок и тогда вас уберечь от беды не смогу даже я. Вы знаете, кто такая Махаллат?

— Понятия не имею.

— Она повелительница злых духов. Ее посланник начертил Стигийский круг. И его главная задача — пометить вас, как потенциальную жертву. Если кто-то из нас переступит черту, тут же появится Колхидская ведьма и выполнит свою непосредственную задачу. В ином случае, у нее будет три ночи, чтобы войти в дом. И это время мы используем в своих целях. Если у нас все получится, она сгинет навечно, больше вас не побеспокоив. За то время, что вам предстоит переждать, я привезу ключ от Стигийского круга, аккуратно его вскрою, войду внутрь и снова запечатаю.

— Так просто? — недоверчиво пробормотал Андрей.

— Да, — согласился Юлий. — Потому что у круга есть и обратная сторона. Легче всего защищаться от посланника в том месте, где создано его творение. Не знаю уж почему.

— А что ей собственно нужно от нас? — задала вопрос Мария.

Юлий выдержал паузу.

— Раз в сто лет Махаллат выбирает себе преемницу.

Родители девочек вздрогнули.

— Что вы сказали? — Мария злобно взглянула в глаза Юлию.

Сердце застучало в два, а то и в три раза быстрее обычного. Если она правильно поняла, то ситуация принимала скверный оборот. Если, конечно, верить всем этим байкам.

— Ей нужна одна из ваших дочерей, — уточнил Юлий.

Мария вскрикнула от неожиданности.

— Вы пугаете мою жену! — грубо сказал Андрей.

— У меня не остается выбора. Я просто пытаюсь рассказать вам то, чего вы не хотите видеть. И вы обещали дослушать мою историю до конца. Потому, что это в ваших же интересах!

Отец девочек замолчал, а Юлий продолжил:

— Так вот. Сама Махаллат не может прийти за девочкой. Она направляет посланника, который и связывается с вами. Обычно посланник выбирает большие семьи, где трое или четверо детей...

— Чтобы не так травмировать родителей? — сообразила Мария. — Подумаешь одним ребенком больше, одним меньше...

— Может и поэтому. Никто знает. В нашем случае это Колхидская ведьма. Факт в том, что у нее есть на это три ночи. В первую ночь она просто заявляет о себе. Вы ее видите, даже может вступаете в контакт. Короче говоря, она обозначает свое присутствие, и помещает потенциальную жертву в Стигийский круг. Это своего рода такой ритуал.

Во вторую ночь она выбирает ребенка и объясняет свой выбор Махаллат. Но для того, чтобы пометить дитя, ей обязательно нужно его видеть. Мы пока не знаем, кого она выберет, но думаю, если укрыть детей от посторонних глаз, она не сможет ничего сделать.

— «Мы»? — уточнил Андрей. — К вашему сведению, мы еще не согласились на вашу авантюру.

— А что происходит потом? — не обращая внимания на слова мужа, спросила Мария.

— В третью ночь, когда Махаллат подтверждает ее выбор, ведьма пересекает черту.

Родители девочек быстро представили все развивающиеся события.

Не в силах что-либо сказать или сделать, Мария заплакала.

Андрей обнял жену и сделал вывод:

— Знаете что, Юлий? Я не верю ни единому вашему слову. Вы напугали мою жену до...

— Я верю! — громко крикнула Мария. — Я вам верю! Я вспомнила историю моей подруги про ее прабабку.

Мария утерла слезы и продолжила:

— У них в семье было семеро детей. И внезапно ночью одного ребенка они не досчитались.

— Они пустили в дом старуху? — уточнил Юлий.

— Я точно не помню. Это было давно. Детей искали всей деревней, целую неделю. Их родители пролили столько слез, что самому страшному врагу не пожелаешь такой участи. Уже после того, как дети выросли, они рассказали, что их сестра просто исчезла и больше никогда не возвращалась.

— Все верно! Так и происходит. Можете позвонить подруге и уточнить детали. Вы поймете, что я ничего не придумываю. Но самая главная ошибка была их в том, что они пустили в дом посланника. Надеюсь, вы не сделали ничего подобного?

Андрей посмотрел на собеседника вспоминая подробности прошлого вечера:

— Старуха постучала к нам в дверь, но я прогнал ее.

— И правильно сделали. Не сомневайтесь! Пустить в дом посланника можно только с согласия одного из членов семьи. Это нерушимое правило. И отпустить ребенка можно только по доброй воле. Вот за этим я здесь. Моя задача не допустить передачу девочки в ее руки. Понимаете, о чем я?

Они все понимали.

И если Андрей еще подвергал его байку сомнениям, то Мария окончательно поверила в рассказанную историю.

— Что же нам делать? — внезапно спросила она.

— Закройте входную дверь на засов и постарайтесь успокоиться. Пока круг запечатан, вам нечего бояться. Ну, а мне придется отправиться за ключом. Без ключа я не смогу вам помочь.

— Так может ничего не делать? Вы же сами сказали, что мы в безопасности. Просто не будем ей разрешать входить в дом и все дела!

— Эти правила действуют в первые две ночи. Если в третью ночь посланник поймет, что его не собираются пускать в помещение, он просто атакует ваше жилище и страхом смерти заставит согласиться на свои условия.

Мария беспомощно покачала головой:

— Значит у нас нет выбора?

— Выбор есть всегда. Одни семьи отдавали детей без боя. Другие просто убивали своих отпрысков, чтобы никто из них не достался Махаллат. Выбор велик. Никто не может предсказать судьбу.

— А скольких детей спасли вы? — задал вопрос Андрей.

Но Юлий не успел на него ответить.

Из дома вышли три очаровательные девчушки и медленно приблизились к своим родителям.

Андрей и Мария крепко держали их за руки, боясь, что дети ненароком пересекут черту.

Человек в черном костюме внимательно оглядел детей.

— Какие красавицы! — изумился Юлий. — Сколько им?

— Восемь лет. — ответила Мария.

— Идеальный возраст, — констатировал Юлий, и улыбка с его уст стремительно испарилась. — Такое чудо будет жалко отдавать Махаллат.

— А мы и не собирались.

— Я вас понимаю. Отлично понимаю! Ну что ж. Я с вами не прощаюсь, увидимся завтра ближе к вечеру. А пока, вам нужно всего лишь пережить без меня одну ночь. Побудьте с детьми. Никому не открывайте и никого не приглашайте зайти внутрь. Даже если это будут ваши друзья.

Андрей и Мария и без него знали эти два с детства нерушимые правила.

Юлий ушел, а семья Дорожниковых вернулась в свою обитель и заперла входную дверь на засов.

Весь оставшийся день они коротали время с девочками, словно боясь, что видят одну из них в последний раз. Играли с ними в разные игры, наслаждаясь детским смехом.

Андрей и Мария уже и не помнили, когда проводили время с детьми. Тройняшки были на высоте от счастья. Недаром говорят, что лучше всего людей объединяет беда. По одиночке с этой

напастью не справиться, иначе она сможет разрушить даже самую крепкую семью.

Поздним вечером родители сидели в комнате девочек на мягком поношенном ковре и раскладывали «монополию».

Они приняли решение провести эту ночь вместе с детьми. Ведь если верить словам Юлия, у них назревали нешуточные проблемы.

Дозвониться до своей подруги Светланы Марии не удалось.

Связь скакала, словно арабский жеребец — то рисовала одно деление, а то и вовсе «молчала».

В этом месте, где Дорожниковы приобрели загородный дом, был один серьезный недостаток — частичное отсутствие сотовой связи. И они о нем знали. Иногда звонки и смс прорывались сквозь деревья близлежащего леса, но в большинстве случаев сеть была недоступна.

Вот и теперь с нескольких попыток Марии все же удалось дозвониться до Светы, но в трубке она услышала голос автоответчика, который предательски гласил: «Абонент находится вне зоны доступа сети».

На этом все и закончилось.

Теперь Мария бросала кости на картонное поле «монополии» и ждала от своего «мобильника», когда же придет сообщение о том, что «абонент снова появился в сети».

— Одиннадцать! «Рижская железная дорога». Ура!!!

Мама попыталась изобразить восторг.

— Ну, так нечестно! — заявила одна из девочек.

— Не беспокойся, Даша. Я продам тебе ее за двести тысяч.

— А мне продай эту зеленую карточку (имелся ввиду «Кутузовский проспект»)! — закричала Ева. — И красную («Конный завод»)!

— Ничего себе! — возмутился папа. — Вы что, сговорились?

Андрей обратился к третьей своей дочери, но она молчала, неестественным образом наклонив голову. Создалось впечатление,

что девочка внимательно изучает надписи на своих приобретенных карточках.

— Лера, ты еще в игре? — теперь мама задала вопрос восьмилетней дочери.

Девочка еще посидела, сконцентрировав взгляд на картонном поле «монополии», а потом медленно подняла голову.

— Тук... тук... — сказала она и безразличным взглядом уставилась куда-то вдаль.

— Валерия, с тобой все в порядке?

Андрею показалось, что ее глаза изменили цвет.

Все без исключения бросили играть в настольную игру и с изумлением уставились на единственного ребенка в доме, который не был похож сейчас саму на себя.

— Тук... тук... — повторила девочка. — Слышишь... мама... этот звук.

Мария ничего не слышала, кроме странного голоса дочери. А ее чадо продолжило:

— Это я иду... к вам в гости... Не спасет вас... даже круг.

Даша и Ева придвинулись ближе к матери и захлопали испуганными глазами. А Мария с Андреем застыли, не понимая, что же происходит.

Лера медленно поднялась во весь рост и развела руки в стороны, широко раскрыв ладони. Зловещий задумчивый вид маленького восьмилетнего создания улыбнулся во весь рот и продолжил уже более уверенно, иногда делая паузу между словами:

— Вам... не спрятаться... не скрыться

От моих... безумных... глаз.

Выберите мне... девчонку,

Или выберу... за вас!

Последнюю фразу девочка буквально прокричала.

Обе ее сестры бросились маме на шею, отчего та завалилась на спину, и тут же зарыдали. Казалось, стены задрожали от детского

голоса, прорезавшего тишину дома.

Валерия закрыла глаза, громко выдохнула, и рухнула бы на пол, если ее не подхватили крепкие руки отца.

Он осторожно перенес Леру на кровать и принялся успокаивать напуганных сестер.

Страх обуял всю семью.

Неподдельный и отчаянный.

Он заставлял принимать зловещие образы за истинную правду. Все в этом доме теперь стало для них чужим. Даже собственная дочь. И если бы не телефонный звонок, вмешавшийся в рыдания маленьких девочек, от напряженной атмосферы можно было сойти с ума.

Мария передала дочерей в сильные руки мужа и бросилась к сотовому телефону.

— Света! — закричала мать, не боясь разбудить ребенка, что мирно спал на кровати.

— Алло! — послышалось в телефонной трубке.

— Света, привет. Это Мария. Слышишь меня?

Связь снова прервалась. Послышался длинный гудок.

— Очень плохо слышно! — закричали на том конце линии.

Мария вскарабкалась на стол, где, по ее мнению, находилось лучшее место для ловли сети оператора.

— Света! Мне нужна твоя помощь. Помнишь, ты нам рассказывала про свою прабабку? Тогда в командировке?

— Помню. Но это... история... зачем... не могу... связь...

Ее слова Мария слышала с прерыванием.

Практически ничего нельзя было понять. Словно сотовый оператор принципиально не хотел их соединять. Звонок дважды обрывался, но мать тройняшек не собиралась сдаваться. Она вновь и вновь набирала номер.

— Света! Ты меня еще слышишь?

— Я еду в...

И снова связь прервалась.

А после очередного набора, Мария услышала:

– Завтра вечером...

И все!

Остальные попытки дозвониться не привели к успеху. Оставалось только надеяться, что подруга перезвонит завтра, если конечно Мария верно поняла смысл ее слов. А пока, родители уложили девочек на кровати, а себе постелили на полу. То, что произошло мгновениями раньше, теперь точно не позволило Андрею и Марии оставить дочерей одних в комнате.

Мать поставила икону Божьей Матери на стул и в слезах упала на колени.

Молитв она не знала.

Все что ей было ведомо, это «Прости и сохрани!».

Стандартный набор слов, как говорила ее подруга. Бог все видит и слышит. Остается только попросить.

И она попросила.

Не за себя или Андрея.

Она просила защитить ее маленьких девчонок от нависшей угрозы. И впервые в жизни ее муж не насмехался над ней. Чтобы поверить, ему нужно было все увидеть своими глазами.

Андрей запер дверь в спальню и примостился на полу, осыпаясь мелкой дрожью. И лишь после того, как рядом легла жена, обнимая испуганного мужа, нервы понемногу успокоились. А глаза, наполненные давящей беспомощностью, медленно закрылись и он провалился в царство сна.

Страх и усталость остались в этом мире.

Глава 3

Ночь прошла без особых проблем.

Никто не ходил вокруг дома, никто не стучал в окно, прося разрешения войти. Даже мебель никуда не передвигалась. Все, что находилось в доме, оставалось на своих прежних местах. По крайней мере, на первый взгляд.

Лишь изредка родители открывали глаза, убеждаясь, что все их дети оставались в комнате. И только один раз Андрей выглянул в окно, чтобы осмотреть дачную территорию. Никаких следов Колхидской ведьмы он не заметил.

Весь следующий день семья находилась в доме. После вчерашнего случая, выходить на улицу никто не посмел. Если посланник смог завладеть разумом ребенка в доме, на что же он будет способен за его пределами? Волей-неволей, придется поверить в Бога. И на него была последняя надежда. Ну и конечно, на Юлия.

Незнакомец в черном костюме понимал все, что здесь происходит. Он мог защитить семью Дорожниковых, оградив их от этой напасти. И единственное, что от них требовалось — поверить ему на слово, ни при каких обстоятельствах, не подвергая происходящее здесь сомнению.

До самого вечера девочки ходили за родителями по пятам.

Лера, естественно ничего не помнила из того, что произошло во время игры в «монополию». Даша с Евой искоса поглядывали на сестру, но вслух ничего не говорили.

Девочки все еще боялись.

Вся семья Дорожниковых находилась в напряжении вплоть до того момента, когда в очередной раз не зазвенел «сотовый» Марии.

— Алло!

— Маша, привет!

— Привет, Светлана! Я с тобой вчера не могла нормально поговорить.

— У тебя что-то случилось?

Снова в телефоне раздался характерный сигнал, оповещающий о сбое в сети. Но через мгновение связь нормализовалась.

— Случилось, Света. Я думаю, что с моими детьми происходит то, что произошло с твоей прабабкой.

— В каком... ысле?

Связь была ужасная, и каждое слово с трудом удавалось разобрать.

— В прямом смысле! К нам на дачу заявила старуха. Помнишь, ты рассказывала. А мы тебе не поверили?

— Еще бы! В байки моей ...абки никто не...

— Ну что за связь! — психовала Мария. — Света, ты меня слышишь?

— Слышу, но очень ...хо! Ты уверена, что...

Снова молчание в трубке и характерный сигнал.

— Уверена! Она пришла за одной из моих девочек!

Мария кричала, пугая своих дочерей. Будто старалась если не по сети, то хотя бы через расстояние докричаться до своей подруги.

— Но это же выдумка... ты не находишь? — прорвался сквозь пелену помех и прерываний голос Светланы.

— Нет, Света. Это сейчас происходит на моих глазах. Мы не дослушали тогда твою историю. Напомни, чем она закончилась?!

— Я не слышу тебя, Маша. Что ты ...зала?

— Я спрашиваю, что было до того, как ребенок пропал? Родители твоей прабабки кого-то пустили в дом?

Снова гудки, оповещающие об окончании разговора.

Вести беседу было просто невозможно. Сегодня сотовый оператор был не на их стороне.

В этот раз уже подруга первой перезвонила:

— А что у вас ...исходит?

— Вчера к нам постучалась ведьма, но мы ее прогнали. Человек по имени Юлий нам обещал помочь! — Мария уже была на грани, чтобы сорвать голос.

— ...уха? Я помню, что в... ты... не... ста... дом...

Связь снова оборвалась.

И в этот раз окончательно и бесповоротно.

Напрасно Мария пыталась перезвонить. Восемь попыток она использовала, пока поняла, что ее подруга в очередной раз

оказалась вне зоны доступа сети.

— Что она сказала? — поинтересовался муж.

— Я ничего не поняла. Связь просто ужасная.

И в этот момент в дверь постучали.

Дорожниковы нервно вздрогнули. Никто не хотел снова лицезреть на пороге Колхидскую ведьму.

Но обернувшись, Мария увидела в смотровом окошке лицо уже знакомого человека. Это был Юлий.

Андрей открыл дверь и протянул руку в знак приветствия:

— Входите.

Их новый знакомый оделся теперь в простые легкие джинсы и летнюю рубашку с коротким рукавом. Видимо, официальная часть вчера закончилась. И черный костюм с парадным ярко-красным галстуком отложен за ненадобностью.

— Что у вас произошло? — сразу с порога задал вопрос Юлий.

Он заметил, как Мария нервно в руках теребила икону Божьей Матери.

— Наша дочь говорила чьим-то голосом. — Ответил за нее Андрей.

— И что она сказала?

— Сказала, что мы вправе сами решать, каким ребенком пожертвовать. Иначе она выберет за нас.

Юлий задумался:

— Это очень плохо. Скорее всего, Махаллат уже сделала выбор. Кто из детей говорил ее голосом?

— Лера, — Мария указала на одну из своих дочерей.

Девочка в недоумении посмотрела на мать, ничегошеньки не понимая в происходящем.

— Ну что ж, — подытожил их новый знакомый. — Мы постараемся удержать старуху от проникновения в дом. Если нам это удастся в течение ночи, то на следующие сто лет о ней можно будет забыть.

— Сто лет? — переспросил Андрей.

— Совершенно верно! Именно столько живет смертный в ее мире. А когда умирает, Махаллат вынуждена искать себе новую приемницу. И каждые сто лет на земле страдает одна из семей, отдавая своего собственного ребенка.

— И нет от нее никакой защиты?

— Защита есть всегда. Главное — выбрать правильное оружие. А вот это вам точно не поможет, — Юлий указал на икону, что держала в руках хозяйка дома.

— Как же так?! — возмутилась Мария. — Бог останется в стороне?

— В этом доме нет Бога, не так ли? Потому, что здесь отсутствует вера. И Махаллат об этом знает. А поэтому, в этом месте нет такого талисмана или оберега — называйте, как хотите — который смог бы остановить Колхидскую ведьму. Это я вам говорю!

Дорожниковы стеснительно опустили глаза.

Юлий был абсолютно прав. В этом доме не было Бога. К нему обращались только в крайних случаях, и то, делали это с превеликим неумением.

— Но как же мы будем бороться против нее? — спросил Андрей.

— Бороться против нее буду я. А вы не будете мне мешать. Но до того, как я приступлю к обряду, я должен задать вам обязательный в этом случае вопрос.

Родители не сопротивлялись:

— Задавайте.

— Согласны ли вы по доброй воле отдать своего ребенка на воспитание повелительнице злых духов Махаллат? Ответ я должен получить немедленно.

— Ни в коем случае! — без колебаний ответили родители.

— Ну, в таком случае приступим. Оденьте этот браслет на Леру. Я должен отличать ее от остальных девочек.

Мария приняла странный браслет в виде змеи с раскрытой пастью и защелкнула на запястье Леры.

— За остальных детей можете не беспокоиться. Ведьма их не тронет. Я сделаю несколько рисунков на полу и стенах комнаты,

если вы позволите?

— Конечно-конечно! — согласился Андрей.

— Но все девочки должны подняться в комнату на втором этаже. Позже я к ним присоединюсь.

После этих слов Юлий принялся чертить непонятные символы на полу и стенах кухни. Потом у порога рассыпал черный порошок с легким ароматным запахом. Странные амулеты с головами неизвестных животных усеяли входную дверь. От их угрожающих физиономий засвербело в душе.

Что бы Юлий ни делал, семья Дорожниковых молчала.

Они были согласны превратить свой дом в ритуальный зал жертвоприношений, лишь бы старая ведьма не забрала их ребенка. В крайнем случае пожертвовать собой и вдвоем стать преемниками Махаллат.

Но это было невозможно.

Ей нужна была восьмилетняя беззащитная девочка.

И никто иной.

Когда на стене появился последний символ, обозначивший окончание подготовительной работы, во дворе сработала сигнализация автомобиля Андрея. Режущие слух звуки нарушили успокаивающее молчание леса и напомнили хозяевам дома, что тишину нужно завоевать.

— Она уже здесь, — сказал Юлий, и взглянул на входную дверь.

А через мгновение появилась и сама старуха.

Ее бешеные глаза вспыхнули огнем, когда она увидела Юлия в доме. И Андрей с Марией больше не сомневались — эти двое давно знают друг друга в лицо.

Ведьма снова постучала в дверь, как и в прошлый раз.

На что надеялась старуха? Что хозяева передумают и отодвинут засов?

Сейчас это сделать мог только сумасшедший.

— Уходи! — прокричал Юлий. — Тебе не место среди нас! Никто не пригласит тебя в дом! Потому, что здесь уже нахожусь я!

Ведьма закричала, что было сил.

Казалось, сами стены от оглушительного крика задрожали. Ее неистовые вопли перекрывали даже звук сигнализации.

Андрей и Мария закрыли уши руками, чтобы спастись от назойливого шума. Амулеты на полу заплясали под дрожью дома. А странные символы на стенах засветились кроваво-красным огнем.

Старуха неистово кричала и стучала в дверь, намереваясь все еще войти по приглашению.

«Как там девочки?» — всплыл внезапный вопрос.

«Они, наверное, безумно перепугались. И их отчаянного плача не слышно среди этого безудержного вопля».

Марии захотелось сейчас быть рядом с ними. Но лишь слова Юлия удерживали ее от того, чтобы броситься по лестнице на второй этаж.

«Вы мне нужны здесь. А девочек ведьма не должна видеть!»

Их новый знакомый начертил на стене еще один символ и крики ведьмы прекратились. Словно кто-то установил входную дверь с отличной изоляцией.

Андрей и Мария освободили уши.

Видимо, старуха поняла, что за магию применил ее соперник, и тут же стала тарабанить во входную дверь, что есть силы. Страшный звук выводил из себя и на душу налетело неотвратимое чувство — впустить старуху и покончить с этим мучением.

Юлий словно почуял, о чем думают родители девочек и крикнул, что есть мочи:

— Не смей!

Андрей одернул руку, которая самопроизвольно потянулась к засову и пришел в себя. Впустить старуху — означало сдаться. А за этим последует немедленная передача девочки в руки Махаллат.

Старуха все тарабанила и тарабанила в дверь. Мария даже дивилась, как хрупкое стекло смотрового окошка не поддалось и от ударов не рассыпалось на мелкие осколки.

Но внезапно психологическая атака закончилась.

Воцарилась полная тишина.

Неслышно стало воплей, визг и стуков. Даже сигнализация автомобиля Андрея ничем не выказывала своего недовольства.

Ведьма перестала донимать.

И это было явным облегчением.

— Она ушла? — спросила Мария.

— Не думаю, что она сдастся так скоро, — ответил Юлий.

И словно в подтверждение его слов, Андрей почуял неприятный запах.

Сначала слабый, но потом он стал постепенно нарастать. Все сильнее и сильнее, пока вокруг родителей девочек не вспыхнуло пламя.

Огонь взметнулся по стенам, окутывая их от пола до потолка, и лишь спасительная дверь оставалась неповрежденной.

Андрей и Мария в суматохе заметались. И Юлий увидел их терзания:

— Что случилось?

— Пожар! — прокричала Мария и вспомнила о своих оставленных на веху детях.

Она рванула к лестнице на второй этаж, но путь ей преградил их новый знакомый. Он схватил женщину за руку и прокричал:

— Ничего нет, Мария! Это все проделки ведьмы! Она знает, что тебе нельзя наверх.

А в этот момент, спасаясь от неистового пламени, Андрей потянулся к спасительной входной двери.

— Нет!!! — Юлий гаркнул, перекрикивая треск горящих досок. — Андрей, это мираж. Старуха хочет, чтобы ты открыл дверь! Подумай о своей дочери!

Последняя фраза привела отца девочек в чувство.

Он поглядел на пылающую кухню и схватил кружку с водой, что стояла на старом столе.

Прозрачная жидкость выплеснулась.

После чего, Андрей заметил, как вся кухня понемногу стала превращаться в прежнюю недостроенную комнату. Огонь, который сотворила ведьма даже не испортила мебель, хотя могло бы случиться обратное.

Мария подбежала к своему мужу и крепко обняла. В лице Андрея она видела спасителя. Мираж старухи не смог ввести в заблуждение ее мужа, и это все благодаря одному единственному человеку, который согласился им помочь.

«Кто он на самом деле? Человек или Бог?».

Родители девочек так и стояли, обнявшись у кухонного стола.

Но внезапно Мария ощутила сырость под ногами. Похоже, Андрей выплеснул слишком много воды в этом месте.

Но потом вода поднялась по щиколотку, и далее медленно стала заполнять пространство комнаты. Все вокруг превращалось в одно большое озеро. Похожее на то, что располагалось за домом на улице.

«Очередной мираж?».

Мария попыталась спросить Юлия, но увидела, как тот снова рисует какие-то ритуальные символы на полу, несмотря на прибывающую воду. Закончив, их новый знакомый обратился к родителям:

— Я вернусь к девочкам и посажу их в охранный круг, а вы следите за ведьмой. И ни в коем случае не разрешайте ей входить. Если она попытается взломать дверь — срочно зовите меня!

Не дожидаясь ответа, Юлий, шлепая по воде, бросился по лестнице на второй этаж.

Вода все прибывала.

Кухню уже залило по колени. Марии вдруг представился внеплановый ремонт, который она быстро в уме рассчитала по стоимости. Сумасшедшая сумма будет потрачена на восстановление размытых стен и испорченной мебели.

Бушующий поток накрывал пол недостроенной кухни. И все это выглядело настолько правдоподобно, что женщина ощутила мелкую

дрожь во всем теле от холодной воды. Одежда промокла и неприятно прилипла к телу, заставляя мираж плавно перетечь в реальные события.

А ведьма все смотрела на них сквозь смотровое окошко и злобно скалилась. Но несмотря на потоп в доме, открывать дверь ей никто из Дорожниковых не собирался.

И вот когда вода достигла пояса, раздался знакомый сигнал, совсем непохожий на происки мерзкой старухи. Этот звук Мария узнала бы из миллиона других в этом доме. Звук входящего смс сообщения. Настолько приглушенного, как будто он врывался сюда из потустороннего мира.

Женщина огляделась.

А через мгновение обнаружила у своих ног сотовый телефон. Не обращая внимания на прибывающую воду, «мобильник» мирно лежал на дне образовавшегося озера.

Мария нырнула с головой уходя под воду.

Онемевшими от холода пальцами, она выудила телефон и нажала единственную рабочую кнопку.

«Мобильник» засветился слабым желтоватым оттенком, и женщина дрожащим пальцем нажала на конверт в правом верхнем углу экрана.

Шесть сообщений выскочили на размытом дисплее. И все они были от одного человека.

Женщина не успела пробежать глазами их все.

Она лишь прочитала последнее сообщение и руки у нее затряслись. Ноги предательски подкосились, а душа «провалилась» в пятки. И если бы не водное пространство вокруг нее, что уже достигло груди, Марии пришлось бы упасть на пол от перенесенного стресса.

Три шокирующих слова от ее подруги Светы плясали на дисплее, подгоняемые стекающими каплями.

Андрей увидел панику в глазах жены:

— Что случилось?

Его супруга ничего не ответила.

Она немедленно отбросила в сторону сотовый телефон, словно ненужную вещь, и поспешила к выходу.

— Ты куда собралась? — Андрей задал ей очередной вопрос.

Женщина не отвечала.

Она лишь ускорила шаг, пытаясь как можно быстрее добраться до цели.

Прибывающая вода мешала передвигаться. Вот уже она достигла шеи и супруга Андрея едва доставала пола ногами. Скоро образовавшееся озеро накроет ее с головой и не даст возможности дышать.

Ситуация была критической, и Марии ничего не оставалось, как добраться до выхода вплавь.

Она снова нырнула, стараясь быстрее преодолеть последние несколько метров.

Андрей наконец догадался, что задумала его супруга, и бросился в воду вслед за ней.

Пару мощных гребков сократили и без того маленькое расстояние. Он настиг супругу у самой входной двери. Последним усилием вцепился в запястье жены, не позволяя притронуться к железному засову.

Женщина закричала от отчаяния.

Она вырывалась словно кошка, попавшая в капкан. Казалось, силы у нее только прибавлялись. До чего же безумным стало желание открыть входную дверь.

Андрей сопротивлялся не меньше ее, но силы на глазах таяли. И вот улучив момент, Марии удалось отбросить мужа подальше и потянуть железный дверной засов.

— Я хозяйка этого дома! И разрешаю тебе войти!

Ее слова прозвучали громко и четко на фоне бушующего потока. А входная дверь по неизвестно чьему мановению, открылась.

Огромное озеро, секунду назад заполнявшее пространство кухни, немедленно рвануло к спасительному выходу и за мгновение

выпорхнуло на улицу. Краем глаза родители девочек заметили, как Колхидская ведьма прошмыгнула в дом, и уже никто на белом свете не мог ее остановить.

— Что ты наделала? — с горечью в глазах пробормотал мужчина.

Старуха рванула на верхний этаж, словно это была молоденькая девчушка. Ей хватило несколько прыжков, чтобы добраться до единственной комнаты наверху.

Дорожниковы слышали оглушительный вопль.

Андрей и Мария не на шутку перепугались.

Собрав последние силы, они бросились вслед за ведьмой. Единственная комната, что была на верхнем этаже — это комната их дочерей.

И в ее середине в очерченном кругу сидели две девочки. Одну из них звали Даша, а вторую — Ева.

По периметру странного круга стояли шесть свечей, горящих тусклым темным пламенем, а внутри — правильно начерченная шестиконечная звезда.

Непонятные символы на полу источали яркое пламя. Складывалось ощущение, что вся комната превратилась в ритуальный зал черного колдуна.

Юлия нигде не было.

Но самое страшное, что и не было их третьей дочери. И нигде в этом доме они не смогли бы ее найти.

По эту сторону ритуального круга все еще стояла ведьма, в который раз поражаясь происходящему. Ее злобный взгляд медленно переместился на хозяев дома, и она сухим потусторонним голосом выдавила:

— Что же вы наделали, люди?

После чего старуха рассыпалась в прах, оставляя после себя лишь обрывки воспоминаний.

Юлий был прав.

Посланник заявил о своем присутствии. Потом выбрал ребенка, увидев его своими глазами. А в третью ночь совершил переход

из этого мира в мир Махаллат.

Единственная мелочь, о чем не упомянул Юлий — это то, что посланником являлся он сам.

Он сам вошел в доверие и провернул невозможное. И единственным существом, кто мог ему помешать, была Колхидская ведьма, которую родители девочек наотрез не хотели пускать в дом.

Никто не слышал в этом захолустье отчаянный крик матери.

Никто не видел, как прятал заплаканное лицо отец.

И никто так и не смог понять, куда делась девочка, что жестокой судьбой была выбрана преемницей самой Махаллат.

Лишь пресловутый «мобильник» до сих пор лежит на полу первого этажа с последним прочитанным сообщением от Светланы, что по воле судьбы так поздно дошедшее до своего адресата.

Три слова, перечеркнувшие судьбу Дорожниковых навсегда —
«НЕМЕДЛЕННО ВПУСТИ СТАРУХУ!»

А остальное уже не важно.

ИРИНА СОЛЯНАЯ

ИЗ ЛЕДЯНОЙ ПУСТОТЫ

Как стоя мотыльков крупные хлопья снега окружили меня на перекрестке. Я пришел сюда не случайно, и меня била легкая дрожь. Страх или стужа пробирали до костей? Длинная цепочка событий привела меня в полночь на это место — потеря близкого человека, безутешное горе, поход к старой ведьме, покупка талисмана. Сегодня такой день, когда можно все изменить — девятое декабря. Тайян, «День большого мира», больших изменений. Я убеждал себя, как мог, потому что ни на йоту не верил старой ведьме. Ей была нужна моя кровь, только и всего, она могла просто солгать.

Гладкий, вырезанный из желтоватой кости силуэт женщины, отполированный тысячью пальцев, холодил и без того озябшую руку. Когда налетевший вихрь закружился прямо передо мной, я бросил купленный за мою кровь талисман в самую его гущу.

Из снежного сонма вышла Юкки-онна. Я сразу ее узнал: девушка из снега и льда. Она станет той, которую я потерял. Ведь и снег, и лед пластичны и принимают любую форму.

Юкки-онна протянула ко мне белую ладонь и откинула вуаль с лица. Она была прекрасна, даже красивее Мицуко, и я вздохнул: мне не нужна была ослепительная красота, мне нужна была шероховатая кожа, родинка на левом виске, стриженные после болезни волосы, топорщившиеся поутру на затылке, крупные уши, которых так стеснялась Мицуко, рано появившаяся морщинка на лбу.

Я повел Юкки-онну в свой дом, за нами по пятам летел воющий ветер. Когда я толкнул дверь своей хижины, она вошла бесстрашно,

и ветер умолк. Долго Юкки-онна бродила по холодным комнатам, трогая Сёдзи руками, оставляя повсюду мокрые следы. Когда мы легли с ней под утро, крепко сплетясь, ее ледяное дыхание обожгло меня изнутри, и я скоро забылся крепким сном.

Проснувшись, я сразу повернул к себе лицо Юкки-онны. Предсказание ведьмы сбылось, и талисман подействовал. Снова со мной была моя Мицуко: горячая, живая. На ее шее пульсировала голубая жилка. Я рассмеялся, но смех прозвучал звуком сорвавшейся с крыши сосульки. Мицуко с улыбкой поднесла к моему лицу осколок зеркала, и я увидел, что мои волосы белее молока. Медленно подняв руку, я заметил, что она словно покрыта инеем. В остывшей комнате не было видно пара моего дыхания. Я обнял Мицуко и прижал ее к себе, но она отбросила меня от своей хрупкой фигурки с невиданной силой. Я очутился на пороге собственной хижины. Мицуко легко вытолкнула меня наружу.

— Твоя кровь очень пригодилась, Арэта. Может быть, кто-то выкупит тебя у ледяной пустоты? Но это буду не я.

ИРЭН БЛЕЙК

МУЖЧИНА В КОРИЧНЕВОМ КОСТЮМЕ

Все богатые в классе шептались и смотрели на нее, как на диво. И тут начиналось, кто на что горазд... Дылда. Бледная немощь. Тошная. Очкастая. Но больше всего Алина не любила, когда смеялись просто так, без причины. В столице раньше так было всегда на первое сентября. Вот и сейчас она ждала подобного здесь.

Переезжали они с мамой впервые — и новая школа тоже для Алины была впервые. Вот же зря понадеялась, что вдруг хоть в райцентре, подальше от столицы, у нее будет больше друзей.

Классная учительница Ангелина Павловна сразу вызвала ее к доске, чтобы Алина рассказала о себе, и сразу, точно специально, вышла за дверь.

Алина чувствовала, что краснеет. Разволновалась и забыла все, что собиралась сказать, как учила мама: «Скажи, что любишь рисовать, ходить в походы, помимо имени и фамилии, возраста и кем я работаю».

Алина сцепила руки перед собой. Вот с задних парт донеслись зловредные смешки. И неожиданно пухленькая белокурая девочка с первой парты выпалила:

— Зря ты сюда приехала!

— Почему? — переспросила Алина, и тут зашла учительница, снисходительно спрашивая: мол, познакомились?

«Какие молодцы!» — отпечаталось в искусственной улыбке.

Алине пришлось сесть на место, в первом ряду на последней парте. Рядом место пустовало. И, может, это к лучшему — подумала тогда, разглядывая кружащийся за окном ярко-желтый лист.

По дороге домой Алина не торопилась. Ну что ей делать в квартире? Разве что поесть и сразу за уроки. Никакого телевизора и фильмов. Мама работала на удаленке, закрываясь в спальне, где вместо дверей была шторка с голубым стеклярусом, который смешно шуршал и потрескивал, едва стоило задеть... Вот поэтому и шла медленно. Выдали учебники — и рюкзак за спиной был тяжелый. Воздух пах прелыми листьями и сырой водой в огромных лужах, которые местами приходилось перепрыгивать, иначе не обойти. А по проезжей части мама идти запретила.

Шнурки развязались, и Алина завернула к пустой остановке, с протекающей пластиковой крышей и единственной стеной позади. Пока завязывала, успела рассмотреть несколько объявлений о пропаже домашних животных, о пластиковых окнах в рассрочку на выгодных условиях, про скупку военных орденов и механических часов и истрепанную, едва различимую из-за сырости фотографию пропавшей девятилетней девочки. И сразу стало как-то не по себе, ведь ей тоже было девять. И тишина вокруг начала угрожающе давить, до озноба.

До дома Алина практически бежала — и, только оказавшись в подъезде, поняла, как запыхалась.

— Что случилось? — ласково спросила мама.

Алина разулась, повесила ветровку на вешалку и, намереваясь ответить, вдруг запнулась. Тоненькая, как тростинка, светловолосая мама казалась такой усталой, что жалко стало ее всякой ерундой нагружать.

— Все хорошо, — ответила Алина и направилась в ванную мыть руки.

Мама улучила минутку, и чтобы спросить за обедом, как дела в школе. Алина нашла в себе силы улыбнуться и сказать «нормально». Мама и так устала, работая на двух работах на удаленке каждый день, без выходных, чтобы потянуть кредит на их строящуюся квартиру. Они и уехали сюда, чтобы сэкономить

на жилье, когда умерла бабушка. Ее дом в деревне давно продали, чтобы хватило на первый взнос за квартиру.

— Все вкусно. Спасибо мамочка, — поцеловала мать в щеку и, крепко обняв, направилась в зал делать уроки, решив, что потом почитает книжки, взятые из библиотеки, польет герань и купленный задешево маленький кактус и, как положено, в девять вечера отправится спать.

Ночью Алине снились кошмары. Кто-то преследовал ее, идущую в темноте после уроков. Она бежала все быстрее и быстрее, затем начала кричать, а ноги отказывались двигаться. Всхлипывая, она проснулась, как всегда, за пять минут до звонка будильника. В семь тридцать. Умылась и заварила кипятком кашу быстрого приготовления, с клубничным вкусом, залила кипятком пакетированный чай и намазала булку «нутеллой». Мама еще спала. А такой завтрак и, если надо, то еще яичницу Алина могла приготовить самостоятельно.

Собираясь в школу, Алина зевала, хотя чувствовала, что выспалась. «Во всем находи положительные стороны», — вспомнились слова мамы. До школы пятнадцать минут дороги, если идти спокойным шагом, никаких ранних подъемов и автобусов, как было раньше, и можно выспаться — это тоже очевидный плюс, что и отметила девятилетняя Алина и намеренно улыбнулась. Так тоже учила мама — нарочно задавать себе настроение.

По пути в школу рядом с ней шли и другие, незнакомые дети. Разных возрастов, они разговаривали и смеялись. Алина вздохнула, на мгновение позавидовав их общей дружеской радости... Гудели машины на трассе за стадионом. Школа впереди выглядела мрачной и старой. Светло-серый блеклый кирпич, длинное угловатое здание, окна хмурые — даже вопреки зажженному внутри свету.

— Меня Яной зовут... — представилась пухлая белокурая девочка на физкультуре, та, которая сказала, что Алина зря приехала. — Ты не обижайся, я ничего такого не имела виду. Просто сказала то, что сказала. — И ушла.

Когда бегали по залу, напугал мелкий мальчишка. Кажется, звали Женей — второй, кроме нее, в классе очкарик.

— Ты потеряла? — протянул резинку для волос.

Взялась за косичку: и вправду резинка соскочила.

— Спасибо.

И отчего-то неожиданно смутилась, мальчишка слишком пристально смотрел. Глаза из-под стекол очков казались непомерно большими.

— Я Женя Медведев, — прозвучало гордо и громко, — Давай дружить.

Алина кивнула.

Классная записала в столовую на обязательный обед и на второй завтрак. Отчеканила безобъяснительное «так положено» и назвала необходимую сумму на месяц. Интересно, как воспримет это мама. Она ведь с вечера всегда делала «ссобойку»: толстый бутерброд и сок. Но в райцентре сумма выходила дешевле, и, может, мама не будет против. Тогда Алина сможет есть со всеми в столовой и ничем не выделяться.

— Где ты живешь? Сколько тебе лет? Откуда ты приехала?

Возле ее парты образовалась куча-мала, и все дети, точно сговорившись, обступили Алину с вопросами.

На удивление, вперед вышла Яна и, растолкав всех, громко призвала к тишине и порядку. Затем дружески подмигнула.

Алина рассказывала просто и односложно, все время опасаясь насмешек, но всем действительно было интересно. Так вот оно что значит — со слов мамы, захолустный райцентр.

Домой шли вместе с Женей и Яной. Яна постоянно трещала о всякой ерунде и неожиданно пригласила пойти погулять вместе.

Женька тоже оживился и поддержал, сказав Алине:

— Обязательно приходи. А то скучно сейчас в нашем дворе, и тебе совсем близко. Соседние дома...

— А во сколько?

— Так позвоним... — и свернули за угол, после остановки. Там дальше был перекресток и пара частных домов, с виду нежилых.

— Пойдите! — крикнула через минуту Алина, вспомнив, что не знает их номер телефона. Запыхавшись, быстро догнала.

Вздыхнув, Алина решительно достала старый кнопочный телефон (еще бабушкин), с замиранием сердца ожидая осуждения, насмешек... Но новые друзья достали из карманов такие же древние телефоны, с виду даже проще ее собственного, и быстро внесли в контакты цифры.

— Созвонимся! — звонко крикнул Женька и улыбнулся.

Возвращаясь на дорогу к дому, Алина слышала их задорный смех.

— Ты сегодня просто светишься, дочка. Давай, рассказывай, мне же интересно, — встретила мама с порога. В переднике, запыленном мукой. С румянцем на щеках и кругами под глазами. Кажется, мама даже похудела.

— Со мной подружались девочка и мальчик. Яна и Женя.

— Здорово! А у нас сегодня борщ и блины.

— С фирменным соусом! — втянула ноздрями воздух Алина, чувствуя запах ванили и шоколада.

— Ага. Давай, мой руки — и за стол. И не забудь, потом посуду помыть.

— Мамочка! — воскликнула Алина. — А можно мне сегодня в соседний двор погулять сходить?

— Можно, если недолго. А то я буду... волноваться, — запнулась мама.

Темнело в сентябре около семи вечера, но если ты дома в три часа, то остается еще уйма времени. Так решила Алина, доделывая упражнения по русскому на завтра. Алгебру она уже сделала и со спокойной совестью положила тетрадь в рюкзак. В пять часов запиликал телефон. Бабушка любила Аллу Пугачёву. Мелодию Алина еще не сменила.

— Приходи! — сказал Женя.

— Когда?

— Сейчас. Как раз поиграем во дворе до половины седьмого.

— Хорошо. Сейчас соберусь, — ответила Алина с радостным предвкушением.

Двор Жени и Яны находился в семи минутах от дома Алины, если идти через остановку на перекресток и дальше — там располагались две одинаковые девятиэтажки. Было всего пять вечера. Небо серое, грозящее дождем, и от порывистого на открытых участках ветра совсем не уютно. «Надо было теплый свитер надеть», — корила себя Алина.

— А вот и ты! — крикнула Яна.

— Угощайся, — протянул пакет с леденцами Женя.

Леденцы «Бон пари» Алина любила.

— Во что играть будем? — Леденцы хрустели на зубах, и оттого прозвучало неразборчиво.

На лавочке возле песочницы сидела старушка в болоньевом пальто да с натянутым на голову капюшоном. Ее жирненькая такса на поводке пару раз прогавкала и замолкла. Старушка неожиданно спросила:

— Сколько тебе лет, девонька? — уставившись на Алину в упор.

Молчание длилось и длилось. Такса загавкала снова. Старушка пожурела ее и снова выжидающе посмотрела на Алину.

— Девять, а что? — прозвучало озадаченно.

— Плохо, — с грустью ответила старушка. — Моей Полечке тоже было девять, и Катке в прошлом году, — вздохнула старушка.

— Вы это к чему? — не успела спросить Алина. Яна толкнула пухлым плечом. Женя сказал, что ей первой водить в казаки-разбойники и что все подъезды здесь без домофонов, так что открыты.

Слова старушки вертелись в мыслях, но все никак не удавалось спросить, что она имела в виду. Не успела Алина застучать на лавочке Яну, как старушка уже ушла. А дальше понеслось: Женя

оказался хоть мелким, но быстрым, догнать было трудно. Поэтому водила то она, то пухлая Яна.

— Ох! — выдохнул Женя, успевший прибежать к лавочке на пару секунд раньше Алины. — Темнеет.

— Почти семь. Расходимся, — посмотрела время в телефоне Яна.

— Пошли, Алина. Если опоздаем, то от родителей на орехи получим... — многозначительно буркнул Женя и дружески шлепнул Алину в плечо: — Весело было, да?

Она кивнула.

— Ох, совсем забыл тебя предупредить, — внезапно развернулся на перекрестке Женя. — Берегись мужчину в коричневом костюме. Говорят, что он девятилетних детей утаскивает...

— Да ты гонишь? — растерялась Алина и рассмеялась, но Женя смотрел слишком серьезно, так что ее улыбка сразу увяла.

— Местная легенда, — шикнула румяная от бега Яна и, схватив Женьку за руку, поспешила домой.

«Ерунда какая-то. Они специально так меня разыгрывают...» — вела всю дорогу до дома мысленный диалог Алина. И, как назло, вокруг ни души. Только ветер шуршит листьями. Она то ускоряла шаг, то оглядывалась, не раз поймав себя на том, что прислушивается к этой тишине, в которой несколько раз различала чьи-то шаги. Как будто легонько стучали по асфальту чьи-то каблуки, а стоило оглянуться — звук исчезал. Чтобы снова слышаться совсем близко.

... — Что случилось, милая? На тебе лица нет! — участливо спросила мама.

В квартире пахло выпечкой так вкусно, что пальчики оближешь. Знакомый запах с прежних времен, когда еще была жива бабушка — и жили все вместе, успокаивал. Свет и тепло обволакивали защитным коконом, и все тревоги и страхи исчезали, как сны поутру.

— Все хорошо, мамочка. Просто набегалась и чуток устала.

— Смотри мне, Алина, ты же знаешь, что можешь рассказывать мне все.

И мама снова вернулась к работе.

Поев, Алина сразу захотела спать. Она устроилась на тахте, служившей ей кроватью, включила настенное бра и, накрывшись одеялом, начала читать книжку. Глаза слипались, и сегодня Робинзон Крузо не увлекал, не погружал с головой в мир приключений вместе с героями на острове... Книжка вскоре упала на пол. Алина уснула. Свет в бра несколько раз мигнул и вдруг потух. Дверь балкона со скрипом открылась сама по себе. Ветер дохнул в комнату холодным ночным воздухом. Алине снился мужчина в коричневом костюме. Он шел за ней и удивительным образом догонял, хотя она давно перешла на бег. В пустых улочках от него было не скрыться. Он что-то шептал, причмокивая при этом, но Алина не слышала. Она кричала: «Помогите!» И бежала еще быстрее, но словно и не двигалась с места. Оглушительно-громко прямо за спиной цокали об асфальт каблуками блестящие коричневые туфли мужчины. А вокруг только темные дома и равнодушные безлюдные улицы, да сиплое тяжелое дыхание за спиной и приторно-сладкий, удушающий запах сладкой карамели... Алина проснулась с криком, разглядев на смазанном квадратном лице мужчины в коричневом костюме кривую, нехорошую улыбку, в которой выделялись толстые ярко-алые, словно перепачканные в крови губы.

— Дочка, зачем ты открыла балкон? Заболеть хочешь?!

Голос матери разрушил сонные чары. Но все равно было страшно.

— Сон плохой приснился? — закрыв балкон, спросила мать.

Алина кивнула. Мать села рядом, выключила свет, но вот настенное бра никак включить не удавалось... Мать всегда очень хорошо чувствовала дочь, тонко улавливая ее настроение.

— Моя ты девочка. Не бойся ничего. Я всегда буду рядом, — и крепко обняла, начав ее убаюкивать, как в детстве.

Утром на завтрак были вареники с черникой и какао. Мама не спешила уходить и с аппетитом ела вместе с Алиной.

— Так что тебе снилось, родная? — ласково поглядела на дочь, которая ела любимое блюдо, но в угоду ей, без привычного

аппетита.

— Мужчина в коричневом костюме, — ответила Алина и посмотрела с опаской. Мама смотрела так же спокойно и выжидающе, поэтому Алина решилась. — Он, наверное, приснился мне, потому что Яна и Женя вчера рассказали здешнюю легенду... По их словам, мужчина в коричневом костюме утаскивает девятилетних детей.

— Все глупости, дорогая, не обращай внимания, — искренне улыбнулась мама. — В каждом новом месте есть свои легенды. А ты в ответ расскажи им... Хм. О черном гробике на колесиках или о нищенке с красными глазами — помнишь, которой бабушка тебя запугивала, чтобы ты не разговаривала с незнакомцами, — подмигнула мама. И обе рассмеялись.

В школе, кроме классной руководительницы, все остальные учителя Алине нравились, и время уроков пролетало легко. Вот только в столовой кормили невкусно, а делать нечего: мама выделила деньги на обеды из-за кружков. С другой стороны, несоленый суп всегда можно было отдать Яне, а пересоленные котлеты за две щеки трескал тощий Женя. Алине, с детства приученной к овощам бабушкой, друзья с улыбками отдавали гарниры и салаты. Это единственное, что она могла есть, кроме компота.

— Расскажите о мужчине в коричневом костюме, — из любопытства спросила Алина на большой перемене, решив потом поугостить их нищенкой с красными глазами.

— Тсс... — Яна прижала пальцы к ее рту. — Давай отойдем к окошку... — добавила с беспокойством, оглядываясь по сторонам. — Мужчина в коричневом костюме появился здесь девять лет назад. С тех пор стали исчезать дети. Каждый год кого-то забирает. Говорят, что ищет своих детей. Некоторые и вовсе думают, что это рыскает маньяк. Но мы-то знаем, что он не маньяк. Он гораздо хуже. Взрослые его не видят. Вот Полина училась в этой школе и, перед

тем как пропала, кое-что рассказала подругам. Сначала он ей снился... Потом преследовать начал.

— А что тогда делать, если его увидишь?

Вопрос вырвался сам. Стало совсем уж не по себе, что сразу забылись все задуманные для пересказа истории. Ведь он ей тоже снился.

— Не знаю... — рассеянно ответила Яна. — Предполагают, что нельзя дать себя поймать, и рано или поздно он отстанет. На всякий случай знай, что он осенью приходит. Зимой исчезает, а весной снова появляется. — Что, испугалась? — констатировала Яна по бледному лицу Алины.

— Выдумки все! — резко ответила Алина и направилась в класс.

Стыдно стало за собственный страх и оттого неуверенность. Мама учила, что нужно отличать всякие небылицы от реальности. А вот бабушка в приметы верила. Бабушка бы точно не отнеслась скептически к «этой легенде» и обязательно что-нибудь придумала для защиты.

И до конца уроков Алина с Яной не разговаривала, даже Женю игнорировала, хоть он тут ни при чем был совсем.

Домой Алина тоже шла в одиночестве: она единственная из класса, кто, по рекомендации матери, записался на все кружки. В половине пятого из-за хмурого темного неба в городе царили густые сумерки. Ветер жадно срывал желтые листья и злобно кружил в воздухе, рассыпая их по асфальту.

Алина надела капюшон ветровки. Поежилась, жалея, что не взяла с собой зонтик: утро-то было солнечное, а сейчас тучи грозили вот-вот обрушиться дождем.

Когда школа осталась позади, стало как-то неудобно: вроде никого, а чувство — что кто-то наблюдает. Стоило остановиться, осмотреться — и мельком замечала фигуру мужчины. Коричневый, насыщенного цвета костюм ярким пятном резко выделялся на периферии зрения. И чувство такое необычное, что мужчина нарочно издевается, давая себя разглядеть. Руки Алины

от напряжения вспотели, холодный пот выступил на спине, вызывая дрожь во всем теле.

Алина ускорила шаг и, дойдя до остановки, почти бежала, надеясь, что сегодня там, в будке с боковым стеклом, заклеенным рекламным плакатом, кто-то будет. И если что, то поможет...

На лавочке остановки действительно кто-то сидел. Мыски темно-коричневых туфель выступали вперед. Лацканы брюк тоже были коричневыми. Скрипнула лавочка. Алина сделала шаг назад. Затем еще один. Все внутри оборвалось с мыслью: надо бежать! Но ноги словно одеревенели.

— Девочка, иди сюда, девочка... — ужасно глухим голосом сказал мужчина и поманил ее пальцем.

Алина смотрела на костюм, медленно, словно пробираясь сквозь патоку, подняла глаза к его лицу. Оно было пепельным и каким-то бесформенным. Такое, что отвернешься — сразу забудешь. Но толстые ярко-малиновые губы, необычайно сочного цвета, словно накрашенные помадой, влажно блестели, начиная расплываться в голодной, резкой ухмылке.

— Девочка, сладкая, девочка. Хочешь конфетку?... — повторил он, и оцепенение почти спало с Алины.

Мужчина незаметно оказался в двух шагах. Она заорала и побежала, огибая остановку. Неслась прочь изо всех сил. Насмешливо завыл ветер, вдувая в лицо ворох сухих листьев с пылью, отчего сразу заслезились глаза.

Оборачиваться было страшно до тошноты. В груди горело, в боку колото и жгло. Как назло, чесалось в носу, и невыносимо хотелось чихнуть. Вот переулочек и развилка, через яблоневый сад и стадион — и будешь дома. Все же ей нужно обернуться. Нет сил бежать дальше. Она чихнула и вынужденно остановилась. Сердце колотилось и так сильно трепетало, как трепещет пойманная в силочку птичка.

Мужчина в коричневом костюме был прямо за спиной и улыбался. Злобно, предвкушающе, как хищник, наметивший

жертву. В той улыбке Алина увидела свой приговор и от ужаса едва не описалась.

— Хватит бегать, девочка, хватит. Я голоден... — прошипел он.

До дома Алина не добегит — сил не хватит, а вот ко двору, где живут Яна и Женька, если постарается, то успеет. «Там ведь и подъезды всегда открытые!» — пришла спасительная мысль.

Глубоко вздохнув, Алина побежала. За спиной вой ветра воедино слился с раскатистым, грохочущим, как гром, мужским хохотом. И она больше не оглядывалась ни на пустые лавочки, ни на такую же пустующую облезшую, старую детскую площадку, пока не заскочила в подъезд Яны, захлопнув за собой дверь. Только тогда перевела дыхание, чувствуя, как колотится в ознобе все тело.... Ненадолго.

В дверь с обратной стороны что-то стукнуло, и она стала медленно открываться, как будто тянувший ее на себя осторожничал. Легонько потянет и снова играючи отпустит, пока дверь с тягучим неприятным скрипом не захлопнется.

Сердце Алины ёкнуло. В щели промелькнуло что-то коричневое. О нет! Она бросилась к двери и ухватила за ручку, не давая той открыться до конца, тяня на себя со всех сил и в отчаянии упершись ногами... Загудел лифт.

Дверь с обратной стороны потянули сильнее, еще сильнее!..

Алина крепче уперлась ногами. От ужаса перехватило дыхание, липкий жирный пот стекал на глаза, мешая видеть. Руки тоже вспотели, и пальцы скользили на ручке, теряя хватку. От усердия Алина застонала, чувствуя, что вот-вот у нее полностью иссякнут силы и тогда все будет кончено.

Дзинь!.. Двери лифта открылись, выпуская старушку с таксой. Сегодня она оделась теплее, чем обычно, и под мышкой зажимала пестрый зонт-трость.

— Помогите!.. — прозвучало тихо и жалко.

— Деточка, что случилось? — озадачилась старушка.

Такса громко залаяла, затем зарычала и бросилась к двери.

Внезапно с обратной стороны дверь отпустили.

— Девочка, сладкая девочка...

В едва слышном шипении слышалось сожаление, холодное и гадкое, как корка темного льда в грязной луже.

Алина села на пол и разрыдалась. Старушка квохтала вокруг нее, точно курица-наседка, достав из сумки мятные конфеты и настойчиво предлагая угоститься. Зазвонил телефон. То была обеспокоенная долгим отсутствием дочери мама. Она задавала слишком много вопросов, на которые отвечать у Алины не было ни сил, ни желания.

— Мамочка, приди за мной, пожалуйста, — попросила Алина, сказав, где находится.

— Не волнуйся, я побуду с тобой до прихода мамы, — пообещала старушка.

Так и сидели в подъезде. В квартиру старушки Алина идти отказалась, как и что-то говорить. Такса твякнула и, настойчиво тыкаясь носом в руку девочки, напрашивалась на ласку. Алина гладила ее по голове и молчала, пока не пришла запыхавшаяся мама.

— Мамочка! — воскликнула Алина и снова погрузилась в себя.

— Вы не волнуйтесь, с девочкой все нормально, — отвечала на благодарные реплики мамы старушка, в замешательстве не зная, что еще рассказать, кроме виденного. — Я, пожалуй, пойду. Собаку выгулять надо. Ко мне, Родион, ко мне.

— Ах, еще! — развернулась на лестнице старушка. — Все же скажу! Берегите свою дочку, как следует. Я-то свою Полю не уберегла.

Предостерегла и ушла.

Мама взяла Алину за руку, вытерла ее слезы бумажным платочком, пробормотала что-то ласковое и повела домой, сказав то ли себе, то ли Алине, что дома они во всем разберутся.

— Я пойду к участковому в любом случае, так и знай, родная. И если это чей-то треклятый розыгрыш... Они пожалеют, что с нами

связались. Съешь хоть кусочек, дочка. Ты же любишь запеканку. Я так старалась.

— Мамочка, не хочу, — ответила Алина и сделала еще один глоток чаю.

— Давай я наполню ванну, хорошо? А потом спать — и никаких уроков.

Мама потрогала ее лоб, опасаясь температуры.

Пена пахла клубникой — и ее было так много, что Алина, как и раньше, представляла, что находится на Антарктиде, а рядом веселое семейство пингвинов, и временно все забылось.

— Вот и умничка.

Мама потеряла спинку Алине, затем включила душ и сполоснула ей волосы. Вытерев дочку полотенцем, она взяла ее на руки и бережно отнесла в гостиную, где уложила на тахту.

— Не выключай свет, мамочка, пожалуйста... — В глазах Алины мелькнул панический страх.

— Конечно. — Поцеловала дочку в лоб и вышла, оставив свет включенным.

...Чтобы оплачивать счета, мама Алины работала на удаленке, вела бухгалтерию нескольких магазинов и еще занималась рекламой косметики в соцсетях. Каждый день она засиживалась допоздна, стараясь выложиться полностью, чтобы потом ни в чем не упрекать себя. Девять лет назад, когда, узнав о ее беременности, отец Алины их бросил; а она поклялась, что сделает все, чтобы дочь ни в чем не нуждалась — и у них будет свое жилье. Справятся — решила она тогда, когда была еще жива бабушка. Ох, бабушка...

Задумавшись, она глянула на часы на мониторе ноутбука: три утра. Бабушка говорила, что в это время правят бал злые силы... Мигнула настольная лампа. Раз, другой, и погасла. Холодок пробежал по позвоночнику мамы Алины. И тут она услышала хриплый, полный ужаса крик дочери из гостиной.

Света в гостиной тоже не было, а ведь женщина точно помнила, что оставляла бра включенным. И как-то даже похолодало...

Неужели окно открыто?

— Алина, солнышко? — тихонько позвала дочь.

— Мамочка, я здесь...

Алина сидела на полу, возле шкафа.

Свет включился так же внезапно, как и погас. Обнимая дрожащую дочку, мама Алина обдумывала ситуацию. Что-то во всем происходящем было не так. И если бы она, как бабушка, была хоть чуточку суеверной, то сразу бы заподозрила происки чертовщины.

Алина попросила серебряный крестик, который подарила бабушка, когда ее крестили. Увы, перерыв весь шкаф, мама так и не смогла его найти. Зато нашла бабушкины четки — скорее, они сами под руку попались: лежали на полке возле их совместной фотографии.

Алина вцепилась в них так крепко, что пальчики побелели, и неожиданно сказала:

— Мамочка, давай прочитаем молитву, как бабушка учила.

Честно признаться, мама Алины ни одной молитвы не помнила. Пришлось повторять за дочкой. А напоследок мама, когда действительно стало чуть полегче, а в комнате потеплело, предложила Алине старое проверенное средство, тоже от бабушки:

— Куда ночь, туда и сон, а лучше к окошку подойти...

Алина замотала головой и полезла на тахту, зевая, с четками в руках. Мама же пошла на кухню пить чай с ромашкой. Всегда так делала, когда не спалось. Она пила и думала, что завтра первым делом сходит к участковому, ситуацию нужно прояснить.

... — Если хочешь, милая, то сегодня можешь в школу не идти. Я классной позвоню, — утром предложила она.

— Нет, я пойду. Дома сидеть — тоскливо.

— Тогда будь осторожна и если что, то сразу мне звони! — воскликнула мама, недоумевая, почему дочка сразу так не поступила.

Но упрекать всегда послушную Алину не хотелось. Она того не заслужила... Дочка ушла. Мама мыла посуду, поддерживая себя

мыслью, что они с дочкой со всем справятся вместе, как всегда.

...Участковый оказался нервным и очень усталым мужчиной, лет сорока пяти, с тонкими усиками и проблесками лысины у висков.

— Что вы хотели, женщина? Давайте быстрее, — поторопил он ее, вертя между пальцами шариковую ручку. На идеально чистом столе стояла табличка «Жуков В. М.».

Она изложила проблему, на что получила ответ:

— Действительно, ходят у нас подобные слухи, возникшие из-за пропажи двух девочек. Но то сарафанное радио... Бабушкам-пенсионеркам не о чем больше болтать в этой глуши, как только придумывать невесть что. К слову, о пропажах. Ведется расследование, и есть кое-какие предположения. Конечно, я не уполномочен раскрывать детали, но уверяю, что ни о каком мужчине... — он фыркнул, — в коричневом костюме не может идти и речи, — следователь заговорщицки понизил голос: — Одно скажу, что пропавшие из неблагополучных семей...

— Это даже не оправдание, — не сумела сдержать себя мама Алины.

Следователь изменился в лице, кашлянул, намеренно посмотрел на настенные часы и заговорил совсем другим тоном.

— Ничем не могу вам помочь. Детские фантазии, как и страхи, решаются совсем в другом заведении. Могу порекомендовать школьного психолога.

— До свидания, — резко попрощалась женщина и вышла за дверь.

Настроение было испорчено, время потрачено зря. Она вернулась домой и, заставляя себя, вернулась к работе. И даже выпила валерьянки, чего не делала уже давно. Успокоиться не удалось, и тревожные мысли одолевали ее до самого обеда. Пришлось взять перерыв и заняться готовкой.

Алине весь день было тревожно, и, вопреки теплой погоде, знобило. Только заболеть еще не хватало. Обедать она не стала, кусок в горло не лез, а Женька неожиданно отдал ей свое яблоко.

— Спасибо, — ответила Алина и впервые за день улыбнулась.

Женя робко спросил, чего она такая кислая. Может, расхотела дружить? Алина покачала головой: мол, не в этом дело. И, пока решала, рассказать ли ему о случившемся, Женя уже ушел дежурить по столовой. Плохо, что Яна вела себя как обычно: трещала без умолку о всяких телевизионных и звездных глупостях. Словно совсем ничего не замечала: ни молчания Алины, ни тревожной усталости на ее разом запавшем лице.

Мама позвонила сама, когда закончились уроки. Вот только еще оставались кружки по русскому языку и биологии...

— Может, ну их в баню? Иди домой, дочка, хорошо?

Алина замялась. Сегодня было солнечно, и после четырех часов еще будет светло. На кружок ей хотелось, потому что учителя попались хорошие и занимались бесплатно, в отличие от столицы.

— Не-а, мама, я хочу сходить.

— Точно? — участливо переспросила мама.

— Ага.

— Я все же тебя заберу.

— Не надо.

Алина замотала головой. Стыдно же такое... Что там — пятнадцать минут до дома идти? Она ведь решила пойти возле шоссе, по узкому тротуару. Машины, хоть и редкие в райцентре, сейчас вызвали у нее чувство безопасности.

— Уверена? — все же переспросила мама и вдруг напомнила про бабушкины четки, взяла ли их с собой Алина. Вот точно переживает, раз такое спрашивает.

— Взяла, не беспокойся, мамуля. Я позвоню, если что...

На кружках учителя Алину хвалили — и было за что. Из всех пришедших она безошибочно прошла тестовые задания. На что она заявляла, что хочет врачом стать, поэтому и старается изо всех сил, и от смущения разулыбалась: приятно ведь, когда хвалят заслуженно. А в столице учителя всегда скупались на похвалу к детям из бедных семей.

Стоило покинуть школу, как стало ветрено. С запада стремительно наплывали фиолетово-черные тучи. Неужели гроза будет? Сердце сжалось. Закралась мысль позвонить маме, но Алина отогнала ее прочь. На шоссе за забором проезжали легковушки. Ну, что она ведет себя как маленькая? Рука крепче сжала в кармане четки. Алина глубоко вдохнула и направилась к калитке в заборе, намереваясь выйти на шоссе.

Ветер был колючий и злой, швырял в лицо листья и сор, точно нарочно. Она прошла уже полпути — вон, впереди уже виднеется остановка.

«Девочка, стой...» — слышалось в шепоте ветра. Алина замерла на месте, прикусила губу и обернулась. Мужчина в коричневом костюме улыбался, и от той улыбки масло бы во рту замерзло.

Она различила желтые, острые, мелкие и кривые зубы. Их было слишком много. Алина вскрикнула, когда губы на его лице растаяли, а зубы стали расти. Лицо совсем расплылось, превратившись в желто-серое пятно, на котором остался только разросшийся неимоверно зубастый рот.

Она снова закричала, выбегая на проезжую часть:

— Помогите!

Как назло — ни одной машины.

— Куда убегаешь, сладкая девочка... — ухватил за плечо, разворачивая к себе.

Крик превратился в бульканье. Ноги онемели. Она не могла смотреть на его лицо, поэтому закрыла глаза. От паники лихорадило, совсем не получалось собраться с мыслями и вспомнить слова молитвы... Хихиканье вырывалось из его глотки вместе с голодным рыком, точно он слюной давился.

Ее пальцы нащупали в кармане ветровки четки, крепко сжались, а в мыслях осталось только: «Бабушка, помоги». Успела выхватить четки, когда слюна уже капнула на плечо ветровки, ткань зашипела, истаивая...

— Божечки!

Звуки ворвались пиликаньем потрепанного вида «ауди», визгом шин и разъяренным криком водителя, открывшего окошко машины:

— Сдурела, малая?! Убиться решила?!

— Извините! — онемевшими губами выдавила из себя Алина. Горячие слезы прыснули из глаз. Ее заколотило.

— Алина! — запыхавшись от бега, крикнула мама.

— Научите свою дочку правилам дорожного движения! — уже мягче отозвался водитель — и, закрыв окно, уехал.

Мама крепко взяла Алину за руку, увела от проезжей части. Ее румяное лицо покрывал пот. Губы были стиснуты.

— Дома поговорим, Алина! — в тоне было все: и радость, и облегчение, смешанное пополам с гневом.

... — Мамочка, ты мне веришь?! — воскликнула заплаканная Алина, во все глаза уставившаяся на мать, когда все подробно рассказала.

— Верю, милая, верю...

Она действительно верила, потому что дочка еще никогда не врала. К тому же броситься под машину, да еще выйти на шоссе! Ее Алина ни за что бы так не сделала. Боялась до ужаса. Видела, увы, несколько раз, как пешеходов сбивали на дороге лихие водители... Как же хорошо, что она решила Алину встретить.

— Мамочка, наверное, мне бабушкины четки сегодня помогли... — И добавила: — Можно, я спать сегодня не пойду, побуду с тобой в кабинете? Этот дяденька в коричневом костюме, как засну, снова во сне придет... Точно.

— Хорошо, милая, посидишь со мной, порисуешь. Я тебе своего кофе «вредного» заварю или чая крепкого. А пока допивай скорее какао, пока не остыло, и сырники доедай. Холодные — потом невкусные будут.

Алина успокоилась: в маму она больше всего на свете верила. Так еще бабушка говорила, что мама ее золотая и такая хорошая — одна-единственная на целом свете.

— Мамочка, обними меня, пожалуйста, крепко-крепко.

— Хорошо, зайка, — и обняла.

К двум часам ночи Алина задремала и чуть не свалилась со стула, но мама вовремя ее поймала. Занесла в гостиную и уложила. Свет не выключала и решила, что через полчаса работы и сама ляжет. За этот сумасшедший день она так изнервничалась и устала...

Как задремала возле ноутбука — не помнила. Только проснулась от сдавливающего сердце ужаса. «Алина?!»

— Алина... — вышло хрипло и едва слышно. В квартире темно и тихо.

— Не открою. Нет. Уходи, — со стоном пришептывала Алина у входной двери. Кто-то тихонько постукивал с обратной стороны.

— Алина, дочка... — прошептала мама, раз за разом щелкая выключателем.

Свет загорелся и тут же потух. Сердце мамы Алины оледенело.

«Вызвать полицию. Немедленно».

Она обняла дочь и увела ее от двери. Удивительно, но в гостиной свет включился. Алина стояла с закрытыми глазами, бледная, взлохмаченная.

Нельзя будить — вспомнила женщина, что где-то читала про лунатиков. Схватила четки, лежащие возле кровати, — сразу полегчало. «Так звонить в полицию или нет? И что я скажу? Что кто-то стучал? Засмеют и не приедут».

Прислушалась: кажется, стучать перестали. И хорошо. Они с Алиной посидят до утра в гостиной при свете, а потом соберут вещи и уедут куда подальше. Отложенных на непредвиденный случай денег хватит на первое время, а там она возьмет на себя работу с еще парочкой магазинов. Ничего, они справятся. Может, просто в райцентре для них оказалось неподходящее место? Вздохнула и прикрыла глаза.

За окошком заскреблось. Раз-другой, как острым когтем по стеклу. Занервничала — и не удалось списать все на ветку дерева.

Ведь под окном кусты, а живут на втором этаже. «Нет, нет, не выманишь», — повторяла как молитву про себя мама Алины и сидела, все крепче сжимая четки в руке, не чувствуя ни боли, ни того, как в гостиной похолодало. Усталость взяла свое, она задремала.

... — Не отдам! — вскрикнула женщина и проснулась.

— Мамочка, что случилось? — протирала глаза и зевала Алина.

— Давай, дочка, вставай и собирай вещи. Мы уезжаем.

— Совсем?

— Да.

— И хорошо, наверное, — отозвалась дочка.

Собиралась она, как и мама, быстро.

Такси здесь надо было ждать целый час. Быстрее было ехать автобусом или маршруткой до автовокзала. Алина — с рюкзаком за спиной и маленькой спортивной сумкой, ее мама — с небольшим чемоданом на колесах, старым, практичным, направлялись на дальнюю остановку, ближе к площади. А то мало ли... В семь утра вокруг попадались лишь редкие собачники да единственный пожилой мужчина, бегун в красной шапочке.

— Мамочка, вон он?! — испуганно крикнула Алина и начала пятиться.

Мама достала четки и телефон, собираясь звонить в полицию.

— Где? — стала озираться вокруг в тающих ветреных утренних сумерках.

Шуршали листья. Тишина. И вдруг услышала шаги впереди, крадущиеся, медленные.

— Кто здесь?

Увы, прозвучало совсем не грозно, а растерянно.

Алина подошла вплотную и крепко взяла за руку. Так, телефон или четки? И сердцем мама выбрала четки. Вспомнилась бабушка и ее простая молитва.

Шипящий смешок раздался очень близко и тут же слился с шорохом листьев. Стало жутко.

— Повторяй за мной, милая.

— Ангел-хранитель небесный. Защити! Помоги!

Шаги притихли и вдруг исчезли. Только ветер резко, зло ударил в лицо, как в отместку, срывая капюшоны и путая волосы. Запахло прелыми листьями, удушающе сладко карамелью и неприятно гнилью.

Выдохнули. Прошли несколько метров. Резко похолодало, да так, что даже дышать стало больно. Вонь усилилась, сгустившись в нечто совершенно омерзительное: запах трупного разложения.

Алина закашлялась и вдруг завопила:

— Mamочка, помоги! Он схватил меня!

Снова резкий сильный порыв ветра — и Алину потащило куда-то в сторону.

Сердце в груди мамы Алины обмерло. Всего на мгновение, но она увидела мужчину в коричневом костюме. Сочный цвет, вельветовая ткань, начищенные до блеска туфли. Как нарочно, притягивал глаз, давая хорошо рассмотреть себя... И размытое зубастое лицо, какое-то невероятно раздутое, как от распирающих изнутри газов под слоем желтушного воска. Секунды паники душили, она задыхалась. Вдох-выдох. Пальцы сами отпустили ручку чемодана.

— Ты не получишь ее, урод!

Женщина с криком бросилась вдогонку, скручивая четки в кулаке. Догоняя и занося руку для удара, целясь прямо в его зубастое лицо. А бить мама Алины умела хорошо, крепко. Во время учебы ходила на курсы самообороны.

Раз, другой, третий!.. Прямо по этим мелким, острым выпирающим из практически безгубого рта-пасти зубам да в челюсть. Он, казалось, опешил. Затем стал блекнуть. И стал совсем нестрашным. Таким кого можно победить?..

Несколько выбитых зубов, сочащихся гнойным, тягучим, сопливному белесым, упали на асфальт и исчезли, как холод

и отвратительный запах. Женщина вырвала дочку из его рук и прижала к своей груди.

— Я тебя не боюсь! Так и знай! Убирайся прочь от моей Алины! — крикнула с материнской яростью дракона.

Лицо мужчины в коричневом костюме исчезло первым. Затем замельтешил, изойдя серо-белым, как помехи в телевизоре, яркий костюм и туфли. Влажно хлюпнул весь силуэт и осел грязно-коричневой лужей на асфальт. Затем вспучился темным пузырем и с хлопком и треском взорвался. Запахло чем-то отвратительным, как с помойки, но уже совсем слабо.

Облегчение накрыло их обеих, как глоток счастья. Алину колотило, она захныкала, как бывало, совсем крохой; а у мамы зуб на зуб не попадал от шока да руки тряслись, но все равно дочку обняла и прижала к себе крепко-крепко. Сердце у обеих в груди бухало и стучало бешено еще минут тридцать, пока стояли на пустой дороге, а мимо ехали автобусы и редкие машины.

— Мы его прогнали? Насовсем, правда, мама? — с надеждой спросила Алина.

— Угу, — выдавила из себя, тоже уверенная в этом мама, шмыгнув носом. По щекам от пережитого волнения текли слезы, в носу хлюпало, как при простуде. — Это все четки бабушки, дорогая, — добавила мама, приглаживая пальцами растрепанные ветром волосы Алины. Затем присела, чтобы поднять за ручку чемодан.

— Нет, это все ты, мамочка! Ты у меня такая смелая! Я так сильно люблю тебя. И знаешь что, мама, я больше ничего не боюсь: ни этого мужчины в коричневом костюме, ни чего-то еще, когда ты рядом! Давай не будем уезжать, ну пожалуйста-пожалуйста? — на выдохе попросила Алина, заглядывая матери в глаза.

Мама улыбнулась в ответ и вдруг засмеялась. Алина тоже захихикала, ведь смех матери оказался таким заразительным. Еще какое-то время они так и стояли, сгибаясь от смеха и держась за руки, на зависть недоумевающим прохожим, спешащим по своим делам ну с очень серьезным выражением на лицах.

Наконец устав смеяться, переводя дух, мама с дочкой переглянулись и пошли обратно, домой.

ОЛЬГА ТАИР

ПРЕКРАСНАЯ БЕЛАЯ ДУША

Адель ждала Марка к ночи. Томный день подходил к концу. Адель перебирала свои вещи в чемодане, чтобы выбрать наряд для ужина в ресторане. Сегодня ей хотелось нарядиться в платье синего цвета из струящейся ткани, с открытой спиной. Светлая кожа молодой женщины и ее пшеничного цвета волосы должны были красиво сиять на фоне шелковистой ткани платья.

Отпуск молодоженов в Аргентине только начался, а муж Адель уходил в неизвестном направлении почти каждый день. Это вызывало досаду. Девушке что, со стенами номера разговаривать?

Адель слонялась из угла в угол богато обставленного двухкомнатного номера, смотрела телевизор — передачи с французскими субтитрами. Ничего интересного по телевизору не показывали. Увлекательней было смотреть в окно. Уличная жизнь Буэнос-Айреса начиналась с рассветом и не утихала до самой ночи. Фешенебельную улицу, на которой располагалась гостиница, Адель изучила до мельчайших подробностей! Все особняки, здания посольств, отели...

Напротив окон номера каждый день появлялась неумытая девчонка с распущенными волосами черного цвета, в цветастом платье, одном и том же. Было видно, что она из очень бедной семьи, возможно, многодетной. Девчонка усаживалась на крохотную деревянную скамеечку, на самом солнцепеке, и ждала уличных прохожих, чтобы почистить им обувь.

Адель любила своего мужа и ей так хотелось ему доверять! Медовые месяцы молодой пары были в самом разгаре. Адель

нравилось смотреть на Марка, заботиться о нем, чувствовать всю силу его любви. Ни о чем плохом она и не помышляла! Как можно не доверять близкому, любимому человеку?

Дверь гостиничного номера открылась. Вошел Марк.

В сумрачном свете прихожей Адель не сразу заметила спутницу мужа.

Когда Марк и гостя прошли во вторую комнату, гораздо лучше освещенную, Адель поняла, что муж привел к ним в номер босоногую девчонку с улицы, ту самую, что чистила прохожим туфли!

Сюрприз был неприятным.

Адель очень хотелось поесть поскорее и лечь отдыхать, т.к. дневной зной оказался очень утомительным. А тут придется еще вести беседы с нищенкой.

Кого обрадует такая перспектива?

Адель поздоровалась с непрошеной гостьей и обратилась к мужу.

— Марк, что это значит?

— Дорогая, не волнуйся. Я нашел эту девочку на улице. Она очень голодна...

— Но мы не должны заботиться о жителях этого города.

— Да. Я подумал, что нам не помешает помощница по хозяйству. Ей не придется много платить, а работать она сможет за четверых!

— Почему ты так думаешь? А вдруг она лентяйка?

— Мы поговорили с девочкой. Она немного понимает французский язык и может на нем изъясняться.

— Ну и что? Мало ли какие фантазии живут в ее голове! Мы ее совсем не знаем, а ты предлагаешь пустить уличную девчонку в наш дом!

— Адель, ты устаешь на работе. Мне тебя жалко.

— Как хочешь, дорогой, но я против этой девицы. Она мне не нравится!

— Посмотри, какая она безобидная. Завтра мы вылетаем домой и берем ее с собой.

— За что мне такое наказание?!

— Вот увидишь, милая, ты будешь скоро очень рада такой прислуге...

Перелет в Париж показался Адели мучительным. Она представляла, как несуразная нищенка бродит по ее родному дому, как она касается посуды, моет полы. Да умеет ли вообще эта незнакомка работать? Адель искоса посматривала на девчонку, которая сидела в соседнем ряду. Незнакомка безмятежно спала, а в уголках ее рта скопилась прозрачная слюна. Волосы девчонки были засаленными, давно немытыми.

На руки в ссадинах было страшно смотреть. Платье на будущей прислуге было все то же, в котором она работала на улице. «Придется ей отвести целую отдельную комнату, без этого не обойтись» — размышляла Адель.

Марк, напротив, был вдохновлен присутствием девочки. Он мечтательно улыбался, искоса посматривая на «приобретение». Было невозможно понять, чему он радуется? Неужели забота о жене оказалась для него так важна, что мужчина был неспособен посмотреть правде в глаза: нищенка принесет с собой массу хлопот, ее даже воспитывать придется!

Оказавшись дома, Адель постаралась отвлечься от мрачных размышлений. Ей надо было готовиться к выступлению на собрании женского клуба в Лионе. Требовалось продумать речь, собрать чемодан, купить билеты на самолет. Эти хлопоты помогли Адель вернуться в хорошее расположение духа. Она начала мечтать о встрече с подругами, о праздничном обеде в их честь. Возможно, полноценного обеда хозяевами клуба не запланировано, но чай с плюшками, с апельсиновым конфитюром будет обязательно. Так уж у них заведено.

Адель зашла в комнату к мужу. Сразу же следом за ней к Марку вошла новая прислуга. Она несла чашку чая на подносе; ногти

девчонки «украшали» черные скопления грязи.

— Как ты можешь брать из ее рук чай? — возмутилась Адель.

— Дорогая, все хорошо. У меня иммунитет к уличной пыли.

— Она так и будет ходить по нашему дому в своем грязном платье? — спросила Адель.

— Завтра купим ей форменное платье в магазине. Пусть оно будет незаметного серого цвета.

— Ну вот, еще и одевать ее придется, — вздохнула хозяйка дома. — Дорогой, завтра я улетаю повидаться со своими подругами. Иду собирать чемодан.

— Ты надолго улетаешь?

— Мне бы не хотелось обсуждать наши дела при ней. — Адель выразительно посмотрела на мужа.

— Хорошо, я все понял. Летиция, спасибо за чай! — Марк поставил пустую чашку на поднос. Прислуга ушла. Вероятно, она отправилась на кухню, чтобы помыть посуду.

— Адель, я так по тебе соскучился! Не хочу, чтобы ты улетаала на целых два дня!

— Милый, время пролетит быстро! Ты не заметишь, как я вернусь!

Марк обнял жену, увлек ее в сторону дивана. Молодым не терпелось поцеловаться и заняться любовью. Уютная спальня молодоженов располагала к близости.

Утром следующего дня, когда Марк проснулся, Адель была уже далеко.

В комнату вошла Летиция. На этот раз она была одета гораздо аккуратнее. Марк присмотрелся и понял, что прислуга натянула на свои тощие бедра голубую юбку его жены! Это ему очень не понравилось!

— Как ты посмела рыться в вещах Адель? Ты почему нарядилась в ее одежду?!

Возмущению Марка не было предела. Он готов был сорвать с прислуги одежду, но ему очень не хотелось увидеть ее в белье.

Поэтому Марк сдержался.

— Я мечтала вам понравиться. — простодушно заявила девчонка. Ее руки судорожно сжимали поднос для посуды, на котором пока ничего не было.

— Вам принести чай или кофе? — спросила у хозяина Летиция.

— Мне ничего не надо от тебя, я сам возьму! Иди лучше подмети двор. Ты что не заметила, что нападало много листьев с каштанов?!

— Хорошо, мсье. Иду выполнять ваше приказание.

— И переоденься! Мне неприятно видеть тебя в одежде моей жены! — крикнул ей Марк вдогонку.

Девчонка забежала в свою комнату, пробыла там не более двух минут и, уже в своем старом линялом платье, отправилась во двор.

Марк воспользовался ее отсутствием, чтобы обыскать всю комнату, отведенную прислуге. Он вошел в комнату Летиции, сдерживая отвращение. Ему еще не приходилось обыскивать чужие помещения! Из-под кровати торчал уголок знакомого Марку чемодана.

— А вот и чемодан Адель!

Это был тот самый чемодан, с которым его жена собиралась лететь в гости к своим подругам! Марк открыл чемодан. Он увидел там смятую одежду жены, а на самом верху лежал бюстгалтер от комплекта кружевного белья, который он подарил Адель в начале лета, перед самым отпуском. Ошеломленный Марк захлопнул чемодан и пошел на кухню, чтобы выпить свой утренний кофе.

Он не знал, что подумать! Неужели придется обращаться в полицию? Но разве сможет Адель обходиться вдали от дома совсем без вещей. «Да жива ли она?!» — с ужасом подумал Марк.

После кофе ему страшно захотелось спать. Он решил позвонить в полицию немедленно, но едва смог дойти до кровати. Мужчина повалился на кровать, как сноп. Глаза его закрылись. Он дышал тяжело и жарко. Голова Марка не попала на подушку. Он валялся в постели в одежде, как бродяга. Его полосатая рубашка

распахнулась на груди. Были видны густые черные волосы, кучерявые и блестящие.

Погода быстро портилась. Небо затянулось мрачными тучами. Собирался дождь.

В спальню молодой четы заглянула Летиция. Она с радостью отметила, что хозяин крепко спит. Девчонка побежала в свою комнату и принесла оттуда мотки с разноцветной пряжей. Ей легко было найти гвозди и молоток в мастерской Марка. Обычно она не запиралась на ключ.

Прислуга начала быстро вбивать гвозди в деревянные панели спальни хозяев. Когда около двадцати гвоздей было забито, Летиция натянула между гвоздями нитки, сплетая что-то вроде цветной паутины по всей комнате.

Через открытое окно в спальню молодоженов влетела большая белая бабочка, свежая и быстрая. Она сделала круг вдоль стен комнаты, старательно облетая натянутые нити, и уселась на подушку недалеко от головы Марка. Бабочка шевелила усиками, перебирала лапками и медленно двигалась по подушке все ближе и ближе к спящему тяжелым сном мужчине. Казалось, что это сама любовь влетела в спальню Марка и Адель, чтобы восхититься красотой отношений молодой супружеской четы! Чтобы посмотреть на сильные мускулистые руки Марка, овеять ветерком от крыльев постель молодых, посмотреть на шелковистые голубые простыни, отметить основательность всей обстановки комнаты, которая сообщала о прекрасной, солнечной весне жизни хозяев дома!

В спальню вошла Летиция. В ее руках можно было заметить мотки железной проволоки. Эту свою дьявольскую находку Летиция тоже стала натягивать по всей комнате. Один конец проволоки девчонка положила на подушку, рядом с белой сияющей бабочкой и совсем недалеко от головы Марка. Второй конец витой проволоки Летиция разделила на две части и воткнула в розетку, придерживая проволоку плоскостями губцами.

Прислуга вышла из комнаты, убедившись, что Марк крепко спит, заблокировала дверь массивным деревянным стулом.

— Спи-ии-те, голубки-ии... — тихо просипела Летиция. Она смотрела на дверь, удовлетворенно хихикала и потирала смуглые руки. — Шшщ... спи-ии-те, сладко спи-ии-те, теперь мо-оож-но, разреша-аа-ю! А я прослежу-уу, чтобы никто не помеша-аал вам поцеловаться. Шшш... в последний раз!

ЮЛИАНА ЕЛЕНИНА

БЕЛОСНЕЖКА

Белоснежка бежала по лесу, не разбирая дороги. Острые ветви впивались ей в голые руки, еловые иглы кололи нежную кожу до крови. Нарядные туфли девушка скинула еще в начале пути, потому ступни ее давно превратились в кровавое месиво. Длинная, пышная юбка постоянно путала ноги, и Белоснежка не раз уже успела упасть, от чего ладони тоже были рассечены и саднили от сухой земли, забившейся в ранки.

Погоня шла по пятам, не давая даже передохнуть, сердце колотилось в ушах, кровь булькала в горле, мешая вдоволь надышаться. Нещадно кололо в груди. И лишь истинный, первородный страх гнал девушку вперед, помогая не завалиться. Лес становился все непролазней, темные ели стояли практически сплошной стеной, сцепив между собой колючие лапы. Белоснежка почти ощущала смрадное дыхание догоняющих ее тварей:

Это ж надо было, так ошибиться с домом! Лучше б осталась жить с приставучей мачехой, хотя бы, была б жива. Возможно, не очень здорова, но точно жива.

Легкие жгло огнем так, что вдыхаемый воздух со свистом вырывался обратно. Вдруг, на полном ходу, толстенная веревка, обвила шею и, не давая вдохнуть, потащила Белоснежку в обратном направлении. Тщетно пытаюсь ухватиться руками за ветки, девушка падала назад, а спустя мгновение, со всей силы ударилась спиной о корни деревьев. Что-то предательски хрустнуло, вызывая приступ дикой боли, обе ноги повисли безжизненными плетями.

Напротив лица возникла бородатая физиономия гнома. Обдавая самогонным перегаром, карлик просипел:

— Сбежать хотела, птичка? Ты нам еще нужна! — а после крикнул куда-то за спину — Док, мы ее поймали!

— Отлично, Ворчун! Тащи скорей в хижину.

Гномье жилище издали напоминало полуразвалившуюся землянку. Жуткая грязь и отвратительный запах вызывали постоянные приступы сильной тошноты. Вдоль стен висели освеженные тушки зайцев и белок, все еще сочащиеся кровью. Вокруг них роились стаи мух. Связанная по рукам и ногам Белоснежка не переставала молила о пощаде.

— Ну-ну, милочка, не стоит так орать, — убаюкивающе произнес гном по имени Простак. — Ты станешь подарочком для нашего Хозяина, мало кому выпадает такая честь. — карлик широко улыбнулся щербатым ртом.

— Да пошли вы со своим Хозяином! — Белоснежка сплюнула на пол кровь из рассеченной губы.

— Нет-нет, дорогуша! Так не пойдет! — запричитал Простак, и ушел куда-то вглубь хижины. Покопавшись там с пару минут, гном вернулся с огромными плоскогубцами.

— Не пойдет, не пойдет... — все повторял себе под нос бородач.

Крепко схватив девушку одной рукой за нижнюю челюсть и заставив распахнуть рот, гном зажал инструментом язык и с холоднокровием хирурга резким движением острого ножа укоротил его вполтину.

Белоснежка кричала, срывая голос, пока гном прижигал обрубок раскаленным клинком...

Заброшенная шахта зияла черным провалом среди зелени леса. Из нее тащило смрадом смерти и пеплом. В центре огромного зала возвышался хрустальный алтарь. Переодев невесту в нарядное

платье и уложив на жертвенник, гномы приковали ее огромными цепями.

Спустя несколько долгих минут из глубины шахты показалось жуткое существо, окутанное клубами чистой тьмы. Принюхавшись, существо приблизилось к алтарю и зубами впилося в мычащую пустым ртом Белоснежку. Разбрызгивая алые капли крови и ошметки кожи, чудовище, смакуя, откусило огромный кусок с бедра жертвы. А после, удовлетворившись приятным подарком, подхватило скулящий огрызок и потащило в темноту старой шахты.

— Х-х-хозяин, — дрожащим голосом проблеял Док. — А как же с-с-сокровища?

Существо безразлично щелкнуло пальцами когтистой лапы и стены старой шахты засияли россыпью драгоценных камней...

СВЕТЛАНА-АСТРА РОЖКОВА

СУМЕРЕЧНАЯ ЗОНА ИЛИ ОБРАТНАЯ СТОРОНА ФОРГАНГА

Обратная сторона луны скрыта от глаз наблюдающих, но «ищущие тайн» открывают глаза на луну и себе, и другим. Одни заинтересованы по роду деятельности, чтобы секрет вечно оставался секретом. Но в интернете всюду ходят кадры развалин лунных «городов», брошенных космических кораблей, техники. Марс изобилует снимками пирамид, на снимках проступают и скелеты людей, и неведомые прежде миру зверьки попадают в кадр, или это только человеческое воображение дорисовывает случайные световые блики и тени, будящие воображение, фантазию, страхи, людские чаяния и надежды.

Что же вам стало мало места на земле, и вы вторгаетесь все настойчивее в области неведомые. Люди, люди, при всей занятости, быстротечности, жизни, вы успеваете делать то, что и вовсе не надо бы — не приносит славы и денег, не дает изобилия и процветания, не кормит, не поит, но отнимает минуты, часы, дни, месяцы и даже годы жизни в удивление сторонним, быть может, наблюдателям, хотя бы огромному глазу в небе, попавшему в кадры киносъемки, а то и целой божественной голове или гуляющему по облакам, не иначе, как самому Господу Богу.

Я Вас посеял, я вам велел плодиться и размножаться. Потом прилетели «другие», от «Момоны», и породили теорию «Золотого миллиарда». Я был цивилизатором и вас, дети Земли, назвал своими сыновьями, вы же согласились с другими, что вы рабы. И разбрелись, как тараканы в разные стороны: секты, мажоры,

субкультуры, маргиналы, банд-формирования, масоны, мормоны, наркоманы, душевные пьяницы, профсоюз проституток, гей-парады. А вы устроили цирк, да и только! Только плохой цирк!

— Пожалуйста пропустите нас! Это моя дочка. Она еще совсем ребенок!

— Деньги! Деньги!

— Но у нас ничего нет!

Внимание парней в масках отвлекает новая парочка прохожих. «Давай туда! В следующий раз без денег не пройдешь!» — шипит плечистый бандюган в лицо сухонькой немолодой женщине, и бросается за другом в ближайшую подворотню за скрывающейся парой более респектабельных прохожих. «Бежим, скорее, доча!» — мать и девочка убегают с облегчением, что сегодня горькая чаша их минула...

В автобусе едут зараженные вирусом — это живые мертвяки, потому что тела их разлагаются, как говорится живьем. Страшные язвы разъедают тело, подкожные паразиты прогрызают гниющее тело, иногда вылезая наружу кожи, ошметки которой могут просто упасть. Они носят закрывающее тело робы. Их взгляд тяжел. Они ненавидят окружающих, брезгуя живым и мертвым, и еще больше ненавидят случайно забредших в этот автобус здоровых пассажиров. Эта ненависть осязаема тяжела. Вдавливает девушку с чистой кожей в сиденье. Она боится сделать лишнее движение. Она уже поняла, что села в автобус к зараженным, но надеется доехать до нужной остановки. Кажется, они сейчас набросятся на нее всем скопом и растерзают, линчуют просто за то, что она умудрилась не заболеть. Не колоться, когда все колются. Не дышать смогом, когда все дышат. Не пить отраву — пойло, когда все пьют. Откуда она такая чистюля явилась?..

Это не китайская стена. Всего лишь цепочка мотоциклов местных гонщиков, держащих в страхе весь город. Перебраться через мост на другую сторону его невозможно без их милостивого разрешения, но такого снисхождения сегодня нет. Главарь откровенно пьян, и издевается над очередной жертвой, пожелавшей попасть по надобности на другой берег.

— Поклонись мне! Спляши! Выверни свои кармашки! Что в них? Что у тебя есть? Что в жизни главное? «Вечно молодой, вечно пьяный!» Чем откупишься?

Немолодая женщина, которой, видимо, сам черт уже не страшен, подходит к атаману: «Сынок! Почто ты людей мучаешь? Пропусти их по надобностям своим! Что тебе в жизни не хватает?»

— Э-э-э! Я тебе сейчас головешку откручу! Что, жизнь не дорога? — выступает от имени атамана его шестерка.

— Эй, оставь ее! Пусть скажет! Мать, ты стара слишком, ты не заменишь мне женщину!

— Сынок! Видишь. Ты хочешь любви. И люди хотят того же! Почто же ты не пускаешь их к родным и близким?

— А ты можешь мне сплясать? Спляши, я тогда их пропущу!

— Я спляшу. Пусть так! — и она странно закружилась, что-то напевая под нос, и танец ее был похож на принятие птичьих поз. И главарю в какой-то момент привиделась большая черная птица, танцующая медленный танец то ли жизни, то ли смерти...

Что ты поешь? Спой мне! Спой колыбельную! Слышь, пусть идут ко всем чертям. Пропустите эту стаю на тот берег. На сегодня все. Я хочу на покой! Я хочу колыбельную!

И она что-то пела, или пыталась петь, и это было похоже на заунывную песню болотной птицы с всхлипами, гортанными звуками, словно кикимора на болоте кричала, и было столько боли и досады в этих звуках, что атаман молча плакал. Водка ли лилась и щипала глаза, рассудок ли до конца помутился, но он встал

и пошел, пошел в сторону моста. А за ним пошла его банда. И неожиданно он побежал. Закричал и бросился с моста вниз.

Люди, начавшие уже переправу через мост, остановились пораженные, и смотрели на случившееся в оцепенении.

Кто-то вскрикнул.

— Ведьма! Ведьма! Это она виновата! — кричал, указывая на замолчавшую женщину, шестерка.

Кто-то ее схватил, заломив руки назад, кто-то отбил. Началась потасовка между самими бандюганами. Про нее уже забыли. Драка набирала обороты, а она шептала: «Зачем же так-то, соколики? Я же только за людей просила, чтобы пройти дали...»

На пустынном берегу моря, купальщик, оставив одежду и сумку с документами, деньгами, карточками и ключами, зашел в воду, но не успел окунуться, как заметил вора. Маленькая саперная лопатка, которую он носил с собой, чтобы прикапывать свою сумку с документами, пряча ту таким образом, лежала там же, и он бросился назад в надежде догнать похитителя. Однако вор оказался не один. К нему на помощь уже спешил бугай — подельник, который после начавшейся драки не на жизнь, а на смерть, саперной же лопаткой, как топором полоснул по сонной артерии отдыхающего, да так что прорубил тому шейные позвонки. Местные прикопали тело его неподалеку от пляжа, и поиграв головой как мячом, подкинули ее его девушке, выследив ту часом позже, подъехав на мопеде со словами: «Арбуз заказывали?» Бросили к ногам, скрылись. Голова выкатилась из пакета. Девушка ойкнула и вспомнила о предшествующей этому ссоре, и своим недобрым словом вдогонку уходящей спины...

Наблюдая с пятого этажа подъезда, из окна лестничного пролета две девушки никак не могли понять, что за вивисекторы работают

в белых маскировочных комбинезонах с противогазами на головах, откуда-то вынося все новые и новые тела людей, пропадая за углом, и вновь появляясь пустыми, но через некоторое время появляясь с новым то ли мертвым, то ли без сознания телом. Но одно тело попыталось вырваться, дернулось. По нему ударили, и человек обвис на руках «белых комбезов». Не понимая, что происходит, девушки поняли одно — пахло жареным. И подумали об утечке газа, или умышленном отравлении неким газом. И намотали на нос шарфики. Подруги стали искать пути отступления. Вдруг «белые комбезы» стали сыпать известь на тротуар так, что пройти, не наступив на нее было невозможно, отрезая пути находящимся в доме людям...

«Не громыхнуло бы!» — взвилась пронзительная мысль!.. Словно отвечая на мысль, что-то где-то взорвалось.

Стало очень страшно...

Бог наклонился над куполом, раскинувшимся над идеалистической картиной сельского пейзажа. Белый домик с садиком и огородом был под ним. Паслись две козочки. Гуляли курочки и гуси. На завалинке мылась кошка. Собака дремала на цепи в будке. Маленькая девочка бегала среди грядок, собирая с капусты в банку гусениц. Мужик пилил дерево на дрова. Баба обирала куст смородины.

«Ну, до сюда, этим циркачам не добраться! Клянусь своей бородой! Трах-тибидох — ух-тибидох — трух-тибидох!», — он вырвал волосок из бороды и порвал его.

Над миром пошел дождь. Загремел гром. Засверкали молнии. И только под куполом, спрятанным от мирового цирка, дома, сада и огорода все так же светило солнце и благоденствие разливалось в чистом воздухе, не загрязненным ни злобой небес, ни человеческими нечистотами зависти и корысти...

The book cover features a detailed illustration of a young woman with long, wavy brown hair, wearing a blue, off-the-shoulder dress with lace-up details. She is positioned behind a large, dark wooden door. A branch with pink cherry blossoms and green leaves arches over her head, with some petals falling around her. The background is a misty, dark landscape with a small, dark structure visible in the distance. The overall mood is mysterious and ethereal.

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

МЕРТВАЯ НЕДЕЛЯ

*Время, когда стираются грани
между Явью и Навью*

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

МЕРТВАЯ НЕДЕЛЯ (отрывок из книги)

Пролог

С большим домом Анна подружилась сразу. Едва только муж распахнул широкие двери, а она молодой хозяйкой вошла в просторный холл, как поняла, что им здесь будет уютно. Дом встретил тихим скрипом половиц, подмигнул заглянувшим в окно зимним солнечным зайчиком, приветственно завыл февральским ветром в печной трубе.

Анна не ошиблась. Она любила дом, отказывалась от любой прислуги, не желая, чтобы за ним ухаживал кто-то другой, а дом отвечал ей тем же. Она шила занавески на окна, а он аккуратно прикрывал ставни по утрам, чтобы солнечный свет не разбудил ее слишком рано. Она чистила камин, а он гасил огонь в печи, если она забывала открыть задвижку. Анна не боялась оставаться одна, когда мужу приходилось ночевать в городе. Знала, что дом защитит, не даст в обиду.

На самом деле она была уверена, что приглядывает за ней домовой. Пару раз даже видела его краем глаза, когда проходила ночью из одной комнаты в другую. Сережа смеялся над ее рассказами, говорил, что в нынешнее прогрессивное время уже глупо верить в эти бабьи сказки, но Анна так не считала. Бабушка ее верила, мама, и ее так научили. Тихонько оставляла домовому угощение: блюдце молока да краюху свежего хлеба. Сережа не знал, ложился раньше нее, вставал позже. А ей так было спокойнее. Вот она и говорила «дом» вместо «домовой». К этому Сережа относился с пониманием, думал, что жене просто одиноко в глуши без подруг

и родственников, поэтому и нашла для себя такой вариант «дружбы».

Домовой попался спокойный, хоть и, как вся его братия, любил иногда пошалить: то заколку спрячет, то украшения. Правда, когда Анна вежливо просила вернуть, всегда отдавал. А если не отдавал, значит, так было нужно, правильно. Значит, оберегал ее от чего-то. Как-то, собираясь на прием к одному из друзей мужа, Анна хотела надеть кольцо и сережки, подаренные им, да последние будто сквозь землю провалились. Анна и просила домового отдать, и угощения в угол ставила. Не отдал. Пришлось надеть другие серьги и изменить прическу, чтобы не бросалось в глаза, что украшения из разных комплектов. Муж уж очень хотел видеть это кольцо на ней. А на приеме пьяный хозяин споткнулся, упал на нее и порвал его. Жемчужинки покатались по полу, и собрать удалось не все. Так Анна поняла, что домовый предупреждал ее. И впредь слушалась.

Сережа часто оставался в городе, поскольку иногда важные встречи заканчивались за полночь, а Анне больше нравилось на природе. Особенно летом, когда так ярко пахнет свежей травой, жужжат пчелы, перелетая с цветка на цветок, солнце ласково гладит по плечам, весело плещется вода в пруду на заднем дворе. В город она приезжала редко, только по нужде. А уж когда забеременела долгожданным ребенком, и вовсе перестала там показываться.

Беременность проходила тяжело. Анну тошнило по утрам, днем хотелось все время лежать, зато по ночам она не могла уснуть. Что-то постоянно давило на грудь, не давало дышать. Доктор приезжал к ней два раза в неделю, Сережа старался как можно чаще бывать дома. Настаивал даже, чтобы она взяла компаньонку на время, но Анна пока не соглашалась. Ей одной нужно не так много, справится сама. А дом всегда поможет, если она что-то забудет. Пока не стало совсем худо, справится. Может быть, потом, когда родится малыш, но не сейчас.

Июнь выдался жарким. Солнце уже не гладило ласковой материнской рукой, а жгло ядом мачехи, на улицу можно было

выйти либо рано утром, либо вечером, когда оно большим красным диском закатывалось за лес, разливая по деревне темные краски. Анна почти все время сидела дома, окна при этом оставались распахнутыми настежь даже ночью, иначе она не могла спать, ей не хватало воздуха. Впрочем, засыпала она теперь на рассвете. Анна и раньше любила шить, Сережа привез в подарок швейную машинку из самой Германии, а теперь, когда до появления малыша оставалось всего несколько месяцев, почти не вставала из-за нее. Сережа заказал у лучшего мастера колыбельку, и Анна шила постельное белье, одежду маленькому, готовила детскую. У их долгожданного сына должно быть все самое лучшее.

Эта ночь была особенно душной. Нагретая за день крыша дышала жаром, не спасали даже еловые ветки, которыми мужики из деревни по просьбе Сережи укрыли ее. Анна сидела у распахнутого окна спальни на втором этаже, внимательно глядя на выбегающие из-под рук ленты и кружева, и совсем не замечала время. Только когда внизу хлопнула створка окна, подняла голову, прислушалась. В соседней комнате тихо тикали часы, больше ничего не нарушало тишину спящего дома.

Должно быть, ветер, решила Анна, хотя ветки старой яблони, настырно лезущие в окно, даже не колыхнулись. Она снова принялась за работу, но уйти в нее полностью так и не получилось. Мысли то и дело возвращались к хлопнувшему окну. Это точно не ветер. Дом сам закрыл створки? Но зачем? Дом закрывал окна, если на улице было холодно, заботился, чтобы она не замерзла, не простудилась. Но со двора удушливыми волнами катилось тепло, в такой заботе не было нужды.

Анна отложила в сторону шитье, тяжело поднялась и подошла к двери спальни, прислушалась. По-прежнему ничего не нарушало сонной тишины. Она собиралась вернуться к машинке, как вдруг снова захлопнулось окно, на этот раз другое, на кухне. Захлопнулось с силой и даже на защелку закрылось. Анна решительно вышла в коридор. Ей показалось, что внизу кто-то есть. Спрятаться бы, да

что толку? Она одна, Сережа в городе, никто не поможет. Надо быть смелее.

Осторожно прошла в соседнюю комнату, которая была Сережиным кабинетом, сняла со стены ружье. Стрелять она не умела, да и едва ли решится выстрелить в человека, если в дом забрался воришка, а вот припугнуть сможет.

Вдоль лестницы тускло горели лампы, и Анна, сжав ружье обеими руками, медленно спустилась вниз. Замерла на последней ступеньке, прислушалась. Тишина заполняла холл, но она все же вскинула ружье и громко спросила:

— Кто здесь? Немедленно убирайтесь! Я буду стрелять! У меня ружье.

Мир замер в ожидании ответа, но его не последовало.

Анна ступила вниз, также медленно, как и прежде, приблизилась к кухне, заглянула в нее. Узкий серп месяца светил в закрывшееся окно, освещая большое помещение. И там совершенно точно никого не было. Она развернулась, чтобы идти обратно, и в тот момент, когда взгляд ее в последний раз скользнул по окну, ей привиделось движение. Анна снова повернулась, надеясь, что действительно привиделось, но прямо за окном, почти прижавшись лицом к стеклу, стояла женщина. Очень странная, не похожая ни на одну жительницу деревни, Анна всех знала. У нее были длинные черные волосы, невымытыми паклями свисающие вдоль землисто-серого лица, черные глаза-бусинки и тонкие губы, приоткрывающие в зверином оскале желтоватые зубы.

Анна от страха отступила назад и направила ружье на окно, но на женщину это не произвело никакого впечатления. Она растянула губы в плотоядной ухмылке еще шире, на мгновение припала к стеклу, а потом резко двинулась в сторону, исчезнув из вида. Анна не сразу сообразила, что она побежала к распахнутым окнам гостиной, а когда поняла, бросилась туда же. Одно из окон, ближайшее на пути следования, было уже закрыто домом, зато второе звало внутрь. Была бы Анна чуть легче, двигалась бы чуть

быстрее, точно бы успела, но в ее положении она бежала слишком медленно, незнакомка успела первой. Отодвинула в сторону длинные портьеры, стремительно ворвалась в гостиную и остановилась, хищно скалясь. Анна поняла, что ей не нужны ни деньги, ни драгоценности. Она пришла за ней.

Анна прицелилась в голову незваной гостьи.

— Стой! — крикнула она, но женщина улыбнулась еще шире, будто знала, что Анна не умеет стрелять.

Секунда — и незнакомка бросилась к ней. Анна вскрикнула и побежала, уронив ружье по дороге. Выбежать бы на улицу, позвать на помощь, вдруг кто-то услышит, да дверь заперта на тяжелый засов. Пока его откроешь, догонит и более медленный преследователь, поэтому Анна поспешила к лестнице. Закроется в спальне, придвинет к двери тяжелый шифоньер, только бы сил хватило!

Ах, если бы не ее положение, она бы снова успела! Но уже на пятой ступеньке оступилась, упала на одно колено, потеряла драгоценное время, и женщина догнала ее. Ухватила за лодыжку, дернула вниз. Анна попыталась задержаться за перила, но незнакомка оказалась сильнее. Пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности и разжались. Она успела только перевернуться, чтобы съезжать вниз по ступенькам на спине. Незнакомка тянула ее за ногу, продолжая скалиться и плотоядно облизываться. Анна отбивалась, как могла, звала на помощь, но их дом стоял на отшибе, окруженный огромным двором и садом, толстые стены не пропускали звуки, среди ночи никто не мог услышать ее и прийти на помощь.

Женщина стянула ее вниз и встала над ней на четвереньки. Анну обдало могильным холодом и отвратительной вонью из широко раскрытого рта незнакомки. Несколько капель слюны упали на лицо, но она не могла отвернуться. Что-то жуткое, страшное заставляло смотреть в черные, без белков и радужной оболочки глаза. Мертвые глаза. Такие глаза не могут принадлежать живому человеку. Такой

запах не может исходить от живого человека. Даже от самого последнего бездомного, который не мылся уже несколько лет.

Глаза словно гипнотизировали, не давали больше отбиваться, кричать, пытаться спастись. Анна смотрела в них, а по телу волной проходила болезненная судорога. Одна, вторая, третья. Каждая сильнее предыдущей. Она наконец не выдержала, закричала. А незнакомке только это и надо было. Она мгновенно припала к раскрытому рту своей жертвы, и Анна задохнулась от резкой боли. Будто внутренности из нее вытягивают. Длилось это не дольше секунды, а дальше наступило блаженное беспамятство.

Глава 1

Два дня до Мертвой недели

Мирра

Одиночество никогда не доставляло Мирре неудобств. Ее не напрягала гробовая тишина в квартире, не пугало отсутствие рядом кого-то близкого, не давили на психику стены. Она не заводила постоянных романов, близких подруг, даже домашних животных. И больше всего любила моменты, когда, набрав достаточное количество материала для статьи, могла запереться дома и не выходить из него, пока текст не будет готов. Даже продукты заказывала на дом, оплачивала онлайн и просила курьера оставить пакет под дверью. В таких случаях статья писалась быстро и получалась на загляденье стройной и красивой. Главред знал эту ее особенность, поэтому единственной разрешал работать дома, хоть она и числилась в штате журнала. Если бы не редкие необходимости бывать на летучках, жизнь вообще казалась бы прекрасной.

Несмотря на молодой возраст, Мирра вела собственную колонку, писала о выставках, концертах, спектаклях, освещала культурную жизнь города. Больше всего она любила живопись и скульптуры:

величественные, одинокие, не нуждающиеся в чьем-либо обществе, как и она сама. Концерты посещала с меньшим удовольствием, поскольку там всегда много народа, хотя незнакомые люди на таких мероприятиях напрягали ее не так сильно, как коллеги и соседи. В той толпе легко быть одиноким, ни с кем не заводить разговор, не здороваться и не интересоваться делами. На концерте можно стать невидимым в толпе. Никому нет дела до того, с кем она пришла, что здесь делает и куда пойдет после. Вот бы так можно было жить всегда!

К сожалению, нельзя.

Вот и этим утром она со вздохом упаковала ноутбук, оделась и вышла из дома. Главред ждал от нее большую статью к юбилейному выпуску журнала, а такие статьи он предпочитал читать, когда исполнитель находился за дверью. В другом случае Мирра прислала бы ее по e-мейлу, и так же получила бы рецензию с указаниями ошибок и исправлений. Но нет, пришлось ехать в редакцию.

Машины у Мирры не было, ведь для того, чтобы получить права, пришлось бы откатать большое количество часов наедине с инструктором. Такси она не пользовалась по той же причине: таксисты всегда норовят поговорить, влезть в личную жизнь пассажира или рассказать свою. В тех редких случаях, когда ей надо было непременно попасть туда, куда нельзя дойти пешком, она пользовалась общественным транспортом.

Метро чем-то походило на концерт. Людей много, но никто на тебя не обращает внимания, не пытается познакомиться и что-то спросить. А если еще отгородиться от мира наушниками с громкой музыкой, то не пристают даже те, кому нужно узнать дорогу или время.

Но порой паранойя брала верх над здравым смыслом, и тогда ей казалось, что даже в толпе за ней наблюдают. Она чувствовала чужой взгляд, слышала дыхание у уха, ощущала прикосновение чьей-то руки к одежде. Сегодняшняя поездка была как раз из таких.

Мирра несколько раз незаметно выключала в кармане музыку, прислушиваясь к происходящему, мельком оглядывалась, запоминая окружающих, переходила с места на место. Приметила даже высокого седого мужчину, который шел за ней к метро, а потом ехал в одном вагоне. Он был одет не по погоде: на улице стояла редкая для июня жара, а на нем длинный черный плащ и широкополая шляпа — а потому привлекал внимание. Возможно, потому и запомнился ей, а картинку с преследованием нарисовало богатое от природы воображение.

Рабочий день в редакции был в самом разгаре. Коллеги носились по офису с чашками кофе наперевес, рассеянно кивали ей при встрече, некоторые отрывали телефон от уха и даже здоровались вслух. Вовсе не из вежливости, Мирра не обманывалась. Вслух здоровались те, кто ее недолюбливал. Кто знал, что она терпеть не может вербальный контакт, и не упускал возможности побесить ее.

О Мирре в редакции ходили разные слухи. Ее считали «блатной» и искали этот блат в самых невероятных областях, а не найдя, придумывали. Многие думали, что она родственница главреда, родственные связи с которым они тщательно скрывают. Некоторые даже называли ее его внебрачной дочерью. Мирра никогда не выставляла напоказ, но специально и не скрывала, что воспитывалась в приемной семье, а о родных родителях, как и вообще обо всех родственниках, ничего не знает. Завистники, тщательно копавшиеся в ее биографии, не могли этого не знать, но все равно придумывали небылицы. Главред советовал не обращать на сплетни внимания, и Мирра старалась следовать его совету.

Главредом в журнале третий десяток лет служил один и тот же человек. Михаилу Аркадьевичу уже исполнилось шестьдесят, но выглядел он лет на десять старше. Полный с юности, к своему возрасту он стал совсем тучным. Он со смехом винил во всем жену-повара и нервную работу, от которой постоянно хочется есть,

но на самом деле любил прихватить на обед блюда из ресторана быстрого питания, находившегося через дорогу от редакции. А еще мало двигался и постоянно что-то жевал: в лучшем случае это были орешки, в худшем — чипсы.

Мирра пришла в журнал всего полтора года назад, и он как-то сразу взял ее под крыло. Ни сама Мирра, ни ее коллеги так и не поняли, чем она заслужила к себе такое отношение. Ей было комфортно на этой работе — вот что главное.

К удивлению, Михаил Аркадьевич читать статью не стал. Будто даже не заметил флешку, которую Мирра положила перед ним вместе с распечаткой статьи. Михаил Аркадьевич всегда просил подчиненных приносить статьи на двух видах носителей. С бумаги ему было проще читать и делать пометки, зато в компьютерном файле он писал подробные комментарии и указывал, что и почему следует исправить.

— Садись, Мирочка, — велел он.

Мирра на несколько секунд удивленно замерла, а затем аккуратно присела на краешек стула. Предложение сесть вместо обычного взмаха рукой, означающего «далеко не уходи, позову, когда закончу», и тон главреда заставили напрячься. Она даже быстро прикинула в уме, не натворила ли чего за последнюю неделю, но в голову ничего не приходило. За неделю она написала три обычные статьи: осветила пару выставок и балет литовской труппы — и одну огромную, посвященную совместной выставке пяти художников, но те, насколько ей было известно, звонили в редакцию и статью хвалили.

— У меня для тебя партийное задание, — начал главред с улыбкой, которая показалась Мирре настолько фальшиво-искусственной, что Михаил Аркадьевич мог бы и не напрягаться, все равно обмануть не получилось. — Поедешь в командировку.

Командировка оказалась в какое-то жуткое захолустье, о котором Мирра никогда не слышала, о чем вслух, конечно, не призналась. Она была самой младшей в редакции, иногда

удостаивалась снисходительных взглядов от коллег. Мирра с детства обожала читать, искренне считала себя достаточно образованной и начитанной, но прочти ты хоть всю классическую литературу и изучи ушедшую эпоху, а все равно старшие коллеги порой говорят что-то такое, о чем тебе неизвестно, что можно знать, только если тебе минимум тридцать, а лучше сорок, и ты жил в то время, о котором говорят. Мирре же было всего двадцать четыре. Вот и сейчас она не стала признаваться главреду, что впервые слышит произнесенное им название захолустья. Интересно, туда поезда хоть ездят? На самолеты нечего даже надеяться.

— О чем писать? — деловито осведомилась Мирра.

— Репортаж о свадьбе.

— О свадьбе?

О свадьбах она не писала. Шоу-бизнес и его сплетни — не ее стезя. Для этого в редакции есть Шурочка. Дама с большими связями и еще большим желанием эти связи постоянно увеличивать. Шурочка, казалось, была вхожа во все столичные тусовки, ее звали на дни рождения звезды, а интервью готовы были дать хоть в шесть утра после массовой попойки.

Да и вряд ли это свадьба кого-то известного. Может, некой губернаторской дочки, но зачем о ней писать в столичном журнале, который не специализируется на подобном? Такие статьи — всего лишь один разворот.

— Сам ничего не понимаю, — развел руками главред. — Но просили, чтобы поехала именно ты, на тебя прислали билеты.

— А чья свадьба?

— Тоже не знаю.

Все это казалось Мирре странным. Зачем просить прислать корреспондента, который не специализируется на данном направлении? Какая статья у него получится? Или же ее выбрали как самую молодую? Возраст после имени автора статьи в журнале, конечно, не прописывается, но узнать не сложно. И почему именно их журнал? Он не такой уж большой, совсем не федерального

значения. В общем, вопросов возникало множество, но ни на один из них главред ответов не знал. Мирре оставалось только смириться и ехать домой, собирать вещи.

— Командировочные Галочка переведет на карту к вечеру, — пообещал главред, когда Мирра уже взялась за ручку двери. — И будь осторожна.

Последняя фраза заставила ее отпустить ручку. Она решительно повернулась к Михаилу Аркадьевичу и вернулась к столу.

— Почему? — спросила прямо. — Вам что-то известно?

— Вот именно: мне ничего не известно, — вздохнул главред. — И это заставляет беспокоиться. Ты еще очень молода, Мирочка, но поверь моему опыту: не просто так позвали тебя. Письмо не подписано, про чью свадьбу писать — неизвестно. Но требуют именно тебя. Билеты оплатили, солидную сумму на командировку перевели. Ты меня извини, девочка, ты очень талантливый журналист. У тебя острый язык и, как говорится, бойкое перо. Если продолжишь развиваться, из тебя выйдет толк. Если начнешь писать на более злободневные темы, может, даже станешь известной. Но пока тебе всего двадцать четыре, у тебя почти нет опыта. И если зовут тебя, значит, нужна именно ты. Не как журналист, а как Мирослава Лесникова. И мне это не нравится.

— Тогда почему же вы меня отправляете, если переживаете?

Главред опустил глаза и принялся бестолково перекладывать лежащие на столе бумаги.

— Потому что кроме денег тебе, неизвестный перевел еще и солидную спонсорскую помощь журналу, — признался он. — А ты же знаешь наше положение: в век интернета печатным изданиям все сложнее держаться на плаву. Вопрос закрытия журнала или перехода его в онлайн — что лично для меня одно и то же — почти решенный. А эти деньги позволят нам еще какое-то время продержаться на плаву и что-то придумать.

Мирра кивнула, больше ничего не сказала. Все и так ясно, ничего не меняется. Ее любили и заботились ровно до того момента, пока

свои интересы не начинали идти в разрез с ее. Это было знакомо. Так же поступали и ее приемные родители.

Мирру взяли из детского дома, когда ей исполнилось восемь. В приемной семье было двое родных детей, Мирра стала первой чужой. Поначалу она, как и любой детдомовский ребенок, наконец обретший семью, была на седьмом небе от счастья. Наконец-то у нее есть мама и папа, своя комната, игрушки, принадлежащие только ей, одежда, ложка, тарелка. Все это было только ее, не общее. И она ни на что не обращала внимания. Даже когда в семье появились еще трое приемышей, а потом все вместе они хоть и переехали из квартиры в дом, но комнату все равно пришлось делить с приемной сестрой. Комната стала общей, но на двоих и на двадцать — разные вещи. И только в школе Мирре объяснили разницу между ней и родными детьми. Ту самую, которую сейчас объяснил и главред.

Мирру взяли из детдома, но родной не сделали. Опека, а не удочерение, — так это называлось. Потому что в случае удочерения государство не оказывает помощи. За родных детей родители отвечают сами. А опекунским семьям выплачивают пособие, улучшают жилищные условия и дают много других плюшек. И никому не интересно, что ребенок так или иначе осознает себя чужим. Вроде бы и в семье, но при этом ему всячески демонстрируют, что он не родной. Благодаря опеке в восемнадцать лет Мирра получила квартиру, где теперь живет абсолютно одна, ни с кем ее не деля, но когда ей было восемь, она предпочла бы быть родной. Потому что никакая квартира не стоит осознания того, что ты не нужен. Что о тебе заботятся потому, что за это платят. В восемь лет Мирра не могла сформулировать этого, но как любой ребенок, которого дразнят, остро чувствовала.

Она коротко кивнула главреду, ничего не отвечая на его пылкую речь, и вышла за дверь. Какой толк спорить? Нужно ехать домой и собирать вещи. Поезд отправляется уже сегодня, на какой срок

затянется командировка — не известно. Нужно как следует подготовиться.

В опенспейсе, как всегда, было шумно, и на нее внимания никто не обратил. Все уже занялись своими повседневными делами, перемежая их бесконечным чаепитием и сплетнями, Мирра была ими забыта. Всеми, кроме Шурочки.

Мирра почти добралась до выхода, когда кто-то схватил ее за локоть, останавливая. С трудом она не вздрогнула, обернулась, увидев перед собой острое лицо коллеги с заговорщицкой ухмылкой.

— Что от тебя хотел главный? — поинтересовалась Шурочка.

— Да ничего особенного, — пожала плечами Мирра, снова направляясь к лифту, но Шурочка цепкими пальцами держалась за локоть, а потому посеменила следом.

— Точно? А то к нему какой-то мужик с утра приходил, я подумала, что это тебя касается.

— Какой мужик? — спросила Мирра раньше, чем успела себя остановить.

— Да черт его знает. Высокий, седой, лет под шестьдесят.

— В черном плаще и шляпе?

Шурочка даже ростом выше стала, когда поняла, что Мирра догадывается, о ком речь, а значит, и она не ошиблась, решив, что мужик к ней имел какое-то отношение.

— Шляпу не видела, а плащ был. Он, видимо, под дождь попал, тот был короткий, но сильный, минут десять всего лило. С плаща тоже прилично лило, весь пол заляпал, Петровна потом всем мозги прополоскала за это.

На Петровну Мирре было плевать. Петровна всем мозги полощет, кто смеет пройти по чисто вымытому полу не в стерильных носках. А вот мужчина заинтересовал. Но если показать Шурочке свою заинтересованность, та в жизни не отстанет.

— А с чего ты взяла, что речь обо мне шла? — пожала плечами Мирра, наконец высвобождаясь из цепкой хватки.

— Так после того, как мужик ушел, главный и велел Нюрке тебя вызвонить. Не просто так же?

Шурочка пытливо заглядывала ей в лицо, ждала ответа, но распахнувшиеся двери лифта позволили Мирре пробормотать что-то невнятное и скрыться от назойливых вопросов.

Захотелось быстрее уехать. Не из здания редакции, а вообще из города. Даже если главред соврал о том, что не знает, кто заказал статью, и заказчиком на самом деле выступал тот странный мужчина, ей все равно хотелось уехать.

Матвей

На вокзале было многолюдно и шумно. Толпы пассажиров как стаи рыб в период нереста мигрировали с места на место, и большой зал ожидания походил на потревоженный океан. Кто-то куда-то торопился, кто-то приехал заранее и терпеливо ждал у стены, уткнувшись в смартфон. Кто-то уезжал, кто-то кого-то, наоборот, встречал.

Матвей тоже приехал заранее, чтобы не бежать с чемоданом наперевес, но не настолько, чтобы стоять у стены. Посадку на его поезд уже объявили, а потому можно было неторопливым шагом идти к нужному вагону, подойдя как раз в тот момент, когда основная часть пассажиров уже покажет проводнику паспорт и войдет внутрь, так что стоять в очереди не придется.

Он любил вокзалы. Аэропорты тоже, но вокзалы больше. И аэропорты, и вокзалы означали, что в размеренность обыденной жизни врывается что-то необычное, какое-то приключение, будь то командировка или просто поездка в новое место. Когда Матвей был маленьким, бабушка каждое лето возила его на море на поезде. Они ехали несколько дней в вагоне с такими же отдыхающими, где была куча взрослых и еще большая куча детей. Матвей любил эти поездки, в которых можно было запросто обрести новых друзей, провести с ними две недели на море, а потом еще несколько месяцев переписываться по почте и иногда перезваниваться.

Со временем общение сходило на нет до следующего лета, когда в новом поезде обретались новые друзья.

Став взрослым и закончив институт, он часто летал по делам фирмы. И хоть почти всегда ему удавалось найти время посмотреть новый город, куда забросила судьба, все равно это было не то. Новые места, новые впечатления, но в полетах уже не находились друзья. Несколько раз Матвей летал в отпуск с Катей, но это тоже было не то: с Катей заводить новые знакомства вообще было нельзя. К девушкам она его ревновала, а к парням ревновал ее он.

А потому вокзалы он любил гораздо больше аэропортов.

Как он и рассчитывал, толпа пассажиров и провожающих уже успела отстоять общую очередь и теперь рассредоточилась по вагону, распахивая по угрожающе малому объему купе несчетное количество чемоданов, сумок, коробок и пакетов. Ехать предстояло долго, от конечной до конечной поезд шел почти два дня, а потому большая часть пассажиров была навьючена как горные ослы. У Матвея же был всего один чемодан, поэтому он не торопился.

Проводник проверил паспорт, сверился со списком пассажиров, с подозрением посмотрел на единственный чемодан, но ничего не спросил, озвучил место и пропустил в вагон. Внутри стояла духота, пахло цветами и солеными огурцами. Должно быть, кто-то не довез запасы. Ежесекундно извиняясь, Матвей с трудом протискивался по узкому коридору. Провожающих было слишком много, они не помещались в купе, где пассажиры распахивали вещи, а потому занимали собой все пространство в длинном как кишка коридоре.

Наконец он добрался до нужного купе и с облегчением нырнул внутрь. Там уже сидела девушка, обернувшаяся на грохот открывшейся двери. На вид года двадцать два — двадцать три, не больше. Удобные широкие джинсы и футболка говорили, что ехать она собралась долго, возможно, до самой конечной станции. Длинные темно-каштановые волосы собраны в растрепанный хвост, лицо без макияжа. Но больше всего Матвея заворожили ее глаза:

большие, чуть раскосые, ярко-зеленые, как будто сверкает на молодой траве ранним утром прохладная роса. Точно такого цвета, какой он выбрал для некоторых фасадов домов в проектируемом жилом комплексе... А впрочем, ладно, он же зарекался не думать о работе. По крайней мере, во время поездки.

На самом деле еще позавчера вечером никакой поездки в планах не было. Весь день он бегал по офису, согласовывал детали. Проект, над которым он работал последний год, уже был запущен, котлован отрыт, залиты фундаменты под первые дома. Огромный проект, целый жилой комплекс, и все это его, Матвея, работа. Конечно, не только его, были и другие архитекторы, инженеры, конторы-подрядчики, согласование с главным инженером, но все-таки это был его проект. Он его разрабатывал, не спал ночами, вынашивал дольше, чем женщины вынашивают детей. Этот проект должен был стать его визитной карточкой, его пропуском в светлое будущее. Ему доверили такое дело, а он!..

Еще позавчера вечером все было хорошо. Матвей закончил все дела поздно, на улице уже смеркалось, хотя в это время года ночь опускалась на северный город поздно и ненадолго. Потянулся, размял затекшие мышцы, собрал бумаги в портфель, выключил свет и направился к выходу, крутя в голове важные мелочи. Уже не рабочие, домашние: отнести рубашки в прачечную, костюм – в химчистку. Скоро презентация, хорошо бы выглядеть на ней прилично. Заехать в магазин за продуктами, в холодильнике уже даже мышам вешаться не на чем, скоро ему придется побираться по соседям, как Антохе из второй комнаты. А еще купить еды Василию, потому что если Матвей может лечь спать голодным в случае полного отсутствия еды в холодильнике, то Василию на пустой желудок совершенно не спится. В памяти Василия еще живы воспоминания о холодном мусорном детстве, а потому он начинает паниковать уже в тот момент, когда видит дно в миске.

Все эти мысли были прерваны одним телефонным звонком: Катя просила забрать ее из ночного клуба и отвезти домой. В такие

моменты Катя напрочь забывала, что месяц назад сама бросила Матвея ради какого-то парня на БМВ. На БМВ Матвей еще не заработал, а потому завидным женихом не считался. Парень на БМВ обещал возить Катю отдыхать не раз в год, а минимум раз в сезон, и не в Турцию или Испанию, а на Бали. Куда уж Матвею до парня на БМВ? Но вот парень на БМВ, очевидно, не жаждал забирать Катю из клуба, где она проводила вечера с подружками. Или же Катя скрывала свои развлечения от него. Но звонила она всегда Матвею. И он, ненавидя себя и давая себе обещания, что это в последний раз, ехал забирать ее.

На Кате было блестящее серебристое платье, туфли на высоком каблуке и крохотная сумочка, которую она купила во время последнего совместного отдыха. То есть он купил, Катя, как уважающая себя девушка, не тратила деньги на отдыхе. Должно быть, парень на БМВ еще никуда ее не возил и ничего не покупал, только обещал.

Катя скользнула в не такой представительный Опель, как ни в чем не бывало чмокнула его в щеку и тут же вытащила телефон, чтобы кому-то позвонить. Иногда Матвею казалось, что она делает это специально, чтобы не разговаривать с ним. Но такая версия предполагала наличие у Кати остатков совести, а вот в этом Матвей сомневался. Она теперь будет болтать по телефону до самого дома, и даже выходя из машины продолжит говорить, лишь на секунду прервется, чтобы снова чмокнуть его на прощание, но не даст и шанса произнести весь тот монолог, который он крутит в голове.

Уже заранее злясь и на себя, и на нее, Матвей отъехал от клуба, краем глаза замечая высокого седого мужчину лет шестидесяти, который стоял в нескольких метрах от входа в клуб и пристально за ними наблюдал. Он не был охранником, это точно, Матвей их знал в лицо. Вот из-за таких мужчин он ездил забирать бывшую девушку из клуба каждый раз, когда она звонила. Если парню на БМВ плевать, то Матвей, как последний идиот, продолжал ее

любить и переживать, как бы однажды не увязался за ней очередной мужчина, желающий зла.

И даже вчера утром еще все было хорошо. До того момента, как он, вдохновленный и окрыленный, пришел на работу.

Оказалось, что проект рисковал стать такой визитной карточкой, после которой ему не то что из архитекторов надо уходить, а вообще уезжать в глухую деревню и не проектировать даже собственный туалет на улице. Потому что никто и никогда больше не допустит его к работе, если узнает.

Главный инженер выглядел бледной копией себя самого, когда Матвей зашел в кабинет. Матвей уже знал из разговоров коллег, что случилась какая-то накладка, но еще не представлял всего масштаба катастрофы.

— Как же так, Матвей? — вопрошал Дмитрий Петрович. — Как же ты так промахнулся?

На самом деле главный говорил не «промахнулся», а куда более веско, но Матвей, воспитанный бабушкой, редко позволял себе подобные слова в приличном обществе. Дмитрий Петрович тоже, но в тот момент, очевидно, в его лексиконе остались только такие слова.

— О чем ты думал? Почему ты не проверил за подрядчиком? Ты ведь клялся, что они хорошие ребята, ты поручился за них! Ты обещал, что лично все проверишь! Весь проект теперь насмарку! Все переделывать!

Проект теперь действительно переделывать. И не факт, что новый согласуют. И самое главное: на это нет времени. А ведь инвесторы уже вложили деньги, реклама по всему городу висит как новогодняя гирлянда. Хорошо, что продажи еще не запустили. Плохо, что уже залили фундаменты под три дома. Дмитрий Петрович доверился ему, ведь он уверял, что все сделал, все проверил.

Матвей написал заявление на отпуск за свой счет на неопределенный срок. Радовался, что вообще не уволили. Собирался нести ответственность за ошибку, о чем и сообщил

главному инженеру, но Дмитрий Петрович данное заявление даже комментировать не стал. Матвей понимал: ошибся он, но Дмитрий Петрович поставил под проектом свою подпись. Как бы проверил и заверил. А на самом деле понадеялся на подающего надежды талантливого молодого архитектора, который утверждал, что все в порядке.

О чем Матвей думал, когда не проверил за подрядчиком? О том, что его любимая девушка, на которой хотел жениться, без которой ему жизнь не мила, ушла к другому. К парню на БМВ. Сеня, лучший друг, крутил пальцем у виска, говорил, что нельзя так стелиться перед женщиной, но Матвей ничего не мог с собой сделать. Он был согласен никогда не стелиться ни перед какой другой женщиной, но Катя... Катя была для него всем. И она ушла.

А теперь он остался и без работы.

Впервые в жизни ему не хотелось идти домой. В коммунальную квартиру, которая вот уже почти семь лет была его домом. Матвей никогда не был тусовщиком, не имел тысяч друзей, не любил проводить ночи в клубах и на вечеринках, ходил туда только ради Кати, но он чувствовал себя комфортно среди людей. Ему было нужно, чтобы вокруг всегда находились соседи, знакомые, коллеги. И когда встал выбор: купить маленькую квартирку где-то за чертой города или комнату в коммуналке в центре — он без раздумий выбрал второй вариант.

Он любил всех своих соседей: и прилипчивую старушку Марью Ивановну из первой комнаты, и запойного алкаша Антоху из второй, и вечно ссорящуюся семейную пару из третьей. Даже постоянно меняющиеся жильцы четвертой комнаты его никогда не напрягали. Матвей всегда готов был одолжить им спички, соль и даже деньги, поболтать за чашкой чая или присмотреть за кошкой, когда они уезжали в отпуск. Последнему не очень радовался Василий, ревновал его к другим котам, но мужественно терпел. А вчера Матвей постарался проскользнуть к себе незамеченным. Правда, все равно не вышло.

Иногда ему казалось, что Марья Ивановна целыми дням сидит в комнате у окна (оно выходит в сторону парадной) и ждет его. Или не только его, а всех соседей. Потому что стоило ему только открыть входную дверь, как любопытная соседка тут же появлялась из комнаты, широко улыбалась и обязательно цепляла каким-нибудь вопросом.

— Ваша бабушка звонила, Матвеюшка, — сказала она вчера.

Очевидно, ждала вопросов о том, в котором часу был звонок или что просили передать, но Матвей промолчал. Буркнул что-то вроде «я ей перезвоню» и собрался скрыться в комнате, но от Марьи Ивановны не так-то просто отвязаться. Она что-то говорила и говорила, спрашивала и спрашивала, и Матвею в конце концов пришлось просто-напросто невежливо захлопнуть перед ее носом дверь, получив одобрителный взгляд Василия, намывающего лапы на подоконнике. Василий навязчивую соседку недолюбливал, как и любого, кто норовил прикоснуться к его чисто вымытой черной блестящей шерсти.

Однако глупо было полагать, что старушка отстанет. Глубоко одинокую Марью Ивановну никогда не смущало желание соседей остаться в одиночестве. Она постучала в его дверь буквально час спустя.

— Матвеюшка, снова ваша бабушка звонит!

Пришлось выйти. Теперь бабушка всегда звонила на древний аппарат, стоящий на такой же древней полке в общем длинном коридоре. Казалось, этот телефон тренькает лишь тогда, когда звонит бабушка или какая-нибудь старая знакомая Марьи Ивановны, а потому Марья Ивановна всегда на него отвечала. Никому другому и в голову не приходило поднять трубку, даже если он проходил мимо.

— Что-то она теперь всегда звонит на домашний аппарат, — заметила и Марья Ивановна, пока Матвей шел к телефону.

Он не нашел ничего лучше, чем ответить, что бабушка стара, ей тяжело обращаться с новомодными гаджетами. Ответ соседку

устроил. Она и сама пользовалась исключительно старым аппаратом.

Почему бабушка на самом деле звонит на домашний телефон, Матвей не знал. Очевидно, теперь у нее почему-то не получается звонить на мобильный. Странно, что она вообще звонит.

Обычно бабушка спрашивала, как у него дела, интересовалась отношениями с Катей, даже когда они расстались. Но вчера времени даром терять не стала. Сразу же заявила, что пришло время для поездки, к которой она готовила его много лет. И уже собирая чемодан, Матвей внезапно понял, что почти ничего о ней не знает. Бабушка часто рассказывала о том месте, где он родился, говорила, что однажды он туда вернется, зачем вернется, но никаких подробностей при этом не рассказывала. Странно это все. И если задуматься, еще более странно, что Матвей все-таки собрал вещи и пошел на поезд. Не проще ли было забыть и забить? И, наверное, если бы роковой бабушкин звонок раздался в другое время, он так и сделал бы. Но теперь у него не было больше любимой девушки и, скорее всего, любимой работы больше не было тоже. Так почему бы и не поехать? Кто знает, что именно его там ждет?

Так Матвей и оказался на вокзале, сначала в поезде до Москвы, а потом в другом поезде, в купе, где уже сидела черноволосая зеленоглазая незнакомка. Ехать им предстояло долго. Очевидно, что девушка тоже едет далеко еще и потому, что иначе не села бы в этот поезд. По данному направлению двигаются и другие. А вот до конечной идет только этот.

— Я Матвей, — представился он, закинув чемодан под сиденье.

Девушка смерила его холодным взглядом росы на молодой траве и нехотя ответила:

— Мирра.

— Мирра, — с улыбкой повторил Матвей. — Красиво. Это Мирослава?

— Мирра — это Мирра, — с легкой неприязнью повторила девушка, но затем добавила: — Вообще да, Мирослава, но мне больше нравится Мирра.

Матвей снова улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что принял правила игры. Взгляд девушки едва заметно изменился. Наверное, ей пришлось по душе такая расстановка. Люди часто ревностно относятся к собственным именам, не любят, когда их коверкают или сокращают. Из Мирославы обычно делали простую Миру, но эта девушка произнесла свое имя твердо, жестко: Мир-ра. Очевидно, это больше соответствовало ее характеру и представлениям, и Матвей, произнеся ее имя так же, сразу получил расположение. Ехать вместе им предстояло не меньше нескольких часов, и ему хотелось, чтобы атмосфера в купе была дружелюбная. Оставалось надеяться, что остальные два пассажира не подведут. И когда появился первый из них, эта надежда стала крепче.

В купе, распространяя нежный аромат лилий, заглянула незнакомка. Точнее, ангел в виде незнакомки. Невысокая хрупкая девушка в легком невесомом сарафане, с белыми как снег волосами, струящимися по спине до самого пояса, и прозрачно-голубыми бездонными глазами неловко улыбнулась, втаскивая большой чемодан. Матвей тут же бросился на помощь и сразу понял, почему это удавалось девушке с таким трудом: одно колесико было отломано.

— Ой, спасибо! — прошептало небесное создание голосом райской птички и улыбнулось, демонстрируя белые как жемчуг зубы. Пожалуй, такой улыбкой можно было приворожить кого угодно лучше, чем отваром трав, собранных в полнолуние на кладбище.

Матвей ловко починил колесико, вылетевшее из пазов, и поставил чемодан в угол, понимая, что уехать на время от проблем было очень хорошей идеей.

Мирра

Попутчики заставили Мирру понервничать. Она знала, как любят ее ровесники шумные компании и разговоры до утра. То, чего она не переносила на дух. Она видела, с каким восхищением Матвей

смотрел на белокурую фею, которую, как выяснилось, звали Полиной, только что слюни на пол не капали. Да и какой мужчина останется равнодушным при взгляде на тонкое пластичное как виноградная лоза девичье тело, длинные белокурые волосы и прозрачные как ледяная вода глаза? А уж когда фея открыла прекрасный рот и заговорила поистине неземным томным голосом, шансов у него не осталось. Мирра видела его взгляды и понимала, что дальше будет наблюдать сплошной флирт.

Она не очень хорошо разбиралась в людях, но не нужно иметь образование психолога, чтобы все понимать. Матвей любил общение, не зря же так сразу спросил ее имя, так быстро назвал свое. Сама Мирра могла бы и вовсе с ним не познакомиться. Какой смысл знакомиться со случайным попутчиком в поезде? Вы расстанетесь через несколько часов навсегда, зачем запоминать имена друг друга? Матвей был явно не таким. По первому взгляду на него было понятно: глаза с вечным прищуром от улыбки, всегда приподнятые уголки губ, готовые растянуться в стороны при первой же возможности. И невесомое создание Полина, фея в человеческом обличье, похоже, была такой же, как он. Они познакомились еще на стадии затаскивания ее сломанного чемодана в купе, Матвей даже как-то панибратски представил ей Мирру, словно они с ним были старыми друзьями. Не хватало только, чтобы четвертым в их купе оказался второй мужчина такого же возраста, который решит приударить за Миррой, раз уж получают две парочки. Или, чего доброго, мужская часть компании решит дружно выпить. А пьяные парни редко понимают слово «нет». Однако поезд тронулся, а четвертый к ним так и не присоединился. Уже легче.

Чтобы сразу обозначить, что участвовать в общих разговорах не намерена, Мирра вытащила ноутбук и открыла текстовый редактор. Командировка командировкой, но всегда найдется статья, которой можно заняться на досуге. Не срочная, не актуальная сегодня, над которой можно работать в свое удовольствие, чтобы

потом продать отдельно. Но не прислушиваться к болтовне своих попутчиков никак не получалось. Надеть наушники показалось слишком уж некрасивым. Пусть она видит этих людей в первый и последний раз, но воспитание (ха-ха, будто ее кто-то когда-то воспитывал) не позволяло.

Сначала ребята болтали обо всяких глупостях, предсказуемо скатываясь во флирт, но довольно быстро разговор вышел к тому, что всегда обсуждают случайные попутчики: кто и куда едет. И внезапно оказалось, что оба едут в одно место.

— Вы тоже в Липники? — с удивленно-кокетливой улыбкой переспросила Полина.

— Не совсем, — покачал головой Матвей. — Там я выхожу. А потом мне еще предстоит как-то добираться до Елового.

Если до этого Мирра тщательно делала вид, что ничего не слышит, то сейчас подняла голову. Невероятное совпадение! Ведь она тоже собиралась выйти в Липниках, чтобы потом искать деревню со странным названием Еловое. Даже первое совпадение уже казалось странным, потому что Липники — очень мелкая станция. Настолько мелкая, что поезд там не останавливается. На самом билете было написано, что в случае необходимости остановки нужно заранее предупредить проводника, чтобы тот передал машинисту. А уж то, что им обоим нужно в Еловое — и вовсе невозможно. Но еще невозможнее оказалось, что и Полина ехала туда же:

— В Еловое? Надо же, ведь и мне туда! Какое невероятное, но удачное совпадение, вдвоем нам будет веселее.

— Еще скажите, что вы все едете на свадьбу, — фыркнула Мирра, снова утыкаясь в ноутбук. Не бывает таких совпадений. Она даже не удивится, если на самом деле Матвею и Полине нужно в разные места, просто они копируют друг друга, чтобы продолжить знакомство.

Тишина, повисшая в купе, заставила ее оторваться от ноутбука и опять поднять голову. Попутчики смотрели на нее с долей

недоверия и немножко — страха.

— Откуда вы знаете? — охрипшим голосом спросила Полина.

Вот теперь почему-то жутко стало и Мирре, хотя ничего сверхъестественного и в таких невероятных совпадениях не было.

— Потому, что я еду туда же.

Все трое переглянулись. Даже без ответа Матвея девушки поняли, что он едет тоже на свадьбу.

— А ты со стороны жениха или невесты? — первой прервала напряженное молчание Полина, как-то резко перейдя на «ты», и Мирра подумала, что это правильно. Раз уж они едут в одно место и на одно событие, очевидно, общаться им предстоит долго, так к чему эта официальность?

— Я вообще не знаю, кто женится, — призналась она. — Я — журналист. И мне нужно написать об этой свадьбе статью для журнала. Хотя все это очень странно. Я не пишу о свадьбах. Не мой профиль.

О том, что неизвестный спонсор оплатил командировку и прилично заплатил журналу, чтобы поехала именно она, Мирра промолчала. Вроде ничего важного в этой информации нет, а все равно говорить не захотелось.

— Я тоже не знаю ни жениха, ни невесту, — сказала Полина. — Я пою на свадьбах, вот меня и попросили там спеть. Так что это хотя бы мой профиль.

— А кто попросил? — уточнила Мирра.

— Не знаю. На рабочую почту пришло приглашение, а на карту упали деньги на дорогу и аванс за работу. Мне как раз нужно уехать и нужны деньги, так что я даже не стала спрашивать, кто это сделал. Очевидно, жених или невеста. Чаще всего они этим занимаются.

— Жених этого не делал, — внезапно сказал Матвей, и обе девушки повернулись к нему.

Хоть кто-то знаком с брачующейся парой, уже легче. Мирра не знала, почему легче, но пока странная неизвестность ее немножечко пугала.

— Откуда ты знаешь? — спросила Полина.

— Потому что жених — это я.

Челюсть белокурой феи упала ниже стола, и вместе с нею упало и ее настроение. Полина разом сникла, а Мирра — хоть ей и не нравилось наблюдение за флиртом этой парочки — внезапно разозлилась на Матвея. Если он — жених, зачем пудрил девочке голову? А ведь явно пудрил, заигрывал. Мирра в очередной раз убедилась, что не зря никогда не связывала себя длительными отношениями с мужчинами. Конечно, виной тому была ее общая нелюдимость и нелюбовь к людям, но сейчас она, пожалуй, впервые этому обрадовалась.

— Ты жених? — разочарованно выдохнула Полина.

— В таком случае, поведай нам, что это за странная свадьба, о которой нужно написать в столичном журнале? — с сарказмом, за которым пряталась сочувствующая Полине злость, поинтересовалась Мирра. — Кто невеста? Дочка нефтяного магната? Или, быть может, ты сам нефтяной магнат, который любит ездить в общественных поездах и есть чебуреки в забегаловке?

— Вы будете смеяться, но я сам ничего не знаю, — развел руками Матвей.

Смешным это никому не показалось.

— В каком смысле? — настороженно спросила Мирра, закрывая ноутбук.

Очевидно, работать над статьей ей уже не придется. Почему-то захотелось выйти из поезда, не доезжая никаких Липников, и вернуться домой. Однако она никогда не была трусливой. Осторожной, но не трусливой. А еще — любопытной. Главред сказал ей, что если однажды она начнет писать на более злободневные темы, может стать известной. К известности Мирра не стремилась, но укор уловила. Она не любила «горячие» темы, сплетни и грязное белье, и уж тем более не стремилась писать на опасные темы. Те, которые по статистике лучше всего читают и которые приносят самые большие деньги изданиям. Для таких тем нужно обладать

определенными связями, то есть общаться с людьми. И вот это всегда ее отталкивало. Но раз в данном случае что-то необычное само плывет ей в руки, то есть, в руки необычному плывет она, глупо теперь разворачиваться и грести обратно.

Мелькнула даже мысль, что все это подстроил главред, что не было никакого спецзаказа именно на нее, подошел бы любой журналист, но она решила об этом не думать. По крайней мере сейчас были другие задачи.

— Я еду туда в качестве жениха, но кто невеста — без понятия, — признался Матвей, неловко улыбаясь.

— Это как вообще? — все еще не понимала Полина.

— Дело в том, что меня воспитывала бабушка. Я родился в Еловом, но бабушка увезла меня оттуда еще младенцем. Отец бросил маму беременной, а мама умерла в родах. Почему бабушка решила уехать, я не знаю, она никогда не рассказывала. Но с детства готовила меня к тому, что однажды я вернусь туда для женитьбы. Честно говоря, я никогда не воспринимал такие рассказы всерьез, а потому и не расспрашивал особо. Пока был маленьким, задавал вопросы, конечно, но детям никогда все не рассказывают. А когда уже начал соображать, думал, что бабушка просто никак не примет того, что я вырос, и по-прежнему кормит меня сказками о героях и принцах, в роли которых был, разумеется, я, которые выросли вдали от дома, но однажды возвращаются в свое царство дабы сесть на трон и спасти жителей.

— Спасти жителей? — недоверчиво переспросила Мирра.

— Я плохо помню те сказки, — признался Матвей. — Кажется, когда я был маленьким, они звучали как-то так. Это ведь сказки, их рассказывают детям. Я же говорю: когда вырос, вопросов не задавал, поэтому реальную версию сказок и не знаю.

— Но в них бабушка говорила тебе, что ты должен будешь вернуться в Еловое и жениться? — с долей скепсиса уточнила Мирра.

Матвей кивнул.

— А как ты узнал, что это время настало? Ведь не зря же мы все оказались в этом поезде. И если меня с Полиной позвал не ты, значит, невеста так решила. Она писала или звонила тебе? Ты поэтому едешь?

— Нет. Мне звонили вчера, но не невеста. Я не знаю, кто она. Звонила бабушка. Велела собираться и ехать на ближайшем поезде. Вот я и поехал.

Мирра приподняла брови, даже не стараясь скрыть отношение к происходящему, и поймала на себе примерно такой же взгляд Полины. Если белокурая фея поначалу и была очарована высоким улыбчивым попутчиком, то теперь градус очарования заметно снизился.

— Такая нужда жениться? — холодно поинтересовалась она.

Матвей улыбнулся. И вроде бы весело, но скользили в этой улыбке и грусть, и неловкость, и одновременно стыд за принятое решение.

— Так получилось, что меня совсем недавно бросила девушка, вот я и решил, что это путешествие к истокам — неплохой повод отвлечься.

Услышав, что он свободен, фея снова воспрянула духом. Конечно, жениться-то он еще не женился, а вот девушки нет уже сейчас.

— А почему ты не расспросил у бабушки о невесте? — поинтересовалась она.

Матвей бросил на Полину странный взгляд. Мирра даже напряглась. Тоненький голосок в голове прошептал, что все, сказанное до этого Матвеем, будет не таким необычным, как то, что она услышит сейчас.

Так и вышло.

— Бабушка умерла полгода назад.

Глава 2

Матвей

Первый раз бабушка позвонила ровно через девять дней после своей смерти. Время уже приближалось к полуночи, когда в большой коммунальной квартире зазвонил старенький телефон. Несмотря на поздний час, первой к аппарату, как всегда, подбежала Марья Ивановна. Однако поговорила она совсем немного, а потом аккуратно положила трубку на столик и засемила босыми ногами по старому вытертому паркету к двери Матвея.

Он долго не мог понять, что от него хочет старая соседка. Бабушка умерла, другой у него нет, кто может ему звонить? Но сил спорить с Марьей Ивановной не было, поэтому он покорно поплелся к телефону.

Это оказалась она. На самом деле она! Бабушка, с которой он прожил восемнадцать лет с рождения и до того момента, как уехал учиться, да так и остался жить в городе. Он не так уж часто навещал ее, вечно находились какие-то дела. Вот и перед смертью они не виделись больше полугода. Бабушка еще не казалась ему старой, ей было всего шестьдесят шесть, на здоровье никогда не жаловалась, а потому он и подумать не мог, что они больше не увидятся. И за это корил себя.

Корил настолько сильно, что все девять дней после ее смерти ему постоянно чудилось ее присутствие. Он слышал то ее дыхание по ночам, то чуть шаркающие шаги в коридоре, но убеждал себя, что это всего лишь ветер и соседи. А знакомые черты звукам придают воображение и чувство вины. Но звонок Матвей объяснить не мог, ведь это точно не было сном или галлюцинацией, Марья Ивановна тому свидетель.

Он стоял, ошарашенный, словно прибитый пыльным мешком, прижимал трубку к уху и слушал бабушкин голос. Бабушка интересовалась, как у него дела, как поживает Катенька, не забывает ли он шапку, выходя на улицу, ведь сейчас такой мороз. Матвей машинально что-то отвечал, а самому казалось, что вот-вот

грохнется в обморок, как девчонка. Ведь так не бывает! Мертвые не звонят живым!

С тех пор звонки случались часто, раз-два в неделю. Пришлось соврать Марье Ивановне, которая, конечно, знала, что бабушка у Матвея всего одна и та умерла, что это соседка бабушки. Дескать, они близко дружили, она тоже участвовала в воспитании Матвея, а потому он привык называть ее бабушкой. Пока его родная бабушка была жива, соседка все новости узнавала через нее, теперь же взяла на себя заботу о неродном внуке. Марью Ивановну такое объяснение удовлетворило, а вот Матвея нет.

Он не понимал, где искать ответы. Читал соответствующую литературу, но чаще всего ему попадался откровенный бред. Он не был медиумом, точно это знал. Да и звонила ему только бабушка, никакие посторонние призраки не тревожили. Попробовал один раз обратиться к якобы настоящему медиуму для консультации, но тот ответственно заявил, что такого быть не может, раз у Матвея нет дара. Предлагал установить контакт под собственным руководством. За деньги, разумеется. Матвей не согласился. Ему не было жалко денег, но медиум не вызывал доверия. Да и зачем связываться с бабушкой через кого-то, если вот же, она сама исправно звонит!

Несколько раз Матвей, проходя мимо церкви, даже останавливался перед входом, но так и не решился зайти. Думал, может быть, бабушкиной душе нужно упокоение, хоть ее и отпевали в церкви. Возможно, батюшка мог бы ответить вопросы и помочь лучше медиума, но он так и не зашел.

Бабушка была верующей. Соблюдала посты, никогда не работала по воскресеньям и праздникам. На старых фотографиях, которые она показывала, в ее доме даже были иконы, но после того, как они уехали из Елового, ничего такого в новый дом она не покупала. В церковь по большим праздникам ходила, но куличи не освящала и никакую обогащенную серебром воду домой тоже не носила. И Матвей был некрещенным.

— Это желание твоей мамы, — объясняла она.

Матвею такое объяснение казалось странным: когда это верующие бабушки, получившие полную власть над некрещенными внуками, слушались желаний их родителей? Но эти вопросы, как и все другие, он тоже не задавал. Бабушка в церковь никогда не звала, а он тоже не стремился. И даже во время отпевания не заходил. Это казалось ему лицемерным: никогда там не бывать, а зайти на отпевание. Так и простоял на улице под ледяным ветром и застилающей глаза метелью.

Вот и в тот раз не получилось, не смог пересилить себя. Сам не знал, чем ему так не угодила церковь, но даже в церковный двор не вошел. Возможно, потому что это было желание его мамы. И даже ради бабушки он не смог его нарушить.

Бабушка звонила и звонила, и Матвей привык к ее звонкам. Что-то рассказывал, но о многом умалчивал. Соседи всегда грели уши во время таких звонков, а забрать телефон в комнату не представлялось возможным. И вот вчера он наконец понял, зачем бабушка беспокоила его все это время: боялась, что внук забудет о «своем предназначении», не поедет в родовое гнездо, когда придет время. Бабушка недооценила силу своего влияния: время пришло, и он послушно поехал. Быть может, в другой ситуации и не поехал бы, но...

Матвей ехал не спасать кого-то. Он бежал от собственной жизни. А уж куда бежать в таком случае, не все ли равно?

Девчонкам о проблемах на работе не рассказывал. Не пристало мужчине ныть. Тем более совершенно случайным попутчикам. Поэтому сказал, что просто исполняет последнюю волю бабушки да заодно отвлекается от ушедшей девушки. Почему-то про Катю ему сказать было легко, а про работу — нет. Жениться ни на ком, естественно, не собирается, но как минимум разобраться в ситуации следует. Хотя бы для успокоения бабушкиной души. Матвей не знал, поверили ли они в звонки или сочли его сумасшедшим, но другого объяснения дать все равно не мог. Как и умолчал о еще одной, очень важной причине поездки.

— Значит, тебя воспитывала бабушка, а мама умерла при родах? — переспросила Полина, когда он замолчал, как будто из всего рассказала уловила только это. Матвей опасался смотреть на нее. Девушка ему понравилась. Жаль будет, если он так сходу ее разочаровал, и она сочла его психом. Не то чтобы он рассчитывал на какие-то отношения, они были еще слишком мало знакомы, но даже болтать с ней было приятно. А то чем черт не шутит: легкий роман сейчас совсем не повредит. Может быть, увлекшись другой, он однажды сможет отказать Кате при очередном звонке?

— По крайней мере, так бабушка говорила, — подтвердил Матвей.

Он не смотрел на нее, поэтому не видел выражения лица, и не знал, что заставило Мирру поинтересоваться:

— Почему ты спросила?

Только тогда поднял голову, но Полина уже смотрела на Мирру, и он так ничего и не понял. Зато Мирра выглядела напряженной, хотя с самого начала делала вид, что в разговоры вступать не намерена. Забавная девчонка. Если Полина привлекала ангельской внешностью, грудным голосом, милой улыбкой и готовностью отвечать на ухаживания, то Мирра обращала на себя внимание противоположным: она явно была одиночкой, сторонилась людей, они были ей неприятны. Почему? Такой у нее характер или видела много зла? Матвей почти не встречал людей, которые были бы такими с рождения просто так. Всегда есть причина. Наверняка есть она и у Мирры.

И имя. Твердое, резкое. Не мягкая Мирослава, ни спокойная Мира. Мир-ра. Бьющее наотмашь, жесткое, бескомпромиссное. Словно скорлупа, за которой уютно прятаться.

— Потому что я тоже не знаю своих родителей, — сказала Полина. — Меня воспитывала тетя, мамина сестра. Она всегда была скупа на слова и эмоции, поэтому о родителях я знаю очень мало. Точнее, про отца вовсе ничего. Тетя говорила, что не знает, кем он

был. Мама забеременела незамужней. И умерла, когда я была совсем крохой.

— Если ты сейчас скажешь, что тоже родилась в Еловом, я подумаю, что вы надо мной издеваетесь, — заявила Мирра, но по тону Матвей понимал, что ей не смешно. Ему тоже смешно не было.

— Нет, — Полина покачала головой. — Точнее, я не знаю. Мое свидетельство о рождении сгорело при пожаре, а в дубликате значится город, где я жила с тетей и ее семьей. Но я точно знаю, что родилась не там. Мы переехали туда, когда мне было два года.

Все трое замолчали, обдумывая услышанное.

— А ты? — наконец спросил Матвей у Мирры.

По ее лицу пробежала тень, он заметил это.

— Я вообще не знаю, кто мои родители. Я росла сначала в детском доме, а потом в приемной семье, — наконец сказала она.

— Супер! — выдохнула Полина, откидываясь на спинку купейного дивана.

Никто из них не знал, чем это всем угрожает, но понимали: их троих выбрали не просто так. Наверняка и Полина, и Мирра тоже значили что-то важное, но только Матвея готовили с детства. Если, конечно, бабушкины сказки безо всяких объяснений можно назвать подготовкой.

— Очевидно, мы все едем туда не просто так, — высказал общее мнение Матвей. — И я не удивлюсь, если все мы родились там.

— Или же едем туда именно мы, потому что у нас нет родственников, в случае чего никто не станет нас искать или поднимать панику, — мрачно добавила Мирра.

Такой вариант приходил ему в голову, но он не хотел пугать девчонок. Никто не назначал Матвея главным, но он чувствовал ответственность за попутчиц. Как минимум потому, что был мужчиной.

— Если кто-то из вас боится, может не ехать, — неуверенно предложил он. — Клятвы на крови мы не ставили, никому ничего

не обещали. Можно выйти на ближайшей станции и вернуться домой.

Девчонки переглянулись.

— Я поеду, — не слишком уверенно сказала Полина. — Мне нельзя возвращаться. А куда ехать — все равно.

Матвей не стал спрашивать, почему ей нельзя возвращаться. Выяснит это как-нибудь потом. Раз Полина едет с ним, то на это еще будет время. Он посмотрел на Мирру, ожидая, что передумает она. Она промолчала, и Матвей понял, что никогда еще девушка не была так близка к тому, чтобы узнать что-то о себе, о своих истоках и, возможно, родителях. Наверное, каждый детдомовский ребенок этого хочет. Она поедет, даже если рано или поздно они выяснят, что это опасно. Впрочем, с чего вдруг он взял, что это опасно? Особенно для них. Журналистка и певица. Это его назначили женихом, даже не сказав, кто невеста, а девчонки просто отработают программу и вернутся домой.

Полина

До позднего вечера ребята обсуждали возможные теории, пока всех не стало клонить в сон. Поужинав в вагоне-ресторане, легли спать. Никто четвертый так и не присоединился, и Полина была рада этому. Ей уже нравилась их маленькая компания. Нравился улыбчивый Матвей, хоть новость о том, что он едет жениться, а ей предстоит петь на его свадьбе, и огорчила ее. Она еще не была готова к новым отношениям, из старых бы выпутаться, но с занятыми мужчинами знакомств не водила принципиально. Нравилась и угрюмая Мирра, старательно делавшая вид поначалу, что попутчики ее не интересуют. Она была немногословна, но когда говорила, то всегда четко и по делу. Не пускалась в пространные размышления, не паниковала и не нагоняла страху. Журналист, сразу видно. Хотя, наверное, в современной журналистике как раз ценятся противоположные качества.

Матвей и Мирра улеглись на нижних полках, а Полина забралась на верхнюю. Ей не так часто доводилось ездить в поездах, поэтому уснуть под мерный стук колес не удавалось долго. Мешали и приглушенные разговоры в соседних купе, и шаги по длинному коридору, и позвякивающая где-то о стеклянный стакан забытая ложка. Только когда поезд удалился от населенных пунктов и за окном воцарилась полная темнота, Полине удалось задремать. Она провалилась в неглубокий тревожный сон, который с легкостью прервался при первой же возможности.

Полина распахнула глаза, но ничего не увидела. Небо заволокли тяжелые тучи, скрывшие убывающую луну, редкие фонари проскальзывали мимо окон так быстро, что походили на короткие всполохи и скорее раздражали, чем что-то освещали. Узкая полоска света из-под двери не подсвечивала даже пол, что уж говорить обо всем купе. Вокруг была оглушающая тишина, давящая на глазные яблоки невидимыми пальцами. И в этой темноте Полине казалось, что на нее кто-то смотрит. Ощущение было таким ярким, таким осязаемым, что волосы на теле мгновенно встали дыбом.

Не отдавая отчета своим действиям, Полина вытащила из-под комковатой подушки телефон, быстро зажгла экран и отвернула его от лица, освещая пространство перед собой. Пустое пространство. На соседней полке лежали только ноутбук Мирры, рюкзак Матвея и ее, Полинина, расческа.

Девушка посветила телефоном вниз, но и там все было спокойно. Матвей спал на спине, чуть приоткрыв рот и слегка посапывая, Мирра отвернулась к стене и свернулась калачиком. Наверное, замерзла под тонким одеялом. Лето стояло жаркое, но во сне всегда становилось прохладно.

— Матвей, — тихонько позвала Полина. — Мирра.

Ни один не отозвался. Спали они крепче Полины. Она еще раз осмотрела в тусклом свете телефона все купе. Фонарик включать не стала, чтобы яркий свет не разбудил попутчиков, но и так было видно, что, кроме них троих, в купе никого нет.

Полина повернула к себе телефон, и в то короткое мгновение, когда его свет скользнул по окну, она увидела в отражении мужское лицо. Вздрыгнула, тут же снова посветила телефоном на окно. Пусто. Тусклый прямоугольник экрана отражался от мутного двойного стекла, за которым по-прежнему было темно. Посветила на дверь купе — закрыта. Должно быть, показалось. Если бы дверь открывалась, она бы услышала.

Полина легла обратно, но телефон не выключила. Сердце билось гулко и быстро, едва ли ей удастся уснуть, а лежать в темноте страшно. Интернета нет, поэтому пришлось завести одну из немногочисленных игрушек, завалявшихся в телефоне, и периодически поглядывать на окно. Лишь когда размеренное собирание разноцветных шариков в ряд окончательно сморило ее, Полина снова выключила телефон и уснула. На этот раз крепко и без сновидений.

Проснулась от того, что кто-то аккуратно тряс ее за плечо. Сначала дернулась, испугавшись, но тут же увидела перед собой лицо Мирры.

— Минут через двадцать приедем, — сообщила она. — Проводница просила сдать белье и ждать в тамбуре. Поезд там останавливается исключительно ради нас, а потому выйти нужно быстро.

Полина кивнула, и Мирра тут же исчезла.

Вставать не хотелось. За окном только-только забрезжил рассвет, сейчас бы завернуться в одеяло, повернуться к стене и поспать еще несколько часиков. Полина с рождения была совой, ранние подъемы терпеть не могла, а последние несколько лет жила исключительно ночной жизнью, не просыпаясь раньше полудня, поэтому сейчас чувствовала себя настоящим зомби. Быстро слезла с постели, сгребла ее в охапку, чтобы передать проводнице, а потом принялась торопливо складывать вещи.

Спустя ровно двадцать две минуты путешественники стояли на разбитом перроне, а поезд стремительно удалялся, превращаясь

в едва различимую в утреннем тумане точку, а затем и вовсе исчез за горизонтом. Полина поежилась и огляделась по сторонам.

Место казалось совершенно заброшенным. Здесь не было здания касс, лавочек для ожидания поезда и даже фонарей. О том, что это станция, говорили только почти разрушенный временем перрон да покосившаяся табличка, на которой с трудом читалась надпись «Липники». Метрах в пятидесяти от рельсов начинался густой лес, по другую сторону (насколько хватало глаз) раскинулось необработанное поле, поросшее высокой травой и луговыми цветами. Ни людей, ни животных.

— И куда дальше? — поежившись от утренней прохлады, спросила Полина.

Мирра молча пожала плечами, и обе посмотрели на Матвея. Не то чтобы они признали его главным по гендерному признаку, скорее подсознательно отдали пальму первенства потому, что он родился в этих местах. И хоть он ничего не помнил и находился в таком же положении, как и они, а все-таки довериться ему было проще. По крайней мере, Полина думала именно так. Как считала Мирра, она не знала, но та возражать не стала.

— Думаю, где-то здесь должна быть дорога, — неуверенно предположил Матвей, оглядываясь по сторонам. — Может быть, там ходит автобус, или сможем поймать попутку.

Может, и должна быть дорога, да только не видать ее. Поле совершенно ровное, нигде не видно примятой травы. Возможно, дорога проходит через лес? Матвей думал так же, поэтому предложил оставить чемоданы на перроне — едва ли кто-то здесь может на них покуситься — и пройти немного вправо и влево, посмотреть, нет ли где дороги. Чтобы сократить время, можно было разделить, но никто не высказал такого предположения вслух, опасаясь оставаться в одиночестве в таком странном месте, поэтому втроем они двинулись в сторону ушедшего поезда.

Перрон уже остался позади, чемоданы превратились в слабо различимые точки, а лес казался по-прежнему густым. Ноги,

непривычные к ходьбе по пересеченной местности, устали и ныли, хотелось пить. Нужно было возвращаться обратно и идти в другую сторону, но Полине казалось, что и там они не найдут дорогу. Мирра попробовала загрузить карту в телефоне, но сеть не нашлась. Этот факт хоть и показался всем вполне логичным, но пугал сильнее. Полина уже жалела, что все-таки вышла здесь, не вернулась домой. Всё дурацкие советы психотерапевта. Вам нужно уехать, Полина, иначе вы никогда не выберетесь. Уезжайте, отдохните, придите в себя. Посмотрите, как можно жить по-другому. Посмотрела, спасибо. Можно теперь обратно?

— Там что-то есть!

Голос Матвея вывел ее из задумчивости. Полина посмотрела в указанную сторону и действительно разглядела стремительно приближающуюся фигуру. Кто-то шел им навстречу.

— Надо же, мы не одни во Вселенной, — хмыкнула Мирра.

Трое путешественников остановились, настороженно глядя на приближающегося человека. Раз здесь есть люди, значит, цивилизация где-то близко. Случайный прохожий может как минимум указать им направление. Оставалось надеяться, что это не какой-нибудь бандит с большой дороги. Полина не удивилась бы, узнав, что здесь такие водятся.

Мужчина приближался быстро и, когда разглядел путников, широко улыбнулся. Чем ближе он подходил, тем сильнее напоминал медведя. Высокий, широкоплечий, светловолосый, он шел, чуть наклонившись вперед, и если бы не улыбка на лице, Полина действительно испугалась бы. Она и так предпочла отступить на полшага назад, почти спрятавшись за Матвеем и Миррой.

— Эти поезда ходят как им заблагорассудится! — еще издали попенял «медведь». — Еще чуть-чуть — и мы с вами разминулись бы!

Конечно, разминулись бы они едва ли, если учесть, что приехавшие понятия не имели, куда им идти, но такое приветствие успокаивало, и Полина непроизвольно тоже улыбнулась. Мужчина тем временем подошел ближе, и теперь стало видно, что он еще

достаточно молод, до тридцати точно, а может и меньше. Возраста ему придавало загоревшее обветренное лицо, косматая борода, которую вряд ли отращивали специально, скорее, он просто пару недель не брился. Простая рубаха была порвана и не слишком аккуратно зашита на плече, а холщовые брюки вместо удобных джинсов выдавали в незнакомце деревенского жителя. Причем глубоко деревенского. Полине пару раз приходилось петь на деревенских свадьбах, и она видела, что одежда жителей почти не отличается от городской. По крайней мере, в радиусе тридцати километров от Пскова, а дальше она и не бывала. На ногах у мужчины были тяжелые, слишком жаркие для этого времени года, ботинки, но в лесу такая обувь наверняка себя оправдывала.

— Степан! — радостно возвестил он, протягивая руку в первую очередь Матвею. — Можно просто Степа.

— Матвей, — не так радостно ответил тот, возможно, потому что «медведь» слишком энергично тряс его руку.

Познакомившись с единственным парнем в компании, Степан повернулся к девушкам и тоже протянул им руку, правда, тряс уже аккуратнее, боясь сломать обеих пополам. Полина видела, что они обе пришлись ему по душе, и, чего уж скромничать, на ней взгляд «медведя» задержался дольше, чем на Мирре. Полина давно привыкла к такой реакции мужчин на собственную внешность. Она едва достигла подросткового возраста, когда ее начали провожать завистливыми взглядами и первым делом мысленно раздевать при встрече. Ей такие взгляды импонировали, хоть порой и раздражали, но нравиться Степану было приятно. Она даже мельком взглянула на Мирру, не завидует ли та, что и Матвей, и Степан предпочли ее, но той, казалось, было все равно. Вот уж странная девушка. Если бы не общая поездка, едва ли они с Полиной когда-нибудь сошлись бы.

— Я вас тут уже две недели жду, — объявил новый знакомый. — Не знал, когда точно приедете. К каждому поезду прихожу, и что вы думаете? Ни один еще не пришел в одно и то же время!

Степан зычно рассмеялся, а остальные непонимающе переглянулись. Сначала показалось, что Степан спутал их с кем-то, но теперь все понимали, что ошибки нет. Но почему две недели? Почему он не знал дату приезда? Кто-то же пригласил Мирру и Полину, так почему не предупредил встречающего? Все это казалось странным и пугающим.

— А где остальные? — продолжил Степан, не давая никому и слова вставить.

— Остальные? — переспросил Матвей.

— Ну да. Нас должно быть шестеро. Вот он я, а вас только трое. Где еще двое?

— Нас было трое в купе. Мы и сами случайно встретились, не знали, что в одно место едем. Да и сейчас мало что понимаем.

— Да? — Степан почесал могучей рукой подбородок. — Странно.

— Может быть, вы нам объясните, что вообще происходит? — поинтересовалась наконец Мирра. — На чью свадьбу мы едем? Кто нас позвал? Почему вам не сказали, когда точно мы приедем?

Степан как-то странно на нее посмотрел, потом встрепенулся, будто вспомнил что-то, осмотрелся по сторонам и сказал:

— Нужно ехать. Дорога дальняя, а в лесу ночью небезопасно. Где ваши вещи?

Мирра беспомощно посмотрела сначала на Матвея, потом на Полину. Матвей тоже сделал вид, что не услышал ее вопросы и не увидел красноречивого взгляда, а Полина лишь пожала плечами. Что она могла сделать? Поддержать Мирру? Почему-то казалось, что Степан не ответит. Не время еще для ответов. Все вопросы они зададут позже. Смущало только, что сейчас, в полном неведении они собираются поехать в глухой лес с незнакомым человеком, но какие еще у них варианты?

Вернуться они не могут. Поезда здесь останавливаются только по предварительному согласованию, а значит, никто их не заберет. Трассы, чтобы поймать попутку, тоже нет. Значит, у них одна дорога — вперед.

Матвей и Степан вернулись за чемоданами, и все то время, что их не было, Мирра угрюмо оглядывалась по сторонам. Полина ждала от нее какого-нибудь вопроса, укора, почему она не поддержала ее, но она молчала, и Полина молчала тоже.

Оказалось, до лесной тропы они не дошли совсем чуть-чуть: буквально в ста метрах от места, где они встретились, деревья чуть расступались, а между ними вглубь уходила плохонькая дорога, по которой редко кто-то ездил. Скрытая деревьями от посторонних глаз, на дороге стояла машина: большой внедорожник без верха. Такие Полина видела только по телевизору, когда Вадик смотрел очередной глупый боевик. На подобных машинах всегда ездили по бездорожью какие-нибудь американские рейнджеры, и Полине казалось это ужасно неудобным: ведь и пыль, и грязь из-под колес — все летит на водителя и пассажиров.

Степан забросил чемоданы в большой отсек позади заднего сиденья, и предложил всем залезать внутрь. По молчаливому согласию Матвей сел рядом с водителем, а девушки разместились сзади. Ни о каких ремнях безопасности речи не шло, пришлось крепко ухватиться за железные рамы, возвышающиеся над машиной. Дорога оказалась отвратительной, а Степан — лихим водителем. Машину бросало из стороны в сторону, она подпрыгивала на кочках, а вместе с ней подпрыгивали и пассажиры. Поначалу ребята были так ошеломлены поездкой, что ничего не спрашивали, и лишь часа через полтора, когда привыкли к манере вождения Степана, а пейзаж вокруг так и не начал радовать разнообразием — сплошные деревья вокруг без следа проплешин или ответвлений дороги — решились начать разговор.

— Значит, тебя послали за нами? — первой спросила Полина.

Степан поймал ее взгляд в заляпанном грязью зеркале заднего вида и улыбнулся, показав два ряда удивительно крепких белых зубов. А ведь в этой глуши вряд ли есть стоматолог.

— Ну а кого еще? В деревне только у меня машина есть, а ехать далеко.

— Это мы уже поняли, — проворчала Мирра.

— А что за деревня? — тут же ухватился Матвей, но Степан как-то сразу сник, помрачнел.

— Да обычная деревня, — нехотя произнес он. — Сами увидите. Что рассказывать? Я в других не бывал, сравнивать не с чем.

Они еще немного помолчали, а затем Матвей задал главный вопрос, который давно крутился на языке и у Полины, что уж говорить о нем.

— А меня ты не знаешь? Я родился там, но ничего не помню. Меня рано увезли.

Степан, до этого внимательно следивший за дорогой, посмотрел на Матвея, но лишь покачал головой.

— Я сам ребенком был.

Больше он ничего не сказал, и на следующие вопросы отвечал уклончиво, умело уводя разговор в сторону от главного: деревни и свадьбы. Он много и с удовольствием рассказывал о здешней природе, о живности. Степан был охотником, часто приезжал сюда охотиться и зимой, и летом. Расспрашивал их о жизни в городах, ведь попутчики были из разных. Но главного так и не произнес.

Ехать пришлось целый день. Полина успела два раза подремать, привыкнув к манере езды, но даже во сне крепко сжимала железный поручень, боясь вывалиться. Мирра все время молчала, отвернувшись в сторону, и спала ли она, Полина не знала. Матвей и Степан изредка перебрасывались парой фраз, обсуждая теперь уже в основном необычный Степин автомобиль.

Наконец, когда большое красное солнце уже почти скрылось за деревьями, медленно погружая мир в полумрак и разливая темноту по лесу, Степан замедлил ход. Полина, снова начавшая дремать, встрепенулась, села прямее, огляделась. То же самое сделала рядом и Мирра. Обе начали высматривать по сторонам огни деревни, которые вот-вот должны были выплыть из темноты, но ничего не увидели. И даже когда Степан остановил машину и вывалился из нее наружу, кругом все так же простирался лес.

— Приехали! — объявил Степан.

Полина снова огляделась. В темноте перед ними стоял всего один дом, а сразу за ним продолжался лес. Должно быть, дом Степана стоял на окраине деревни. Хозяин тем временем зажег тусклую лампочку над порогом и гостеприимно распахнул входную дверь.

— Прошу!

Глава 3

Первая ночь Мертвой недели

Мирра

Снаружи дом выглядел очень маленьким и оказался таким же внутри. В нем были небольшие сени, где стоял только старый холодильник, а к стене были прибиты несколько длинных гвоздей, как оказалось, для верхней одежды. Сразу из сеней дверь вела в единственную комнату, которая выполняла функции и кухни, и гостиной, и спальни. Посередине стояла большая русская печь, на которой, очевидно, предполагалось готовить еду, поскольку плиты Мирра нигде не увидела, слева от печи — грубо сколоченный стол с двумя лавками вместо стульев, справа — большая кровать, тоже наверняка самодельная. Между печью и кроватью примостился узкий высокий шкафчик. Два маленьких окошка по обе стороны от печи выходили на лес, а потому едва ли давали днем достаточно света. Лунный свет заглядывал в них осторожно, расстилая на полу лишь тонкую дорожку, которая не доходила до противоположной стены.

Мирре никогда не приходилось бывать в деревенских домах, но в кино и на фотографиях они выглядели несколько иначе. Правда, этот, похоже, не совсем деревенский дом, скорее, лесной. Возможно, охотничий: на стене у кровати висело ружье. Тогда его размеры соответствуют назначению. Вполне может статься, что

дальше в деревне у Степана есть еще один, уже более подходящий для жизни.

— Умывайтесь, — предложил Степан, сбросив с плеча тяжелый рюкзак, который захватил из машины. — Там, за печкой, есть умывальник. А я за дровами схожу. Нужно ужин приготовить.

Он вышел в сени, а секунду спустя хлопнула входная дверь. Путешественники остались одни, растерянно переглядываясь.

— Как-то не похоже это на деревню Еловое, — поевшись, заметила Полина.

Мирра была с ней согласна. Путешествие, начавшееся странно, теперь стало по-настоящему пугающим. Они ничего не знали о Степане, понятия не имели, должен ли он вообще был их встречать, не маньяк ли это, который отвез их в лес и готовится убить. От этих мыслей Мирре стало даже смешно. Не такая уж она важная птица, чтобы с ней обязательно должно было случиться что-то необычное.

— Возможно, до нее мы просто не доехали? — пожал плечами Матвей. — Придет Степан, спросим.

Умывальником оказалась пластиковая пятилитровая бутылка, прибитая к стене и заполненная водой. Под ней стояло старое металлическое ведро, в которую стекала использованная вода. Предполагалось чуть открутить крышку, быстро умыться и закрутить обратно. Горожане с этой задачей справились, хоть прилично облились и забрызгали пол вокруг. Впрочем, он не выглядел чистым, чтобы кого-то мучила совесть.

Более тщательный осмотр крохотного дома подтвердил догадку, что Степан не живет здесь постоянно: не было ни запасов продовольствия, ни лишних полотенец, ни второго комплекта постельного белья. Электричество выдавал генератор, установленный где-то рядом с домом: его мерное тарыхтение было хорошо слышно в лесной тишине.

Степан вернулся минут десять спустя с большой охапкой дров, выгрузил их возле печи, потянулся и посмотрел на гостей.

— Переночуем здесь, а завтра дальше пойдем.

— Пойдем? — переспросил Матвей.

— Дальше дороги нет, машине не проехать, — кивнул Степан.

Он принялся забрасывать дрова в печь, чтобы развести огонь, а потому не увидел, как напряженно переглянулись гости.

— А далеко идти? — уточнила Полина.

— Часа четыре. — Степан оторвался от своего дела, посмотрел на девушек, задержал взгляд на обуви Полины. — А обувка другая есть у тебя? А то будем идти не четыре, а двадцать четыре часа, и ты не дойдешь.

Мирра тоже посмотрела на обувь попутчицы. Белокурая фея умудрилась натянуть модные босоножки на танкетке. Мирра как-то мерила такие в магазине: и метра не прошла, до того они неудобные. Ходить в таких по лесу чистое самоубийство, никуда не дойдешь, Степан прав.

— Есть кроссовки в чемодане, — покраснев, сказала Полина.

Степан одобрительно кивнул, снова вернувшись к печи.

— Так что же, ты машину тут оставляешь? — снова спросил Матвей. — Не боишься, что угонят?

Степан коротко хохотнул.

— Некому тут. На сто километров одно Еловое, а свои не возьмут. Знают, что со мной лучше не связываться.

Степан наконец закончил с печью и отошел, оставив веселый огонек лизать сухие дрова. И хоть на улице стояло жаркое лето, но с огнем стало уютнее и теплее. Он отбрасывал на стену причудливые тени, и дом уже не казался таким угрюмым и неприветливым. Степан взял рюкзак, который принес из машины, поставил на лавку и принялся вытаскивать продукты: пачку дешевых макарон, банки с консервами, коробку с чаем, сахар, сушки, печенье.

Матвей подошел ближе, глядя на это, а потом заметил:

— Ты же сказал, что уже две недели ждал нас, а на сто километров вокруг никого нет, и в деревню пешком четыре часа

идти.

Мирре это показался странным, поэтому она навестила уши, не понимая, что необычного углядел Матвей. А вот Степан, по-видимому, намек понял, потому что глянул на него исподлобья и продолжил доставать продукты.

— Ну да.

— Так почему у тебя рюкзак с едой в машине был, а не здесь?

Степан посмотрел сначала на Мирру, которая подошла ближе, потом на Матвея.

— Нельзя здесь еду оставлять, — наконец буркнул он.

— Почему? — не поняла Мирра.

— Звери могут в дом забраться? — предположила Полина. Как оказалось, она тоже прислушивалась к разговору.

Степан ответил еще более нехотя, чем раньше:

— Звери ладно. Хозяин поселится.

— Хозяин? — переспросил Матвей. — Это не твой дом?

— Мой. Дед его строил, теперь он мой.

Было видно, что Степан не хочет продолжать эту тему, но он и так сегодня слишком часто увиливал, чтобы гости позволили ему продолжать в том же духе. В конце концов, они имеют право получить ответы хоть на какие-то вопросы!

— Тогда что за хозяин? — настойчиво повторила Мирра.

— Хозяином у нас домового называют, — наконец произнес Степан, со звоном поставил на стол последнюю банку и закрыл рюкзак.

Мирра и Матвей переглянулись. Мирра видела, что Матвей удивлен не так сильно, как она. Конечно, если он искренне верит в телефонные звонки с того света, то что ему домовый?

— Домового? — переспросила Полина, и в ее голосе Мирра тоже не услышала настоящего удивления.

Неужели она одна здесь здравомыслящая? Остальные искренне верят в призраков, домовых... может, еще и русалок заодно?

— А почему ты не хочешь, чтобы он здесь поселился? — продолжила спрашивать Полина. — Говорят же, что домовые следят за домом.

— Но при этом они хотят, чтобы за домом следил кто-то еще, — уже с большим энтузиазмом ответил Степан. Наверное, его ободрило, что не все гости настроены скептически и не подняли его сразу на смех. — То есть за домом надо ухаживать, появляться часто, хозяину еды оставлять. А я здесь бываю редко. Далеко от деревни. Шалить начнет от скуки.

— А если не оставить еду, он не придет? — с нескрываемым скепсисом поинтересовалась Мирра.

— Не, — Степан качнул головой. — Баба Глаша защиту поставила, — он кивнул в сторону двери. — Только оставленной едой ее можно разрушить, вот я и не оставляю.

Больше расспрашивать не стали. Всем хотелось есть и спать, не до разговоров. Пока варилась картошка в старом чугушке в печи, Полина, оказавшаяся не только красавицей, но еще и домовитой хозяйкой, приготовила незамысловатый салат, умудрилась из консервов соорудить произведение искусства. Мирра только с опаской косилась на большие куски тушенки с нерастопленным жиром и мерзкого вида холодцом. Она мясо почти не ела, даже приемной матери не удавалось заставить, но сейчас понимала, что поесть нужно. Завтра предстоит день гораздо более тяжелый, чем сегодня, а потому следует подкопить силы. И никакие овощи их не придадут в нужном количестве.

Все уже сели за стол, когда заметно повеселевший после прекратившихся расспросов о неудобных вещах Степан хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Я же совсем забыл!

О чем забыл, рассказать гостям не торопился. Вместо этого вышел из дома, закрыв за собой дверь.

— Куда он? — не поняла Полина.

Мирра, сидевшая за столом возле окна, выглянула на улицу. Степан открыл багажник машины и что-то не то искал, не то слишком аккуратно доставал. В тусклом свете фонаря над порогом было плохо видно. Вернулся несколько минут спустя, торжественно неся в руках бутылку с прозрачной жидкостью. Едва ли с водкой, скорее всего, с самогоном.

— Какой ужин без ста граммов, а? — весело подмигнул он.

Со стороны походило, что Степан уже отхлебнул из бутылки, потому и возился с ней так долго, но Мирре его веселье казалось тщательно разыгрываемым, а бутылка выглядела непочатой. Что-то было не так, но она не стала заострять на этом всеобщее внимание.

Степан вытащил из единственного шкафа, стоящего вплотную к печи, четыре рюмки, разлил по ним самогон и подвинул каждому.

— За знакомство! — возвестил он, высоко подняв рюмку.

Ни Матвей, ни Полина не выглядели обрадованными перспективой пить крепкий алкоголь неизвестного происхождения, но тоже подняли рюмки. Мирра последовала их примеру, чокнулась со всеми, но пить не стала. Она сидела очень удобно: с одной стороны ее прикрывала печь, с другой — Полина, наслаждавшаяся вниманием двух мужчин, а потому никто не увидел, как она быстро и ловко вылила содержимое рюмки под стол. Только бы не облить никого, ну а мокрый пол едва ли кто-то заметит. Мирра ничего не имела против алкоголя, дома порой коротала вечера с книжкой и бокалом вина, а иногда, оказавшись по нелепой случайности в компании, могла выпить что-то покрепче. Но сейчас ей очень не нравилось, как долго Степан возился с бутылкой в багажнике.

Самогон развязал языки, и ужин прошел за веселым трепом. Никто не касался деревни или предстоящей свадьбы, обходили стороной и домового, поэтому Степан полностью расслабился, отпускал скабрёзные шутки и первым над ними хохотал. Мирра внимательно наблюдала за происходящим и прекрасно видела, что Матвей и Полина уже клюют носом, в то время как Степан опьянение и сонливость только разыгрывает. Мирра выжидала момент, чтобы

поделиться наблюдениями с Матвеем и Полиной, но такой момент так и не представился. Степан никуда больше не выходил, а в маленькой комнатухе уединиться было негде.

Наконец засобирались ложиться спать.

— На улицу ночью не выходите, — напутствовал Степан, — я надеялся, что вы приедете раньше, но вы приехали к самому сроку, а потому там теперь опасно.

— Почему опасно? — откровенно зевая, спросила Полина. Было видно, что спросила скорее по инерции и тут же забыла свой вопрос, а потому Степан с чистой совестью не ответил.

— Я в сенях ведро поставил, если кому-то очень уж в туалет захочется. Вы ложитесь на кушетке, места обеим хватит, Матвей на печь заберется, а я на лавке устроюсь. Если что, будите.

По виду Полины и Матвея было понятно, что будить они не станут, поскольку едва ли проснутся раньше утра. Теперь Мирра точно уверилась, что Степан что-то подмешал в самогон. Она здорово устала от дороги и напряжения, а потому разыгрывать сонливость и опьянение, чтобы не вызвать подозрений, почти не пришлось.

— Чур я возле стенки! — хихикнула Полина, забираясь на твердую кушетку.

Спорить Мирра не стала. Ей было абсолютно все равно где спать. Если вообще удастся уснуть. Она никогда ни с кем не спала на одной кровати, а потому сомневалась, что сможет даже задремать.

Полина уснула, как только коснулась головой бугристой подушки. Матвей на печи тоже затих быстро. Мирра подложила ладони под щеку, но сквозь полуопущенные ресницы следила за хозяином дома.

Степан забросил остатки недоеденной еды в печь, сгреб со стола крошки, поднял даже те, что упали на пол, и тоже сжег в печи. Очевидно, он действительно верил в домового. Оставшиеся продукты собрал в рюкзак и отнес в машину. Приподнявшись на локте, Мирра осторожно подглядывала за ним через окно.

Спрятав рюкзак, Степан не сразу вернулся в дом. Какое-то время еще ходил вокруг машины и дома, словно ждал чего-то, курил. Время о времени останавливался, прислушивался, вглядывался в темноту между деревьями, но даже фонариком туда не светил. Мирра тоже вглядывалась, и в какой-то момент ей показалось, что темнота зашевелилась. Должно быть, сыграла злую шутку усталость, но она ясно увидела вспыхнувшие огоньки, будто два глаза. Вспыхнули и тут же погасли. Совпадение или нет, но Степан после этого быстро затушил сигарету о консервную банку и торопливо вошел в дом. Мирра слышала, как тщательно запирает он дверь. Когда Степан вернулся в комнату, она уже лежала на подушке и делала вид, что крепко спит.

Хозяин еще некоторое время ходил до дому, выглядывал в окно. Раза два подходил к ним, словно проверял, все ли спят. Мирра не открывала глаза, но слышала его осторожное дыхание, когда он склонялся над ней. Сама в те минуты дыхание задерживала, а сердце начинало биться гулко-гулко, она всерьез опасалась, что Степан услышит и поймет, что она не спит. И что тогда сделает? Заставит выпить самогона со снотворным залпом? Придушит подушкой? Выведет во двор и расстреляет из ружья, которое висит на стене?

Степан не был похож на маньяка, но мысли в голову лезли именно такие, Мирра ничего не могла с собой поделать. Наконец он лег на лавку, накрылся тяжелой фуфайкой и, похоже, уснул. В доме установилась полная тишина, нарушаемая лишь дыханием четверых людей.

А вот Мирре действительно не спалось. Полина, вопреки ее опасениям, лежала тихо и почти не мешала, но день был таким насыщенным, таким ярким и богатым на новые впечатления, что она не успевала задуматься, осознать, в какую глушь едет. Сейчас же, в ночной тишине и темноте почти физически чувствовала лес, обступающий дом со всех сторон. Вековые деревья подходили все

ближе и ближе, сжимали кольцо, трогали дом размашистыми лапами, стучали в окно, и в стуке Мирра ясно слышала свое имя.

Мир-ра, Мир-ра.

Деревья звали ее, приглашали выйти, посмотреть на них, почувствовать себя маленькой, крошечной в огромном чужом мире. Испытать растерянность и страх, осознать свою ничтожность. Они отбирали у нее небо, воздух, наклонялись низко-низко, хватали за волосы. Мирра отмахивалась, бежала, падала, поднималась и снова бежала, но деревьев меньше не становилось. Не было просвета, не было подсказки, куда идти дальше. Сколько ни смотри вокруг — все те же деревья. Сколько ни поднимай голову — все то же недостижимое небо. Сколько ни кричи — все то же невероятное одиночество.

И сердце от этого бьется так быстро, так гулко, отдает в виски, в уши. Хочется зажать их руками, зажмуриться, перестать видеть и слышать, а потом снова открыть и понять, что она не одна...

Мирра резко распахнула глаза и села, едва сдерживая громкие всхлипы. Пришлось зажать рот ладонями, чтобы никого не разбудить. Из глаз крупными каплями катились по щекам соленые слезы, тело сотрясала крупная дрожь.

Она все-таки задремала. Задремала, и деревья снова обступили ее, как тогда, много лет назад. Вот уже длительное время Мирре не снился этот кошмар. Она жила в большом городе, район специально выбрала такой, где стояли только высотные дома с минимумом зелени. Соседи жаловались на отсутствие парков и скверов, а она радовалась. Больше не было приемных родителей, которые считали своим долгом раз в год вывезти детей на дачу. Больше не было дачи. Не было деревьев. Как, черт побери, ее угораздило оказаться в этом лесу?!

Сделав несколько осторожных глубоких вдохов и медленных выдохов, Мирра отняла руки ото рта. Теперь можно не бояться разбудить остальных. Медленно огляделась. Со стороны печи доносилось легкое похрапывание, с лавки — сильнее. Удачное,

молодецкое. Степан с самого начала казался ей похожим на богатыря, и храп у него был такой же. Легкое дыхание Полины было едва слышным. Никого из них Мирра не видела, в доме было совершенно темно. Наверное, убывающая луна спряталась за облаками и теперь не освещала даже узкую полосу пола у самого окна.

Не сдержалась, бросила взгляд на окно. Но и за ним было черным-черно, ни ветки, ни дерева, ни кусочка неба не видно. Темнота стерла все краски, погасила огни. Мирра прикрыла глаза, еще раз глубоко вдохнула, открыла и едва не закричала. Не закричала только потому, что голосовые связки парализовало. Из окна на нее смотрели два ярко-зеленых глаза.

Прошло томительно длинное мгновение, пока она поняла, что глаза не за окном, не на улице, а отражаются в стекле, и их обладатель стоит за ее спиной. Теперь кричать было уже опасно, но из груди все равно вырвался не то стон, не то всхлип. Она быстро обернулась.

Зеленые глаза светились в темноте как два маячка. Кто-то стоял у двери и смотрел на нее. Мирра тоже смотрела, отдаленно понимая, что если это животное, то смотреть ему в глаза опасно, но не могла отвести взгляд. Обладатель глаз был небольшого роста, не больше полуметра, а то и меньше. Волк? Но как он оказался в доме? Мирра слышала, как Степан запирает дверь на замок, как закрывал засов. На засов она обратила внимание еще вечером: отодвигать его нужно было аккуратно, двумя руками, иначе он упал бы на пол. И уж это все услышали бы. Окна, через которые можно забраться в дом, в сенях не было. Как он попал сюда?

Пока рука машинально искала под тяжелой подушкой мобильный телефон, Мирра лихорадочно думала, что делать. Не опасно ли светить на зверя? Не спровоцирует ли она его на прыжок? Пока Степан проснется, пока сообразит, что к чему, пока дотянется до ружья, Мирру уже в клочья порвут. А если ружье не заряжено, то и Полину тоже. Может, лучше как-то разбудить

Степана? Но как? Любой шорох, звук могут спровоцировать волка не хуже света.

Пальцы сомкнулись вокруг теплого телефона, вытащили из-под подушки. Включать фонарик долго, поэтому Мирра просто зажгла экран и, не позволяя себе передумать, повернула его к двери. Колдовские глаза мгновенно погасли, уже не светились так ярко в темноте, но остались на месте. К облегчению, принадлежали они не волку, а огромному белому котяре. Даже если он дикий, все равно не такой опасный.

Мирра шумно выдохнула, даже плечи опустились. Только сейчас она поняла, как тяжело давил на грудь страх все это время. Если разобраться, то и коту неоткуда взяться в доме посреди ночи, но эти хитрые животные иногда, кажется, могут и сквозь стены просачиваться. Может, есть у него какая-нибудь тайная дыра, через которую он пробирается в дом. Например, печная труба. Или же он уже был здесь, схоронился в незаметном месте, чтобы Степан не выгнал, а как ночь наступила, вышел раздобыть пропитание.

В том, что кот голоден, Мирра не сомневалась. Он показался ей очень худым. Даже в тусклом свете мобильного телефона она видела, как торчат по бокам ребра, как облезла в некоторых местах шерсть.

— Сейчас, котенька, сейчас покормлю тебя, — пробормотала Мирра, слезая с кровати.

Она не питала особой любви к кошкам, но отказать в угощении голодному существу не могла. К сожалению, Степан сжег или вынес всю еду, в доме ни крошки. И тогда вспомнила, что в сумке лежит сэндвич. Уже немного черствый, но наверняка еще съедобный. Мирра купила коробочку с двумя сэндвичами, когда ехала на вокзал, один съела на ходу с чашкой кофе навынос, а второй сунула в сумку и забыла. Очень кстати.

Продолжая подсвечивать дорогу, Мирра встала с кушетки и, ступая осторожно, чтобы никого не разбудить и не напугать ночного гостя, двинулась к столу, где осталась ее сумка. Кот продолжал

сидеть на месте. Не мурчал, не выражал нетерпения. Просто ждал и сверлил ее зелеными глазами. После разговоров о домовых это немного пугало, поэтому Мирра торопилась быстрее найти угощение. Быть может, наевшись, кот уйдет тем же путем, которым пришел.

Она потянулась к сумке и чуть не закричала, когда кто-то резко схватил ее за запястье. Дернулась, пытаюсь вырваться, но чужие пальцы держали крепко. Через несколько секунд она поняла, что это Степан. Мирра повернула телефон к нему и с удивлением поняла, что он не выглядит сонным, как если бы она разбудила его каким-то неосторожным движением. Очевидно, не спал уже давно. Лежал на лавке и ждал, пока она подойдет, а потом точным и уверенным движением схватил за руку.

— Стой, — почти не разжимая губ, велел он.

Она и стоит. Разве ж можно пошевелиться, когда тебя так держат? Чуть сильнее дернешься — размозжит кости. Стало неудобно. Команда прозвучала слишком серьезно. Как будто где-то рядом опасность, которую она пропустила.

— Я просто хочу покормить кота, — пояснила она. — Он явно голоден.

Степан продолжал сжимать ее запястье, словно опасался, что она убежит, сел на лавке и посмотрел в сторону двери.

— Это не кот, — все так же коротко и отрывисто заявил он.

Мирра тоже повернулась к двери. Ну как же не кот? Вот же, четыре лапы, усы, уши. Большой очень, конечно, но дикие коты, должно быть, всегда такие?

— В смысле?

— Это хозяин.

— Домовой?

Степан кивнул. А затем все таким же отрывистым кивком головы указал на ее сумку.

— Есть еда?

— Ну да. Сэндвич. Я хотела угостить кота.

— Я же говорил в доме еду не держать!

Говорил, глупо отрицать. Но тогда он не помнил о сэндвиче.

Степан наконец отпустил ее руку, но потянулся к сумке и беззастенчиво расстегнул замок. Вытащил пластиковую упаковку, ловким движением кинул ее в печь и поджег. Огонь сначала неуверенно лизнул прозрачную коробку, заставил сморщиться краешек, а затем вспыхнул весело, осветил ярче комнату и с удовольствием вгрызся в хлеб с ветчиной, предназначавшийся коту.

— Ты же сказал, баба Глаша поставила защиту, — не удержалась от подначки Мирра.

Покоробило такое бесцеремонное обращение с ее собственностью, но открыто возмущаться она опасалась. Степан не совсем здоров психически, это ясно, но весит под центнер, и росту в нем метра два, а она пусть и не маленькая, но рядом с ним просто дюймовочка. С такими не спорят. А ответить очень хотелось.

Интересно еще, кто такая баба Глаша? И какую защиту она поставила?

— Защита и стоит, но ты своей едой приманила его. Он смог войти. Покормила бы — и все, уже не выгонишь. Кыш! — последнюю фразу Степан сказал коту, махнув на него рукой.

И тут произошло то, что заставило Мирру пожалеть о не выпитой за ужином рюмке самогона. Тогда смогла бы пенять на опьянение и галлюцинации. Кот недовольно зашипел, а затем выгнул спину, вспыхнул зеленоватым светом и растворился в воздухе, оставив после себя только легкий струящийся дымок, переливающийся оранжевыми всполохами отражаемого из печи огня. Еще несколько секунд — развеялся и он. Пустое место осталось там, где только что сидел большой белый кот.

— Это... как? — только и смогла выдавить Мирра.

— Ты привыкнешь, — мягко, будто по-отечески сказал Степан.

Мирра не была уверена, что хочет привыкать к таким вещам. Ей было уютно в большом городе, где обыденными вещами считались

метро, мобильные телефоны и интернет, а не домовые и коты, растворяющиеся в воздухе. Может быть, это и обыденно для деревни, но она выросла в городе.

— Ты поэтому накачал их чем-то? — Мирра кивнула в ту сторону комнаты, где мирно спали Матвей и Полина.

Она плохо видела лицо Степана, экран мобильного телефона давно погас, освещалось помещение теперь огнем в печи, который, доев сэндвич вместе с упаковкой, стал заметно меньше, но могла поклясться, что Степан смутился. Очевидно, не знал, что она в курсе его уловки.

— А ты наблюдательная, — похвалил он, и в голосе просквозило явное восхищение. — То-то проснулась. Поняла все и пить не стала?

— Зубы не заговаривай, — велела Мирра.

Степан вздохнул.

— Я ведь говорил, что ждал вас здесь две недели. Не знал, когда точно вас позовут, когда вы приедете, но надеялся, что это случится пораньше, и мы успеем добраться до деревни. К этой ночи вы будете все знать, а потому остерегаться. Но вы приехали в последний момент, учить вас чему-то у меня уже не было времени, рассказывать — тоже. Так сходу вы не поверили бы, а доказательств привести я тоже не успел бы. Поэтому пришлось вас усыпить, понимаешь?

— Ни слова, — честно призналась Мирра.

Степан похлопал ладонью по лавке рядом с собой, и Мирра послушно опустилась на нее.

— Сегодня такая ночь, — тихо и как-то торжественно начал Степан, — когда открывается дверь между Явью и Навью. Ты же знаешь, что такое Явь и Навь?

Мирра неуверенно кивнула. Славянскую мифологию она изучала, но не слишком усердно. Однако базовые знания имела.

— Явь — это наш реальный мир, Навь — мир мертвых.

— Если говорить грубо, то да, — подтвердил Степан. — Ходить между ними нельзя, дверь плотно закрыта, и открывается лишь

в одну сторону: чтобы пропустить душу человека после смерти из Яви в Навь. Но в некоторых местах ровно на одну неделю в году эта дверь открывается в обратную сторону. И тогда мертвые проникают в мир живых. Первая ночь — самая опасная. Мертвые ждали весь год, они голодны, а потому страшны и опасны. Во все ночи Мертвой недели лучше сидеть дома и не высовываться без лишней необходимости, но в первую ночь делать это категорически запрещено. Попадешься нави на пути — и нет возврата, съест, сам попадешь в Навь.

Мирра отчасти понимала, почему Степан не стал рассказывать это всем. Услышь она подобное днем, когда вокруг светло ярко светит солнце, а тени трусливо прячутся по углам, ни за что бы не поверила. Она и не могла до конца поверить, но волосы на теле вставали дыбом. Ночью в подобные рассказы даже если и не веришь, то на всякий случай остерегаешься.

— А в дом они войти не могут? — поинтересовалась Мирра, придав голосу легкие оттенки насмешливости. Словно и не всерьез спрашивает, словно не верит, а скорее подтрунивает.

— Если дом защищен, то не могут, — подтвердил Степан. — Лучшая защита — еда на пороге и на подоконнике. Навь поест да уйдет дальше. Но в этом доме еду ставить нельзя, хозяин поселится. А потому баба Глаша своими методами его защитила. Навь вреда не причинит, но напугать может. Поэтому ложись лучше спать. Может, и не явится сюда никто, а может и заглянет. Лучше тебе спать в этот момент.

Легко сказать: спать. А как тут теперь уснешь? Мирра чувствовала, что сон сейчас — последнее ее желание. Сердце снова зачастило, в глаза словно вставили спички.

— А у тебя самогон остался? — против воли спросила она.

Степан посмотрел на нее и улыбнулся.

— Того, что со снотворным отваром, нет. А отвар в машине, к ней не пойду. Я, знаешь, медведя не боюсь, однажды со стаей волков встретился — не испугался, а нави до дрожи в руках опасаюсь, хоть

и умею с ней сражаться. От нави не сбежать, взрослый ты или ребенок, сильный или ложку с трудом до рта доносишь. Навь нападет — и не отвертишься. Шансы даже у меня мизерные. Но могу тебе просто самогона налить. Если с непривычки — быстро вырубит.

Мирре самогон был с непривычки. Она и водку-то пила раза два в жизни, предпочитала вино. Поэтому согласилась просто на самогон, без снотворного отвара. Степан налил ей стопку.

— Хватит и одной, — авторитетно заключил он. — У меня самогон знатный, градусов шестьдесят, не меньше.

— А закусить есть чем? — с надеждой спросила Мирра, разглядывая мутную жидкость в стакане, на многочисленных гранях которого разбивались на тысячи осколков огненные отблески: огонь нашел еще что-то недогоревшее, а потому снова вспыхнул сильнее.

— Откуда? Я же сжег все.

Мирра еще немного подумала, но выбора не было. Выдохнула весь воздух из легких и, не давая себе передумать, залпом опрокинула стакан, быстро проглотила, чтобы не чувствовать мерзкого вкуса. Горло обожгло расплавленным оловом, желудок сжался, не желая принимать натуральный яд. Чтобы не завизжать и не дать самогону вернуться обратно, Мирра спрятала лицо в локте, вдохнула затхлый аромат, которым уже пропитался свитер. В каком-то фильме она видела, что так делают мужики, когда у них нет закуски. Должно быть, тоже пытаются удержать в себе мерзкое пойло.

Спустя несколько бесконечных секунд пальцы, сжимающие горло, наконец ослабли. Мирра вдохнула уже спокойнее, вытерла градом льющиеся по щекам слезы и увидела, что Степан внимательно смотрит на нее. Увидев, что она справилась с самогоном, он улыбнулся. Снова покровительственно, по-отечески.

— Ложись, — мягко велел он. — Теперь точно до утра не проснешься.

Мирра с трудом помнила, как дошла до кровати, как забралась на нее и уткнулась лицом в белоснежные волосы Полины,

разметавшиеся по подушке. Кажется, тяжелым одеялом ее накрывал уже Степан. Она провалилась в тревожный сон, в котором снова бежала по лесу, но больше не была одна. Ее преследовали невидимые навьи, гнались за ней, хватали за руки и ноги, но проснуться, как обычно бывает во время кошмара, она не могла.